

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 2 (61) 2022

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

С. М. Голятина, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, директор Иркутского юридического института — филиала Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, начальник института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — 22761.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
22.06.2022.

Дата выхода в свет:
27.06.2022.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 24,5.
Усл. печ. л. 22,8.
Тираж 500. Заказ 25.

Цена по подписке
на 2022 г.
по каталогу
«Пресса России»
1194 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2022

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, начальник НИЦ № 2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. А. Шматов, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
No 2 (61) 2022. —
Volgograd :
VA MVD Rossii,
2022. — 196 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" – **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

No 2 (61)
2022

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

EXECUTIVE SECRETARY

S. M. Golyatina, Post-Graduate Student at the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Management of Internal Affairs Bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. T. Ashirbekova, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

M. V. Bavsun, Deputy Head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

O. P. Gribunov, Head of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
22.06.2022.

Date of publication:
27.06.2022.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 24,5.
Conventional print sheets 22,8.
500 copies. Order 25.

Subscription price
for the 2022
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1194 rub. 00 kop.
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2022

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. V. Katkov, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. L. Osipenko, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Chief Researcher for the Study of Problems of the History of the Ministry of the Interior of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Pobedkin, Head of the Department of Criminal Policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. A. Ruchkin, Professor at the Department of Forensic Examination and Physical Materials Science of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. S. Samodelkin, Head of the Research Center No. 2 of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

K. K. Seitenov, Professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. A. Shmatov, Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

S. A. Yanin, Professor at the Investigation Work Organization Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Грачев Н. И.
Особенности имперского суверенитета
в исторической ретроспективе и перспективе

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Абисова К. С.
Стратегическое планирование
противодействия терроризму

Бугера Н. Н., Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А.
Публичное распространение
заведомо ложной информации о деятельности
Вооруженных Сил Российской Федерации:
некоторые вопросы толкования
уголовного закона

Буткевич С. А.
Дерадикализация миграционных процессов
в современных условиях: криминологический аспект

Корнеев С. А.
Благотворительность в уголовном праве:
добровольная безвозмездная деятельность
или меркантильный способ заглаживания вреда

Петров И. В., Балабанов А. А.
Региональные аспекты минимизации
теневой экономики
в контексте криминологического обеспечения
экономической безопасности
(на примере Республики Крым)

Поникаров В. А.
Правовая эволюция администрирования
уголовно-исполнительного надзора
за осужденными в исправительных колониях

Рыбокитова Ж. И.
Криминологическая характеристика
личности студентов образовательных организаций,
совершивших преступления

Стрилец О. В., Нифталиева И. А.
Реализация принципа справедливости
в установлении ответственности
за убийство матерью новорожденного ребенка:
история и современность

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

Grachev N. I.
Features of imperial sovereignty
in historical retrospective and perspective

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Abisova K. S.
Strategic framework
for countering terrorism

Bugera N. N., Likholetov A. A., Likholetov Ye. A.
The public spreading of misleading information
about the activity of the Armed Forces
of the Russian Federation:
some issues of interpretation of the criminal law

Butkevich S. A.
Deradicalization of migration processes
under modern conditions: criminological aspect

Korneev S. A.
Charity in criminal law:
voluntary gratuitous activity
or a mercantile way of making amends

Petrov I. V., Balabanov A. A.
Regional aspects of minimization
of the shadow economy
in the context of criminological ensuring economic security
(on the example of the Republic of Crimea)

Ponikarov V. A.
Legal evolution of administration
of the criminal executive supervision
of confirmed in correctional colonies

Rybokitova Zh. I.
Criminological characteristics of students
in educational organizations committed crimes

Strilets O. V., Niftalieva I. A.
Implementation of the principle of justice
while establishing liability
for the murder of a newborn child by his mother:
history and modernity

<i>Ханова И. В.</i> Использование IT-технологий при совершении преступлений против жизни, связанных с суицидом: уголовно-правовой аспект	74	<i>Khanova I. V.</i> Applying IT-technologies while committing crimes against life related to suicide: criminal legal aspect
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES
<i>Азимзода Ш. Дж.</i> Правовые основания и процессуальные условия прекращения уголовных дел в досудебном производстве по законодательству Республики Таджикистан	81	<i>Azimzoda Sh. J.</i> Legal basis and proceeding conditions termination of criminal cases in pre-court proceedings under the legislation of the Republic of Tajikistan
<i>Аммалайнен В. А.</i> Современное состояние преступности, связанной с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами	90	<i>Ammalainen V. A.</i> The current state of crime related to the provision of services for the management of apartment buildings
<i>Батурин В. Ю., Еремин С. Г.</i> Вопросы процесса доказывания по уголовным делам, связанным с расследованием преступлений экономической направленности	96	<i>Baturin V. Yu., Eremin S. G.</i> Specification of proving procedure on criminal cases related to economic crimes
<i>Буй Конг Фу</i> Влияние международного права и уголовно-процессуального права зарубежных стран на становление правового положения обвиняемого в уголовно-процессуальном праве Вьетнама	103	<i>Bui Cong Phu</i> Influence of international law and the criminal procedural law of the foreign countries on the formation of the legal status of the accused person in the criminal procedural law of Vietnam
<i>Диденко Н. С., Кокорева Л. В., Кокорев Р. А.</i> Угон транспортного средства: уголовный, уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты	110	<i>Didenko N. S., Kokoreva L. V., Kokorev R. A.</i> Vehicle theft: criminal, criminal procedural and criminalistic aspects
<i>Домовец С. С.</i> Об особенностях совершения и выявления хищений в сфере экспресс-доставки товаров и грузов по России и миру	117	<i>Domovets S. S.</i> On the features of committing and detecting theft in the field of express delivery of goods and cargo in Russia and the world
<i>Кудайбергенова Е. А.</i> Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего при заключении процессуального соглашения (в форме сделки о признании вины) в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан	124	<i>Kudaybergenova Ye. A.</i> Proniving with the rights and legal interests of the victim while making procedural agreement (in the form of plea-bargaining arrangement) in the criminal proceedings of the Republic of Kazakhstan

<i>Кутуев Э. К., Розикзода Ф. М.</i> Полномочия начальника органа дознания и начальника подразделения дознания МВД России в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: понятие, история, тенденции развития	130	<i>Kutuev E. K., Rozikzoda F. M.</i> Powers of the head of the body of inquiry and the head of the department of inquiry of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the pre-trial stages of criminal proceedings: concept, history, development trends
<i>Лугинец Э. Ф., Лугинец Е. А., Третьяков Ю. В.</i> Взаимодействие оперативных и следственных подразделений при противодействии организованным группам (преступным сообществам): актуальные проблемы и пути решения	136	<i>Luginets E. F., Luginets E. A., Tretyakov Yu. V.</i> Interaction of operational and investigation divisions in counteraction to organized groups (criminal communities): current problems and solutions
<i>Лыков Д. А.</i> Роль председательствующего в управлении ходом судебного заседания при коллегиальном рассмотрении уголовного дела	144	<i>Lykov D. A.</i> The role of the presiding judge in managing the process of the court session during the collegial consideration of a criminal case
<i>Льонг Чунг Киен</i> О возможности признания потерпевшим по уголовному делу публично-правового образования и возмещении ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности (на примере Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам)	150	<i>Lyong Chung Kien</i> On the possibility to a public law entity is declared as a victim, and compensate damages which are suffered with economic crimes (on the example of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam)
<i>Мелихов А. И.</i> Философские основы понимания категории «безопасность» в контексте оперативно-разыскной деятельности	156	<i>Melikhov A. I.</i> Philosophical foundations of understanding the category "safety" in the context of operational search activities
<i>Митькова Ю. С., Горкина Е. В., Колбасина Е. Е.</i> Начальник органа дознания в системе ведомственного процессуального контроля в уголовном судопроизводстве России: сравнительный анализ	163	<i>Mitkova Ju. S., Gorkina E. V., Kolbasina E. Eu.</i> Head of the body of inquiry in the system of departmental procedural control in Russian criminal proceedings: comparative analysis
<i>Смагоринский Б. П., Сычева А. В.</i> О некоторых актуальных способах совершения мошенничества в отношении физических лиц в современных условиях	172	<i>Smagorinsky B. P., Sycheva A. V.</i> On some actual ways of committing fraud against individuals in modern conditions
<i>Суховой А. А.</i> Деятельность оперативных подразделений на стадии предварительного расследования	179	<i>Sukhovey A. A.</i> Activities of operational units at the stage of preliminary investigation
<i>Черкунова Т. В.</i> Реалии реализации защитительной деятельности в уголовном процессе посредством заявления ходатайств	186	<i>Cherkunova T. V.</i> Real implementation of protective activities in criminal proceedings through the application of petitions

УДК 342.3

doi: 10.25724/VAMVD.ZWXY

**ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ*****Николай Иванович Грачев***

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

grachev.n.i@mail.ru

Аннотация. Крах глобализации и становление многополярного мира ведут к становлению крупных государственных образований неоимперского типа, что делает актуальным концепт империи для современного Российского государства и отечественной политико-правовой науки. В связи с этим автором проводится исторический анализ особенностей организации, легитимации и реализации верховной власти империи, в наличии которой находит свое фактическое и юридическое выражение суверенитет любого государства. Целями такой ретроспекции является доказательство того очевидного для автора факта, что империи и имперский суверенитет никогда и никуда не уходили и не уходят из мировой политики, они лишь меняют свои формы, а иногда и акторов. Отсюда проистекает совокупность методов научного познания, используемых в работе, среди которых основное место заняли диалектический метод и цивилизационный подход при системном анализе основных тенденций развития имперской государственности в исторической ретроспективе и в современном мире. В результате автор приходит к следующим выводам: а) наиболее характерные черты организации, легитимации и реализации имперской верховной власти всегда связаны с особенностями территориального строения империй и характером отношений между ее центром и этнополитическими периферийными образованиями, обладающими различными правовыми статусами; б) чтобы создать органическое единство всех стран и народов, входящих в империю, нужен объединяющий социально-политический проект, некая общая идея существования разностатусных территорий, носителем и символом которой может выступать только ее верховная власть.

Ключевые слова: империя, суверенитет, верховная власть, локальная цивилизация, сакральность власти, легитимация власти, центр и периферия, унитаризм, федерализм, конфедерализм

Для цитирования: Грачев Н. И. Особенности имперского суверенитета в исторической ретроспективе и перспективе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 9—19. doi: 10.25724/VAMVD.ZWXY

**FEATURES OF IMPERIAL SOVEREIGNTY
IN HISTORICAL RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE*****Nikolay Ivanovich Grachev***

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Volgograd, Russia, grachev.n.i@mail.ru

Abstract. The collapse of globalization and the formation of a multipolar world lead to the formation of large state formations of the neo-imperial type and make the concept of empire relevant for the modern Russian state and domestic political and legal science. In this regard, the author conducts a historical analysis of the features of the organization, legitimation and implementation of the supreme power of the empire, in the presence of which the sovereignty of any state finds its actual and legal expression. The purpose of such retrospection is to prove the obvious fact for the author that empires and imperial sovereignty have never gone anywhere and are not leaving world politics, they only change their forms, and sometimes their actors. Hence the set of methods of scientific knowledge used in the work, among which the main place was taken by the dialectical method and the civilizational approach in a systematic analysis of the main trends in the development of imperial statehood in historical retrospective and in the modern world. The following conclusions resulted: a) the most characteristic features of the organization, legitimation and implementation of imperial supreme power are always associated with the peculiarities

of the territorial structure of empires and the nature of relations between its center and ethno-political peripheral entities with different legal statuses; b) in order to create an organic unity of all countries and peoples that make up the empire, a unifying socio-political project is needed, a certain general idea of the existence of territories of different statuses, the bearer and symbol of which can only be its supreme power.

Keywords: empire, sovereignty, supreme power, local civilization, sacredness of power, legitimation of power, center and periphery, unitarism, federalism, confederalism

For citation: Grachev N. I. Features of imperial sovereignty in historical retrospective and perspective. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—19, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZWXY

Происходящий на наших глазах закат глобализации характеризуется отказом целого ряда государств, претендующих на суверенное существование, от контроля со стороны единственной сверхдержавы в лице США. Происходит становление многополярного мира, где новые центры геополитического влияния начинают интегрировать крупные географические регионы по цивилизационному признаку. В этом прослеживается перспектива реактуализации имперских практик, поскольку основной формой политического существования локальных цивилизаций всегда выступала империя. Основные тенденции мирового развития свидетельствуют о постепенном формировании метагосударственных образований неоимперского типа. Они, разумеется, не могут быть абсолютной копией прежних империй, но целый ряд их качественных и статусных характеристик вновь оказываются востребованными и воспроизводятся в новых условиях лишь с незначительными модификациями.

Особую актуальность концепт империи имеет для современного Российского государства и отечественной политико-правовой науки. Во-первых, Россия изначально, с момента объединения славянских и финно-угорских племен первыми Рюриковичами, была потенциально, а затем и реально, империей, в том числе в советский период. Во-вторых, как показывает историческая практика, только имперская организация российского государства может обеспечить русскому народу независимое и самостоятельное существование среди других стран и народов. В-третьих, само существование России в качестве суверенного государства уже в силу размеров занимаемой территории, природной, этнической и конфессиональной гетерогенности предполагает использование ее руководством целого ряда имперских форм и методов в территориальной организации власти и управления, что делает нашу страну уже сейчас в чем-то имперским государством. В-четвертых, в многополярном мире решающую роль на международной арене будут играть несколько центров силы неоимперского типа,

и у России нет иного выхода, кроме как быть в их числе.

Империя — это политическая форма существования локальной цивилизации как объединения различных стран и народов в рамках единой культурной парадигмы, сочетающая в своей территориальной организации различные принципы государственного устройства (децентрализацию, автономию, федерализм, конфедерализм, протекторат и др.) при стойкой тенденции к унитаризму и централизации, выступающая на международной арене как великая держава [1, с. 138]. Таким образом, основным политико-правовым признаком империи является уникальное в каждом конкретном случае сочетание элементов унитаризма, федерализма и конфедерализма, не сводимое ни к одному из них. Это, в свою очередь, накладывает отпечаток на особенности организации и осуществления верховной имперской власти, делая их весьма специфическими как с формально-правовой, так и с фактической стороны.

В феномене верховной власти находит свое практическое и юридическое выражение суверенитет любого государства [2, с. 56—57]. Суверенитет является понятием, выражающим иерархичность отношений между официальными носителями власти в государстве и утверждающим, что в этих отношениях должен быть некий высший центр действия, обладающий способностью последних решений [3, с. 540]. В конечном счете в этом и состоит сущность суверенитета, который «юридически должен правильно определяться... как монополия решения» [4, с. 26], обладающего следующими признаками: а) оно есть акт политического управления, т. е. относится ко всему государственному организму или важнейшим сферам его жизнедеятельности; б) является исключительным и последним, т. е. не подлежащим оспариванию, обжалованию и пересмотру.

Важнейшим отличительным признаком империи являются особенности имперского суверенитета, находящие свое проявление в формах и способах организации, легитимации и реализации верховной власти империи.

В семантическом плане понятие «империя» непосредственно связано с идеей верховной власти как возможности и способности обладать ее достаточной полнотой не только в номинальных границах государства, но и далеко за их пределами. Особенности организации и статуса имперской власти, специфика реализации ею своих суверенных прерогатив связаны, во-первых, с мифом об особой миссии империи вроде несения благ цивилизации непросвещенным народам, обеспечения всеобщего мира и превращения всего «земного круга» в вечное царство справедливости [5, с. 95—96], а во-вторых, с реальной политико-административной практикой империй, которая оказалась если и не полностью соответствующей этому мифу, то в значительной степени согласующейся с ним, поскольку он оказался достаточно тонко и глубоко вплетен в ткань имперского механизма власти и управления. Мифологический концепт империи как сакральной всемирной державы, охватывающей в идеале весь окружающий мир, питает ее претензии на всемирно историческое значение и универсальность, а следовательно, на уникальность и единственность как минимум в рамках одной цивилизационной парадигмы.

Идея универсальной империи неотделима от воззрений языческого монархизма, широко распространенного в древневосточных державах: Вавилоне, Ассирии, Египте, Китае, Иране. В соответствии с ними порядок небесной иерархии является прообразом для иерархии земной, власть земного царя подобна божественной власти, совершенно универсальна и простирается на весь мир. Эти представления посредством соприкосновения с восточным миром, в частности с эллинистическими монархиями, возникшими на обломках империи Александра Македонского, перешли в идеологию императорского Рима [3, с. 49—53; 6, с. 227—228] и стали одним из основных источников политической традиции организации власти и управления практически всех империй вплоть до настоящего времени, несмотря на демократическую десакрализацию государства и власти в Новое и Новейшее время.

Синтез империй с монотеистическими религиями — в IV в. в Риме и Византии, а затем в VII в. в Арабском халифате — привел к возникновению классической имперской формулы: одна империя, один Бог, один император [7, с. 20], что сразу поставило императорскую власть в доминирующее положение по отношению ко всем правителям территорий, входящих в орбиту имперского влияния. Внешне и Византийская, и Арабская империи представляют собой бесчисленный конгломерат племен

и народов, входящих в их состав, но живущих своими этноконфессиональными анклавами. Этому механическому симбиозу органическое единство до известной степени придавали христианская Церковь в Византии и умма (мусульманская община) в Арабском халифате, но в основном и главным — власть императора и халифа как заместителей единого Бога на земле. Отсюда проистекало сходство составной части титула Византийского императора — «автократор» (греч. «самодержец») с титулом Спасителя — «Пантократор» (греч. «всевластитель, вседержитель») [8, с. 140] и происходил самый высокий титул в мусульманских империях — халиф (араб. — «преемник, заместитель»), выступающий как глава государства и одновременно первосвященник, замещающий Пророка в деле соблюдения и проведения в жизнь всех законов, которые изложены в Коране и Сунне.

Таким образом, *первая особенность верховной власти империи проявляется в самом наименовании, официальном титуле ее верховного правителя*. Это нашло свое выражение уже у Александра Македонского, провозгласившего себя Царем Царей — титулом, который он, в свою очередь, позаимствовал у верховных правителей иранской империи Ахеменидов. По-персидски этот титул звучит как шахиншах. Им позднее пользовались на протяжении более чем 2 000 лет (с перерывами) правители иранского государства. Повелители степных империй раннего средневековья, как позднее и Монгольской империи, именовались титулом «каган» (хакан), что означает «хан ханов». Властители Османской империи, создавшие ее на основе комбинации и сочетания тюркской, иранской, византийской, арабской и монгольской традиций, имели титулы султан султанов, хан ханов, повелитель правоверных и наследник пророка Владыки Вселенной. Но после завоевания Константинополя (1453 г.) султан Мехмед II делает его своей столицей и «награждает себя титулом кайсар-и Рум, римский кесарь» [9, с. 15], принимая на себя наследие византийских и римских императоров [10, с. 97].

Особенности титулатуры правителей империй выступают как формальный, но весьма важный признак имперской верховной власти, имеющий под собой сущностное основание, связанное с учением о единой всемирной империи, которой в качестве формы правления соответствует лишь вселенская монархия во главе с императором, олицетворяющим единство всего человеческого рода.

Учение о всемирной монархии складывается в Византии уже на рубеже Античности и Средне-

вековья (IV—VI вв.). В соответствии с ним как есть один Бог, так есть и один император, поскольку земное царство есть лишь отражение небесного. Константинополь есть столица мира, а византийский император — господин вселенной. Все другие государи, короли и князья получают свою власть от императора или, по крайней мере, правят с его соизволения [11, с. 142—143]. Поэтому тот, кто правит Константинополем, и есть император, являясь одновременно владыкой земного шара (*dominus mundi*) [10, с. 98]. И как таковой «он является сувереном князей и царей», правит их землями и тем самым «представляет могущество превыше сообщества, которым он управляет» [12, с. 442]. По сравнению с другими светскими государями, его власть имеет совершенно другой онтологический и гносеологический смысл, связанный с функцией «катехона», удерживающего Мир от прихода Антихриста и наступления «конца света». Она есть некое поручение, исходящее из небесных сфер, и представляет собой некое трансцендентное и более всеобъемлющее, чем простая материальная сила, духовное могущество, способствующее установлению мира и справедливости в отношениях между национально и культурно автаркическими общностями [13, с. 33—40]. Поэтому назвать себя императором исключительно по собственному желанию или же для поднятия престижа страны невозможно, поскольку с этим титулом связывается комплекс четких и вполне осязаемых свойств, прав и обязанностей, места и роли в международной, геополитической иерархии и т. п. [14, с. 42].

На рубеже VIII—IX вв., с восстановлением Западной Римской империи Карлом Великим, эти идеи приходят в Европу, и политическим идеалом европейского средневековья становится универсальная империя как сообщество королей, князей и принцев, народов и стран под руководством римского императора, который возвышается над ними всеми и не принадлежит ни к одной из наций [10, с. 82].

Однако исторически за идеями мировой империи и вселенской монархии стояли процессы образования и развития макрорегиональных империй, которые выступали исходным пунктом онтогенеза современных цивилизаций, чему способствовали разрыв между Римской (впоследствии ставшей католической) и Византийской (православной) церквями и возникшая на этой основе политическая конкуренция между Западом и Востоком, где на основе разделения и синтеза различных культур последовательно возникает целый ряд имперских образований. Но воспринятые и унаследованные

ими имперская мифология и идеология способствовали тому, что верховная власть любой империи закрепляет за собой формально и (или) фактически особый правовой и духовный статус. Как *высший законодатель и судья* она обязана разрешать споры и конфликты, нередко возникающие в имперском пространстве между полусуверенными государями и автономными провинциями. Но принятие ее арбитража с их стороны всегда есть не столько подчинение ее юридическому статусу, сколько свойственному ей *духовно-нравственному авторитету*.

Таким образом, **второй значимой особенностью имперского суверенитета является специфический юридический и особый духовно-нравственный статус высшего органа имперской власти и должностного лица империи**. Отсюда проистекают те неформальные титулы, которыми в разные исторические периоды и в самых различных государствах награждались их руководители. Первому императору Рима Октавиану при формальной передаче ему верховной власти от Сената в 27 г. до н. э. был дарован титул «Август», что означает «возвеличенный богами». Позднее термин «Август» приобрел значение официального титула императора во многих странах. Во 2 г. до н. э. Октавиан получил *почетный титул* «отец отечества». Еще ранее этот титул был дарован Юлию Цезарю, первому, кто провозгласил себя пожизненным императором, придав этому наименованию военного вождя официальный общегосударственный характер. Позднее звание «отец отечества» присваивалось целому ряду римских императоров, а впоследствии присуждалось руководителям многих государств: Петру I в России, Д. Вашингтону в США, Вильгельму Оранскому в Нидерландах и Густаву I Вазе в Швеции (когда эти страны находились в фазе становления империй). И. В. Сталин в СССР получил неформальный титул «отец народов». Точно так же *неофициальным или полуофициальным является титул «великий»*, который носили правители многих империй и великих держав древности, Средневековья и даже Нового и Новейшего времени.

Поэтому императорский титул, как бы он ни обозначался в различных имперских культурах, означал не просто определенный ранг. Это была прежде всего теологическая категория, отмечающая собой присутствие повелевающего центра всей имперской космосферы [15, с. 701], не только как земного политико-правового порядка, но и прообраз Царствия Небесного. Соответственно, император рассматривался как владыка вселенной, формальное право которого распространялось в качестве

универсального на все нации и народы, даже те, что еще не были реально подчинены его власти. Таким образом, титул императора во всех языковых транскрипциях включает в себя не только власть как территориальное могущество, но и наличие некоего безусловного права повелевать, основанного на особом мистическом сочетании материальной силы и авторитета, имеющего морально-нравственный и духовно-идеологический характер, исключающий недоверие и критику или выдвигание условий, что практически означает абсолютный характер императорской власти [16, с. 38—40]. Хотя формально-юридически это бывает не всегда, и нередко присоединяемые к империи народы и государства входят в ее состав, сохранив формальные признаки суверенности.

Все империи сознательно или бессознательно возвращаются к древне-языческому религиозному пониманию верховной власти как «солнечному синтезу царского и жреческого», воплощаемого в фигуре сакрального суверена [17, с. 17], объединяющего в себе оба эти начала. Само слово «суверенный» означало «нечто смежное с сакральным» [18, с. 375], в чем и состоял «главный смысл» императорского титула, выражая его непререкаемый авторитет, а «на современном политологическом жаргоне — абсолютный суверенитет» [14, с. 42].

Сакральность есть общий имманентный признак подлинной верховной власти, позволяющий ей устанавливать и поддерживать государственно-правовой порядок без принуждения и насилия, во всяком случае, постоянного или длительного. Поэтому могущество империи никогда не носит чисто материального характера, а ее господство «вовсе не идентично насильственной власти». Оно осуществляется более тонко, с помощью «идей — сил мифов» как принципов, «направленных на пробуждение энергии, социальных движений и течений посредством различных моральных, эмоциональных, религиозных и традиционных видов внушения, могущих воздействовать на массы» [17, с. 30—31]. Этим совсем не отрицается принцип принудительности власти, полезность и необходимость применения насилия, но лишь там и тогда, где и когда в этом появляется действительная нужда. Когда империя в своем движении наталкивается на затвердевшие и отжившие социальные формы и образования (религиозные, политические, правовые, экономические, территориальные), которые нужно преодолеть, поглощая и включая в свой состав, когда необходим акт направленного, организующего вмешательства в хаос различных неорганизованных, бунтующих сил и структур — насилие

и принуждение применяются имперской властью как вполне адекватные и органичные средства. Но они являются лишь инструментом и рассматриваются как рудиментарная, подготовительная фаза для установления подлинных отношений властвования. И в периоды наивысшего расцвета империй принуждение, применяемое органами имперской власти, становится почти неосязаемым; мир подчиняется им, «как ему кажется, добровольно и с готовностью, в чем как раз и заключается высшее качество власти» [19, с. 55].

Таким образом, *третья особенность имперской верховной власти состоит в особом характере ее легитимации — признании за ней сакральной природы и трансцендентной силы, данных свыше, откуда проистекает добровольность ее принятия, не только и не столько со стороны подданных (граждан), но прежде всего, со стороны различных государственных образований, входящих в состав империи в качестве периферийных частей и, соответственно, различных и разнообразных этноконфессиональных и региональных элит.*

Такой подход к верховной власти империи характерен не только для древности и Средневековья. *Империи Нового и Новейшего времени пусть в профанной, искаженно-упрощенной форме унаследовали от традиционных империй отношение к имперской верховной власти как сакральному институту.*

Буржуазные революции XVIII—XIX вв. в значительной степени подвели черту под эпохой священных монархий в глобально-историческом масштабе, поскольку на смену религиозной идентичности народов пришла национально-этническая. Само формирование национальной государственности входит в существенное противоречие с фундаментальными особенностями традиционной имперской государственности. Становление парламентской демократии, господство принципа разделения властей приводит к смещению сосредоточия суверенитета от монарха к народу и представительным учреждениям, подвергая абсолютную монархию делигитимации. Однако с течением времени становится ясно, что политическая модернизация западного общества «не только размывает глубинные основания социального порядка традиционных империй, но и порождает новый вид имперской организации — империи колониальные» [20, с. 82], в основе становления которых находится развитие капитализма как общественно-экономической формации, что и вызывало империалистическую экспансию европейских держав.

К началу XX в. крупнейшие империалистические державы произвели между собой территориальный раздел мира [21, с. 387], почти все части которого стали их колониальными владениями или, сохраняя формальный суверенитет, находились от них в серьезной экономической зависимости. Это относится и к таким государствам имперского типа, как Япония, Китай, Турция, Иран и Россия. Так, «европейские империи стали формой организации мирового экономического и социального пространства, а империализм — итогом развития этих империй» [22, с. 628]. В зависимых регионах империализм и его обратная сторона — колониализм стали средствами реализации глобального капиталистического проекта, инструментами капиталистической экспансии, формой, в которой она развивалась. Но, как и в прежние времена, эта экспансия представлялась в виде «цивилизаторской миссии», имеющей целью вывести отсталые народы на путь прогресса и самостоятельного развития. До определенной степени это соответствовало действительности. Колониализм и империализм имеют две стороны. Первая связана с безжалостной эксплуатацией, ограблением колоний и даже полным уничтожением целых этнических групп. Другая состоит «в вырывании колонизируемых народов из векового застоя, в приобщении их к достижениям самых развитых к тому времени обществ» [23, с. 458]. Не случайно К. Маркс сравнил английское вторжение в Индию с социальной революцией [24, с. 135]. Империалисты-колонизаторы наряду с разграблением богатств колониальных стран строили в них фабрики и заводы, железные дороги, создавали телеграфную сеть, внедряли европейское образование и науку, готовили кадры местной интеллигенции, ученых, врачей, инженеров, современных администраторов и т. п. В результате этого капиталистические отношения распространились по всему миру [23, с. 458].

В этом не менее важную роль, чем превосходство в военной силе и преимущество в экономическом развитии, сыграло повсеместное внедрение в зависимых странах западной либеральной идеологии, главным содержанием которой являлись претендующие на универсальность либерально-демократические ценности: идеи прогресса и развития, свободы и демократии, разделения властей и парламентаризма, неприкосновенности частной собственности и свободного рынка, прав человека и гражданского общества. Элитам Великобритании и США удалось не только придать этим ценностям всеобщее значение, выиграв соревнование за умы у консервативной и коммунистической контрэлиты

стран Центральной Европы (Германия) и Евразии (СССР), но и стать их проводником на колониальной периферии. Более того, *либерально-демократическим принципам было придано фактически культовое значение*, вполне сопоставимое с прежними религиозными системами. Эта ротация прошла достаточно легко и произвольно, поскольку «все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия» [4, с. 57]. В метаморфозе, произошедшей с доктриной суверенитета, нужно было только лишь перенести все предикаты верховной власти с одного субъекта на другой. Поэтому в его новой демократической версии место всемогущего и трансцендентного (но не метафизически, а юридически) Бога занял народ, место его наместника, непосредственного носителя верховной власти — парламент и (или) президент, а Божественное откровение заменила Конституция [2, с. 283], что по сути представляло собой перевернутую секуляризированную разновидность идеи божественного права [25, с. 147—149].

Из такого рода идеологических метафор происходит *квазисакральное отношение к верховной власти* стран — лидеров западного мира, сначала — Великобритании, а затем — США, поскольку именно они выступают выразителем либерально-демократических ценностей в современном мире, взяв на себя роль высшего арбитра в вопросах демократии и прав человека в постколониальных странах. Однако эта сакральность выражается уже не в номинальном титуле главы государства, представляющего имперский центр, а в его фактическом статусе и правомочиях по отношению к управленческим структурам зависимых стран. Так, президенты США берут на себя роль координаторов на саммитах стран «Большой семерки» (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Япония, Канада), в рамках которых осуществляется согласование основных геополитических подходов к актуальным международным проблемам. Они выдвигают свои внешнеполитические доктрины, становящиеся обязательной программой действий практически для всех западных государств и зависимых от них стран, доминируют в НАТО и большинстве других международных организаций и т. д. Их поведение наглядно демонстрирует: если страна по своей геополитической сути является империей, то ею неизбежно будет править лицо, обладающее фактическим статусом императора [14, с. 46]. И хотя в настоящее время не существует титула, отличающего правителя сверхдержавы от руководителей

других государств, каждый президент США есть «действительно император» [26, с. 53].

После поражения СССР в холодной войне торжество либеральной демократии кажется необратимым и провозглашается в качестве «конца истории» [27]. В мире остается одна-единственная сверхдержава — США, осуществляющие имперскую гегемонию нового типа, не нуждающуюся в присоединении колониальных владений или даже в жестком территориальном контроле над странами периферии. Однако представление «о крахе колониальной системы империализма», господствующее в последней трети XX в., оказалось преждевременным. На самом деле произошла лишь реконструкция форм и методов верховной имперской власти внутри мировой системы капитализма. Вскоре выяснилось, что экономическая мощь, финансовое доминирование, привлекательность массовой культуры и идеологическая гегемония могут обеспечить империалистическое господство и контроль над периферией ничуть не хуже, чем военная сила, хотя и она никуда не делась и всегда готова к применению в случае необходимости. Деколонизация оказалась фикцией и лишь усугубила зависимость периферии от центра [22, с. 592]. Несмотря на предоставление бывшим колониальным владениям формального суверенитета, она позволила США сохранить фактическое верховенство по отношению к ним и в мировой политической системе в целом за счет перехода к косвенным формам и методам контроля за периферией прежде всего посредством использования механизмов так называемой мягкой силы.

Понятие мягкой силы (в других интерпретациях — «мягкая власть», «умная» или «гибкая сила», «гибкая власть» и др.), введенное консультантом Госдепартамента США Дж. Наем в начале 90-х гг. XX в., быстро превратилось в концептуальную доктрину международной гегемонии, основанную на нематериальных источниках власти. Механизм мягкой силы предполагает умение государства-гегемона продвигать свои культурные и идеологические ценности путем формирования международно-правовых норм и институтов, что позволяет сделать их привлекательными и притягательными для других стран, легитимирует его действия и политику в целом в их глазах, вызывая желание следовать данному примеру в собственной политической практике [28, р. 11].

Такая стратегия не является чем-то кардинально новым в политике имперских держав. На протяжении всего времени существования империй они неоднократно использовали ее в своей внешней

политике. На мягкой силе во многом основывалась стратегия Китайской империи по отношению к варварской периферии, отражая корни его конфуцианской культуры, или Рима и Византии во взаимоотношениях с германскими и славянскими племенами на своем лимитрофном пограничье. Реально знаковым стало то, что именно формы и методы мягкой силы оказались ключевым фактором успеха Американской империи, оказавшейся способной эффективно мобилизовать на их основе собственные и международные ресурсы для решения задач капиталистической реконструкции в глобальном масштабе на рубеже XX—XXI вв. Способность правящей элиты США представить результаты их политического вмешательства во внутренние дела других стран за достижения западной либеральной идеологии являются во многом результатом действия механизма мягкой силы. Целями США при этом по-прежнему остаются экономическая и культурная экспансия и политическое доминирование во всем мире или каких-то крупных географических регионах. Но они всегда обосновываются мифами и идеологемами об исключительной миссии Америки и вере в ее справедливость при решении любых мировых проблем. И в этом смысле она основывается на идеях ничуть не меньше, чем империи прошлого.

Таким образом, пришедшее на смену теологии и мифологии учение либерализма фактически заместило их, выполняя те же функции, что и они, и обеспечивая геополитическому господству США необходимую степень легитимности. В этом процессе либерализм прошел полный цикл эволюции от широкой научно-мыслительной доктрины до узкого квазирелигиозного учения, обосновывающего политический курс наиболее развитых буржуазных государств, проводимый в интересах монополистического капитала. По сути, либерализм стал гражданской религией, добившейся культурной гегемонии в мировой системе капитализма, которая постепенно охватила всю планету. Это свидетельство того, что «либерализм всегда был идеологией сильного государства» [29, с. 12—13] как единственного верного и абсолютного гаранта господства капиталистической мир-системы.

Отсюда следует **четвертая характерная черта имперского суверенитета, состоящая в том, что он практически всегда формируется и реализуется в рамках культурно доминирующей национально-цивилизационной, идейной и политико-правовой традиции**, чьи основополагающие мировоззренческие установки в достаточно полном виде воспринимаются практически всеми нациями

и народами, вошедшими в империю или находящимися в ареале ее влияния. Именно *это придает верховной власти империи сакральный характер даже в секуляризованном, светском обществе*, позволяя ей править без насилия и принуждения или с минимально необходимой их степенью.

Пятая особенность имперского суверенитета заключается в господстве не прямых форм и методов осуществления верховной власти по отношению к подавляющей или значительной части периферии [30, р. 3]. Центральная власть всегда осуществляет прямое управление на основе принципа унитаризма какой-то достаточно обширной частью территории, принадлежащей национальному ядру империи, и рядом других регионов. В отношении остальных периферийных территорий имперский центр осуществляет лишь относительно жесткий *внешнеполитический, военный и финансовый контроль*, определяет общее направление их правовой и культурно-воспитательной политики, но часто позволяет существовать двум значимым элементам их статуса, делающим имперское правление косвенным: 1) сохранение их государственного или автономного положения в юридических границах империи, что делает их статус сопоставимым с автономными образованиями или (и) субъектами федерации; 2) признание формального суверенитета для сателлитов, протекторов, доминионов за пределами юридических границ империи, что ведет к установлению отношений конфедеративного типа между ними и имперской властью. Реализация последней происходит в основном посредством автохтонных структур, которые пользуются значительной автономией в решении дел внутреннего характера взамен выполнения ее воли в вопросах общеимперского значения. Суверенные прерогативы имперского центра в отношении внешней политики позволяют ему эффективно контролировать и внутреннее управление на своей дальней периферии путем навязывания определенной программы действий, без использования прямого регулирования, администрирования или принуждения. Поэтому прецеденты прямой военной интервенции империй для удержания своего контроля в лимитрофных зонах следует считать не апофеозами их мощи, а провалами их обычной политики косвенного управления [31, с. 9].

Таким образом, *реализация имперского суверенитета предполагает достаточно жесткие отношения иерархической субординации между имперским центром и периферийными частями империи при решении вопросов внешнеполити-*

ческого характера и достаточно мягкую координацию — согласование деятельности автономных политических единиц для обеспечения их гармоничного функционирования в рамках единой имперской системы — при решении всех или многих иных вопросов. Но в любом случае координация, осуществляемая имперским центром, всегда носит вертикальный, императивный характер. Согласование выступает здесь скорее формой, в которой происходит принятие решений, чем реальным методом определения их конкретного содержания. В этом проявляется такой политико-правовой признак империи, как *единство политического пространства и единство имперского суверенитета и его незыблемость по отношению к внешнему миру как исключительной сфере деятельности имперского центра* [2, с. 268—269]. «Вовне империя всегда выступает как единый субъект, „юридическое лицо“, органы которого выражают интересы всех составляющих это лицо субъектов» [19, с. 22]. Вместе с тем не происходит никакой репрезентации и делегирования полномочий. Если они имеют место, то носят формальный характер. Имперский центр, представляя вовне все включенные в империю части, наглядно демонстрирует лишь тот факт, что единство ее юридического лица обусловлено исключительно единственностью самой верховной власти, но отнюдь не единством представляемых, которого реально может и не быть, особенно на дальней периферии и пространстве лимитрофов, где границы подвижны и неустойчивы, а реализация решений верховной власти часто имеет дискретный и маргинальный характер [2, с. 219].

Имперская идея суверенного правления периферией выступает, соответственно, как «своеобразная транскрипция принципа демократического централизма» [16, с. 33]. С одной стороны, органически связанный с периферией центр империи закрепляет за своими окраинами определенную, самостоятельно осуществляемую ими компетенцию, сообразуясь с асимметричной иерархией их статусов. Таким образом, единый и полный суверенитет империи может включать в себя множество ограниченных, неполных суверенитетов, входящих в имперское пространство политически автономных или государствовподобных образований. Но с другой стороны, наличие в составе империи территориальных единиц с особым статусом, придающим ее организации элементы конфедерализма и федерализма, не создает существенных предпосылок для ее полной автономизации, федерализации или конфедерализации. Империи, вступавшие

на этот путь, быстро разрушаются. Следовательно, какой бы широкий характер ни носила политическая и административная автономия отдельных регионов империи, они занимают лишь часть ее территории (как правило, не самую большую), почти всегда перебивают на дальней периферии и постоянно находятся под суверенным надзором верховной власти, откуда и происходит институт ее представителей в провинциях: наместников, прокураторов, генерал-губернаторов, нередко пользующихся на подконтрольных территориях не просто большой свободой усмотрения, но фактически всей полнотой суверенных прав. С их помощью верховная власть империи демонстрирует и реально осуществляет свое суверенное присутствие в каждой отдаленной точке имперского пространства.

Таким образом, наиболее характерные черты организации верховной власти империи формы, способы ее легитимации и реализации прямо связаны с особенностями территориального строения имперских государств и характером отношений между имперским центром и периферийными разностатусными образованиями. Необходимость контроля большого пространства в империях требует создания вполне определенной структуры властвования, крепкой, даже жесткой, властно-управлен-

ческой вертикали, где основной функцией верховной власти выступает интеграция разнородных в культурном, национальном, политическом, хозяйственном отношении территорий и их населения в единое политическое целое.

Но чтобы создать органическое единство всех стран и народов, входящих в империю, нужен объединяющий социально-политический проект, некая общая идея их существования. Поэтому политический порядок империи определяется в первую очередь духовной или (и) политико-юридической идеей, носителем и символом которой может выступать лишь ее верховная власть. Это предъявляет определенные требования к верховной власти, что важно осознать именно сейчас, когда имперское господство США в мире уходит в прошлое, а в российском обществе стало восстанавливаться имманентное ему традиционное имперское сознание, выступающее ментальным основанием восстановления Россией своего державного статуса, нового пространственного расширения до своих естественных границ и возвращения российского государства на то место, которое оно в последние 400—500 лет занимало в мировом геополитическом раскладе.

1. Грачев Н. И. Империя как объект политико-правового анализа // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 129—139.

2. Грачев Н. И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. Москва: Зерцало-М, 2009. 320 с.

3. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. Москва: Аграф, 1998. 640 с.

4. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // Политическая теология: сб. Москва: КАНОН-пресс-Ц, 2002. С. 15—98.

5. Утченко С. А. Политические учения Древнего Рима: III—I вв. до н. э. Москва: Наука, 1977. 257 с.

6. Кареев Н. И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира: очерк политической, экономической и культурной эволюции древнего мира под господством универсальных монархий. Москва: Гос. публ. ист. б-ка России, 2015. 480 с.

7. Бербэнк Д., Купер Ф. Взлет и падение великих империй. Москва: АСТ, 2015. 528 с.

1. Grachev N. I. Empire as an object of political and legal analysis. Russian journal of legal research, 129—139, 2015. (In Russ.).

2. Grachev N. I. The origin of sovereignty: sovereignty in the worldview and practice of state-building in a traditional society. Moscow: Zertsalo-M; 2009: 320. (In Russ.).

3. Alekseev N. N. Russian people and state. Moscow: Agraf; 1998: 640. (In Russ.).

4. Schmitt K. Political theology. Four chapters to the doctrine of sovereignty. In: Political theology. Collection. Moscow: KANON-press-Ts; 2002: 15—98. (In Russ.).

5. Utchenko S. A. Political doctrines of Ancient Rome: III—I centuries BC. Moscow: Nauka; 1977: 257. (In Russ.).

6. Kareev N. I. The monarchies of the Ancient East and the Greco-Roman world: An essay on the political, economic, and cultural evolution of the Ancient World under the domination of universal monarchies. Moscow: State Public Historical Library of Russia; 2015: 480. (In Russ.).

7. Burbank D., Cooper F. Rise and fall of great empires. Moscow: AST; 2015: 528. (In Russ.).

8. Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: латинский Запад и православный Восток. Москва: Ладомир, 2007. 447 с.

9. Грациани Т. Эпифании имперской идеи // Мутти К. Imperium. Москва: Евразийское Движение, 2013. С. 13—18.

10. Мутти К. Imperium. Москва: Евразийское Движение, 2013. 184 с.

11. Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. 536 с.

12. Бенуа А. де. Идея империи // Против либерализма: (к Четвертой политической теории). Санкт-Петербург: Амфора, 2009. С. 437—462.

13. Шмитт К. Номос земли в праве народов jus publicum europaeum. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2008. 670 с.

14. Рогов И. И. Теория империологии. Москва: Книжный мир, 2017. 992 с.

15. Слотердаjk П. Сферы: микросферология. Т. II: Глобусы. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 1024 с.

16. Исаев И. А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. Москва: Проспект, 2015. 176 с.

17. Эвола Ю. Языческий империализм. Москва: Русское слово, 1992. 116 с.

18. Батай Ж. Суверенность // Проклятая часть: Сакральная социология. Москва: Ладомир, 2006. С. 311—487.

19. Исаев И. А. Топос и номос: пространства правопорядков. Москва: Норма, 2007. 416 с.

20. Каспэ С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. Москва: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. 256 с.

21. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. Москва: Политиздат, 1969. С. 299—426.

22. Кагарлицкий Б. Ю. От империй — к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. Москва: Ленанд, 2015. 640 с.

23. Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. Москва: Академ. проект: Трикста, 2013. 613 с.

24. Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. Москва: Госполитиздат, 1957. С. 130—136.

25. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2006. 300 с.

8. Andreeva L. A. Sacralization of power in the history of Christian civilization: the Latin West and the Orthodox East. Moscow: Ladimir; 2007: 447. (In Russ.).

9. Graziani T. Epiphany of the imperial idea. In: Mutti K. Imperium. Moscow: Eurasian Movement; 2013: 13—18. (In Russ.).

10. Mutti K. Imperium. Moscow: Eurasian Movement; 2013: 184. (In Russ.).

11. Valdenberg V. E. History of Byzantine political literature in connection with the history of philosophical movements and legislation. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin; 2008: 536. (In Russ.).

12. Benois A. de. The Idea of Empire. In: Against Liberalism: (towards the Fourth Political Theory). Saint Petersburg: Amphora; 2009: 437—462. (In Russ.).

13. Schmitt K. Nomos of the land in the law of peoples jus publicum europaeum. Saint Petersburg: Vladimir Dal; 2008: 670. (In Russ.).

14. Rogov I. I. The theory of empire. Moscow: Knizhny Mir; 2017: 992. (In Russ.).

15. Sloterdijk P. Spheres: microspherology. Vol. II. Globes. Saint Petersburg: Nauka; 2007: 1024. (In Russ.).

16. Isaev I. A. Solidarity as an imaginary political and legal state. Moscow: Prospekt; 2015: 176. (In Russ.).

17. Evola Yu. Pagan imperialism. Moscow: Russian word; 1992: 116. (In Russ.).

18. Bataille J. Sovereignty. In: Damned part: Sacred sociology. Moscow: Ladimir; 2006: 311—487. (In Russ.).

19. Isaev I. A. Topos and nomos: spaces of legal orders. Moscow: Norma; 2007: 416. (In Russ.).

20. Kaspe S. I. Empire and modernization. General model and Russian specificity. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2001: 256. (In Russ.).

21. Lenin V. I. Imperialism as the highest stage of capitalism. In: Full collection of works. Vol. 27. Moscow: Politizdat; 1969: 299—426. (In Russ.).

22. Kagarlitsky B. Yu. From empires to imperialism: The state and the emergence of bourgeois civilization. Moscow: Lenand; 2015: 640. (In Russ.).

23. Semenov Yu. I. Philosophy of history. General theory of the historical process. Moscow: Academic project; Tricksta; 2013: 613. (In Russ.).

24. Marx K. British raj in India. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 9. Moscow: Gospolitizdat; 1957: 130—136. (In Russ.).

25. Schmitt K. Leviathan in the doctrine of the state of Thomas Hobbes. Saint Petersburg: Vladimir Dal; 2006: 300. (In Russ.).

26. Престовиц К. Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений. Санкт-Петербург: Амфора, 2005. 606 с.

27. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84—118.

28. Nye Joseph S. Soft power: The means to success in world politics. New York: PublicAffairs, 2004. 208 p.

29. Валлерстайн И. Мир-Система Модерна. Т. IV: Триумф центристского либерализма, 1789—1914. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2016. 496 с.

30. Tilli Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires / ed. by Karen Barkey and Mark von Hagen. Boulder, Colo.; Oxford: Westview Press, 1997. P. 3—13.

31. Миллер А. И. Империя и современный мир — некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука: Современные империи: сб. науч. тр. / ред. и сост. А. И. Миллер. Москва: ИНИОН РАН, 2004. С. 4—11.

26. Prestowitz K. Rogue Country. One-sided fullness of America and the collapse of good intentions. Saint Petersburg: Amphora; 2005: 606. (In Russ.).

27. Fukuyama F. The end of history? Questions of Philosophy, 84—118, 1990. (In Russ.).

28. Nye Joseph S. Soft power: The means to success in world politics. New York: PublicAffairs; 2004: 208. (In Eng.).

29. Wallerstein I. World-System Modern. Vol. IV. The triumph of centrist liberalism, 1789—1914. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science; 2016: 496. (In Russ.).

30. Tilli Ch. How empires end. In: After empire: multiethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires. Ed. by Karen Barkey and Mark von Hagen. Boulder, Col.; Oxford: Westview Press; 1997: 3—13. (In Eng.).

31. Miller A. I. Empire and the modern world — some paradoxes and delusions. In: Political science: Modern empires. Collection of scientific papers. Ed. and comp. A. I. Miller. Moscow: INION RAN; 2004: 4—11. (In Russ.).

Грачев Николай Иванович,

профессор кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук;
grachev.n.i@mail.ru

Grachev Nikolay Ivanovich,

professor at the department of constitutional
and administrative law
of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of juridical sciences;
grachev.n.i@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 21.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 21.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 351.746

doi: 10.25724/VAMVD.ZXYZ

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Кристина Сергеевна Абисова

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Краснодар, Россия, abisova@inbox.ru

Аннотация. Современная геополитическая ситуация в мире, обострение угроз национальной безопасности Российской Федерации обуславливают необходимость пересмотра документов в части стратегического планирования в сфере обеспечения безопасности, определения их сущности, политико-правового статуса, а также взаимосвязи и иерархии. Терроризм как никогда ранее является угрозой национальной безопасности, ввиду чего противодействие указанному феномену должно осуществляться исключительно на плановой стратегической основе. При анализе действующих документов стратегического планирования по противодействию терроризму автором выявлено отсутствие документа, который бы выражал политическую волю государства и соответствовал основам и формам стратегического планирования в данной сфере. В связи с этим возникла необходимость создания «Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации», которая должна обеспечить системность и комплексность политики по противодействию данным угрозам национальной безопасности. Предложено авторское видение содержательной стороны Стратегии, которое предполагает наличие исключительно базисных, основополагающих элементов для осуществления практической деятельности в виде идеологических оснований, целей, задач и принципов таковой. Указанная Стратегия даст возможность определить концептуальные основы и реализовать их в практической деятельности по противодействию терроризму.

Ключевые слова: национальная безопасность, терроризм, стратегическое планирование, стратегия, приоритетные направления, противодействие

Для цитирования: Абисова К. С. Стратегическое планирование противодействия терроризму // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 21—24. doi: 10.25724/VAMVD.ZXYZ

STRATEGIC FRAMEWORK FOR COUNTERING TERRORISM

Kristina Sergeevna Abisova

Crimea Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnodar, Russia, abisova@inbox.ru

Abstract. The current geopolitical situation in the world, the aggravation of threats to the national security of the Russian Federation requires the revision of documents regarding strategic planning in the field of security, the definition of their significance, political and legal status, as well as the relationship and hierarchy. Terrorism has been a threat to national security, which is why countering this phenomenon should be performed exclusively on a planned strategic basis. Analysing the existing strategic planning documents on countering terrorism, the author has revealed the absence of a document that would express the political will of the state and correspond to the basics and forms of strategic planning in this field. Owing to this, the need to create a Strategy for Countering Extremism and Terrorism in the Russian Federation was noted that should ensure a principled and comprehensive policy to counter these threats to national security. The author's vision of the content side of the Strategy implies only basic, fundamental elements for the implementation of practical activities, in the form of ideological foundations, goals, objectives and principles. The Strategy will allow defining the conceptual foundations and implementing them in practical activities to counter terrorism.

Keywords: national security, terrorism, strategic framework, strategy, priority tasks, counteraction

For citation: Abisova K. S. Strategic framework for countering terrorism. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 21—24, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.ZXYZ

Практическая сторона реализации терроризма (террористическая деятельность) по своим качественным характеристикам является устойчивым, многомерным социальным феноменом, который складывается в соответствии с логикой развития общества в целом. В условиях, когда терроризм характеризуется высокой динамичностью, постоянной сменой форм и способов совершения террористической деятельности, обеспечить ответную динамичность и комплексность мер противодействия возможно исключительно в результате использования стратегического планирования как основы организации деятельности по противодействию.

Поступательное развитие любого современного государства невозможно без продуманной стратегии. Деятельность по стратегическому планированию определена Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹, который указывает на ключевую форму реализации стратегического планирования в виде стратегии (в рамках целеполагания), доктрины и иные документы в сфере обеспечения национальной безопасности.

Необходимым условием конструирования действенной системы противодействия терроризму является определение сущности и политико-правового статуса документов стратегического планирования, их взаимосвязи и иерархии. В этом смысле обоснованной следует признать мысль М. А. Мишунского, который заявляет о необходимости максимальной конкретики, когда речь идет о формах стратегического планирования, так как излишняя диспозитивность в данном случае может привести не только к невнятности, путанице, но и к хаосу в аспекте планирования [1, с. 495]. Примером иерархического распределения документов стратегического планирования можно назвать Федеральный закон «О безопасности»², который оговаривает позицию стратегии как базового документа, на основе которого необходимо разрабатывать документы доктринального, концептуального и программного характера.

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Российской Федерации 20 июня 2014 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Российской Федерации 25 июня 2014 г. // Рос. газ. 2014. 3 июля.

² О безопасности: федер. закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 7 декабря 2010 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Российской Федерации 15 декабря 2010 г. // Рос. газ. 2010. 29 дек.

Стратегия является документом стратегического планирования долгосрочного характера, содержащим систему приоритетных направлений деятельности, а также цели, задачи и принципы реализации таковой. Иными словами, под стратегией следует понимать «точку зрения» государства на явления и процессы, условия существования, систему принципов и положений о путях реализации определенной деятельности, которая выражается в задачах, характеризующихся общей целью и долгосрочной перспективой. В соответствии с методологией В. Л. Квинта разработка стратегии начинается с анализа прогнозов, изучения внешней и внутренней среды объекта стратегирования [2, с. 55]. По сути, стратегия не отражает перечня конкретных мероприятий и не указывает сроков их реализации, в свою очередь такой документ стратегического планирования является фундаментом для построения концептуального видения реализации самой деятельности на базе определения стратегией конечной цели и приоритетных задач, т. е. выступает основанием для разработки тактики достижения стратегических целей.

Базовым документом стратегического планирования в области обеспечения безопасности в Российской Федерации является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации³ (далее – Стратегия), которая определяет стратегические национальные приоритеты страны, устанавливает и дает оценку угрозам национальной безопасности, ставит цели и задачи в области обеспечения национальной безопасности на долгосрочную перспективу.

Особое место среди перечня угроз национальной безопасности Стратегия отводит проявлениям терроризма и экстремизма, условия для распространения которых создают ослабленные системы глобальной и региональной безопасности. Стратегия признает наличие социально-экономических проблем в Российской Федерации, которые могут способствовать радикализации, расколу российского общества, а также наличие деструктивных сил, как внешних, так и внутренних, которые, используя объективные социально-экономические трудности в Российской Федерации, стимулируют негативные социальные процессы. Отмечается деятельность международных террористических и экстремистских организаций, которые усиливают пропагандистскую и вербовочную работу для вовлечения граждан

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. II. Ст. 5351.

в противоправную деятельность. В перечень субъектов, которые осуществляют активные нападки на российские ценности наравне с государствами, транснациональными компаниями, некоммерческими, религиозными организациями, Стратегия относит экстремистские и террористические организации.

В целях противодействия указанным угрозам в Стратегии содержится перечень приоритетных задач по обеспечению государственной и общественной безопасности, в числе которых — необходимость предупреждения и пресечения террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, попыток совершения актов ядерного, химического и биологического терроризма, предупреждение и пресечение финансирования терроризма, а также развитие международного сотрудничества в области противодействия терроризму и экстремизму.

Анализ вышеуказанных положений Стратегии позволяет сделать вывод о том, что на государственном уровне экстремистская и террористическая деятельность признаются угрозами национальной безопасности Российской Федерации, при этом отмечается организованность экстремистской и террористической деятельности, а также квазигосударственный статус террористических организаций.

Стратегия национальной безопасности, безусловно, отражает общие аспекты, касающиеся угроз национальной безопасности, ввиду чего в рамках общей Стратегии не представляется возможным полномасштабно, всеобъемлюще прописать стратегические основы противодействия отдельным ключевым угрозам, среди которых особое место занимают экстремизм и терроризм. Следуя данной логике, руководство страны приняло решение о выработке с учетом положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации стратегических основ противодействия экстремизму и терроризму в виде документов под названием «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»¹ и «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации»².

¹ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 // СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3475.

² Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. является документом стратегического планирования, определяющим основные источники угроз экстремизма, цели, задачи и основные направления в сфере противодействия экстремизму в Российской Федерации. Данная стратегия содержит описание инструментов и механизмов ее реализации в рамках двухэтапного подхода. Деятельность по противодействию экстремизму подлежит оценке согласно целевым показателям на основании мониторинга, среди которых первое место занимает статистический показатель количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности. Отдельным элементом документа является указание на конкретные ожидаемые результаты от деятельности по противодействию экстремизму на основании поставленных целей и задач.

Стратегия противодействия экстремизму содержит указание на терроризм как крайнее проявление экстремизма. В рамках стратегических основ противодействия экстремизму отчасти затрагивается вопрос о противодействии и его крайней форме (терроризму), которое сводится к принятию целевых программ по профилактике экстремизма и терроризма, выявлению и устранению источников финансирования экстремистской и террористической деятельности, содействию заключению соглашений с государственными и негосударственными организациями, направленными на решение задач в сфере противодействия экстремизму и терроризму в части распространения информации в сети Интернет.

В свою очередь документ стратегического планирования в области противодействия терроризму представлен исключительно в форме концепции. Выбранная законодателем форма изложения и содержательное наполнение стратегических основ противодействия терроризму именно в рамках документа под названием «концепция» вызывают определенное непонимание как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Смеем предположить, что законодатель в 2009 г. вместо Концепции национальной безопасности 2000 г. принял именно Стратегию национальной безопасности Российской Федерации 2009 г. по причине того, что вид данного документа не позволял создать необходимую основу для реализации практической деятельности, выразить политическую волю государства и не соответствовал основам и формам стратегического планирования.

В свете вышеуказанного представляется необходимым выработать единую государственную Стратегию противодействия экстремизму и терроризму

в Российской Федерации, исходя из позиции государства о том, что терроризм является крайней формой проявления экстремизма.

Принимая во внимание состояние геополитической ситуации в мире, а также актуальные угрозы безопасности перед странами постсоветского пространства, в том числе странами — членами Организации Договора о коллективной безопасности¹ (далее — ОДКБ), для которых актуальны угрозы экстремизма и терроризма, необходимо учитывать их опыт в данной сфере. Примером могут служить такие страны — члены ОДКБ, как Узбекистан, Казахстан, Таджикистан. В указанных республиках реализуются Национальная стратегия Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021—2026 г.², Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021—2025 г.³ и Программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018—2022 г.⁴ соответственно.

Перечисленные страны, учитывая неразрывную связь экстремизма и терроризма, тот факт, что терроризм является крайней формой проявления экстремизма, а также вышеуказанные геополитические реалии и актуальные угрозы национальной безопасности, как раз и отразили единство экстремизма и терроризма в консолидированном документе стратегического планирования по противодействию данным угрозам. А. Н. Игнатов справедливо отмечает, что механизм противодействия любому виду преступности должен предусматривать возможность организации многоуровневых и разнонаправленных

мер, которые будут учитывать в том числе внешние факторы детерминации преступности, а именно конфигурации геополитической, региональной конъюнктуры и структурно-функциональной роли страны [3, с. 148].

Создавая стратегию противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации, особое внимание необходимо уделить идейному компоненту осуществления деятельности (идейное ядро, ее цели; к чему стремимся), основным принципам реализации деятельности, среди которых отдельное место должны занимать такие принципы, как гуманизм, надлежащая правовая основа (систематизированное непротиворечивое законодательство), принцип адаптивности обеспечения стратегии (динамичность относительно изменяющихся условий реализации).

Главная цель Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации должна заключаться в обеспечении эффективной и системной политики по противодействию данным явлениям.

Стратегия противодействия экстремизму и терроризму должна содержать:

- 1) определение феноменов экстремизма и терроризма (равно экстремистской и террористической деятельности), отношение государства к данным проявлениям;
- 2) цели деятельности по противодействию экстремизму и терроризму;
- 3) задачи деятельности по противодействию экстремизму и терроризму;
- 4) принципы деятельности по противодействию экстремизму и терроризму.

Таким образом, документ под названием «Стратегия» должен носить проактивный характер, с функциональной точки зрения отражать политику государства в данном направлении, служить фундаментом для построения концептуального видения реализации деятельности по противодействию экстремизму и терроризму, а также оказывать упреждающее, превентивное влияние на комплекс криминальных факторов. Выверенная и единая Стратегия противодействия экстремизму и терроризму должна находить свое практическое воплощение в конкретных мерах, ввиду чего необходимо на концептуальном уровне (на уровне концепций) определить субъекты, объекты воздействия, а также соответствующие меры реализации стратегических задач. Концептуальные основы противодействия терроризму должны находить свое практическое воплощение в документе стратегического планирования в виде плана.

¹ Устав ОДКБ // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. 2012. 26 апр. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti (дата обращения: 04.04.2022).

² Об утверждении Национальной стратегии Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021—2026 г.: указ Президента Республики Узбекистан от 1 июля 2021 г. № УП-6255 // СЗ РУ. 2021. № 06/21/6255/0638. Ст. 1.

³ О стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021—2025 г.: указ Президента Республики Таджикистан от 1 июня 2021 г. № 187. Доступ из Централизованного Банка Правовой Информации Республики Таджикистан "ADLIA".

⁴ Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018—2022 г.: постановление Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2018 г. № 124. Доступ из Информационно-правовой системы нормативных правовых актов Республики Казахстан "Adilet".

1. Мишунский М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488—499.

2. Квint В. Л. Концепция стратегирования. Т. 1. Санкт-Петербург: СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с. (Серия «Библиотека стратега»).

3. Игнатов А. Н. Совершенствование механизма противодействия преступности как составляющей обеспечения национальной безопасности // Власть Закона. 2016. № 4 (28). С. 147—156.

Абисова Кристина Сергеевна,

преподаватель-методист
группы профессионального обучения
учебного отдела Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России;
abisova@inbox.ru

1. Mishunskiy M. A. Strategies, conceptions, doctrines in Russian legal system: problems of status, legal technician and correlation with each other. Legal technician, 488—499, 2015. (In Russ.).

2. Kvint V. L. Concept of strategizing. Saint Petersburg: North-West Institute of management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 2019: 132. (In Russ.).

3. Ignatov A. N. Perfection of the mechanism of counteraction of criminality as a component of maintenance of national safety. Power of the law, 147—156, 2016. (In Russ.).

Abisova Kristina Sergeevna,

instructor-methodologist of the group
of professional education of the department of study
of Crimea Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
abisova@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 21.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 21.03.2022; approved after reviewing 04.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.34

doi: 10.25724/VAMVD.AAAA

**ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ
ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНА**

Наталья Николаевна Бугера**, *Александр Александрович Лихолетов,
*Евгений Александрович Лихолетов******

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, knn.76@mail.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, A.Likholetov@mail.ru

*** Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград, Россия, A.Likholetov@mail.ru

Аннотация. Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32 Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьей 207.3, предусматривающей ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил либо исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий. Любое дополнение уголовного закона, связанное с криминализацией деяния, нередко вызывает определенные сложности при установлении содержания его признаков. В данной научной статье предпринята попытка исследования отдельных объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые, по мнению авторов, способны вызвать определенные дискуссии в теории уголовного права и правоприменительные проблемы. По результатам проведенного анализа уголовно-правовой нормы резюмируется не совсем удачное использование терминологии при законодательном закреплении составообразующих и квалифицирующих признаков, а также формулируются предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства в рассматриваемом аспекте. В частности, предлагается изменить описание деяния ч. 1 ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации путем приведения его в соответствие с положениями Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ, а также изменить формулировку квалифицирующего признака в п. «в» ч. 2 ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: Вооруженные Силы, государственные органы, заведомо ложная информация, публичное распространение, сообщения, уголовная ответственность

Для цитирования: Бугера Н. Н., Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А. Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 25—30. doi: 10.25724/VAMVD.AAAA

**THE PUBLIC SPREADING OF MISLEADING INFORMATION
ABOUT THE ACTIVITY OF THE ARMED FORCES
OF THE RUSSIAN FEDERATION:
SOME ISSUES OF INTERPRETATION OF THE CRIMINAL LAW**

Natalya Nikolayevna Bugera**, *Alexander Alexandrovich Likholetov***, *Yevgeny Alexandrovich Likholetov***

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, knn.76@mail.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, A.Likholetov@mail.ru

*** Volgograd State Agricultural University, Volgograd, Russia, A.Likholetov@mail.ru

Abstract. Federal Law No. 32 on 4 March 2022 supplemented Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation that provides for liability for public spreading of misleading information about using the Armed Forces or performing their powers by the state bodies of the Russian Federation. Any addition to the criminal law to be premised on the criminalization of a act causes often certain difficulties while establishing the content of its features.

The authors of the given article attempted to study some objective signs of the corpus delicti to be provided by Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The mentioned signs can cause, as the authors of the article consider, some discussions in the theory of the criminal law and law enforcement problems. Based on the results of the analysis of the criminal law norm the authors of the article summarize not entirely reasonable usage of terminology in the legislative consolidation of the constituent and qualifying features as well as formulate proposals to improve the current criminal legislation in this aspect. In particular, the authors offer to change the description of the act of Part 1 of Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation by bringing it into line according to the provisions of the Federal Law No. 61-FZ on 31 May 1996 "On Defense", as well as changing the wording of the qualifying feature in paragraph "v" Part 2 of Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Armed Forces, government agencies, misleading information, public spreading, messages, criminal liability

For citation: Bugera N. N., Likholetov A. A., Likholetov Ye. A. The public spreading of misleading information about the activity of the armed forces of the Russian Federation: some issues of interpretation of the criminal law. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 25—30, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.AAAA

В связи с необходимостью отражения «агрессии украинских силовиков, для предотвращения гуманитарной катастрофы и жертв среди мирного населения»¹ 23 февраля 2022 г. главы Донецкой и Луганской народных республик обратились к Президенту Российской Федерации В. В. Путину с просьбой об оказании содействия в рамках заключенного днем ранее договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Сложившаяся на территории Донбасса ситуация привела к потребности незамедлительной реакции со стороны руководства нашей страны, и уже 24 февраля 2022 г. Верховным Главнокомандующим России принято решение о начале специальной военной операции (далее — СВО) по «демилитаризации и денацификации Украины», а также привлечению к ответственности лиц, совершивших многочисленные «преступления против мирных жителей, в том числе и граждан РФ»².

После ввода Вооруженных Сил и специальных подразделений Росгвардии на территорию Украины и начала операции в средствах массовой информации, в том числе в сети Интернет, участились случаи распространения заведомо ложных сведений относительно действий военнослужащих, участвующих в проведении военной операции, нередко сопровождающихся обвинениями российской стороны в совершении воинских преступлений: убий-

стве мирных жителей, жестоким обращении с военнопленными, мародерстве и др.³

Так, через несколько дней после начала спецоперации в сети Интернет появилось видео якобы об атаке Украины российскими системами «Град», которое, как выяснилось, было сделано год назад во время военных учений Российской Федерации и опубликовано 27 апреля 2021 г.⁴

Недостоверными также признаны видеоматериалы о проведении российской армией массированного обстрела г. Мариуполь, появившиеся в информационно-телекоммуникационных сетях в конце февраля 2022 г.⁵

Количество подобных заведомо ложных сообщений, дискредитирующих действия Вооруженных Сил нашей страны, с момента начала СВО на территории Украины возрастает в геометрической прогрессии.

По информации, представленной членом Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций Е. М. Мизулиной, по состоянию на 1 марта 2022 г. около 1 310 000 публикаций, содержащих заведомо ложные сведения

³ См.: Минобороны РФ призвало СМИ не публиковать фейки об операции на Украине. URL: <https://rg.ru/2022/02/26/minoborony-rg-prizvalo-smi-ne-publikovat-fejki-ob-operacii-na-ukraine.html> (дата обращения: 28.03.2022).

⁴ См.: МО РФ заявило о нарастании количества фейков по ситуации на Украине. URL: <https://iz.ru/1297404/2022-02-26/mo-rg-zaiavilo-o-narastanii-kolichestva-feikov-po-situacii-na-ukraine> (дата обращения: 28.03.2022).

⁵ См.: «Обстрел» Мариуполя Вооруженными Силами России оказался фейком. URL: <https://iz.ru/1296705/2022-02-25/obstrel-mariupolia-vooruzhennymi-silami-rossii-okazalsia-feikom> (дата обращения: 28.03.2022).

¹ Главы ДНР и ЛНР обратились к Путину за военной помощью. URL: <https://lenta.ru/news/2022/02/23/pomosh/> (дата обращения: 28.03.2022).

² Владимир Путин объявил о специальной военной операции в Донбассе. URL: <https://rg.ru/2022/02/24/vladimir-putin-soobshchil-o-specialnoj-voennoj-operacii-v-donbasse.html> (дата обращения: 28.03.2022).

(фейки) относительно ситуации на Украине и в Донбассе, распространено в средствах массовой информации, в том числе сети Интернет¹.

Лавинообразное распространение клеветнической информации о противоправных и аморальных действиях российских Вооруженных Сил на территории Украины, подрывающих авторитет власти, вызвало общественный резонанс, повлекший проведение различного рода публичных мероприятий (в большинстве случаев несанкционированных), направленных против политики руководства страны и сопряженных с выдвижением призывов о прекращении СВО.

В интернет-пространстве появились массовые призывы к проведению антивоенных акций. В то же время, по данным Генеральной прокуратуры России, источником большинства таких лозунгов являются объединения, запрещенные решением суда на территории Российской Федерации как экстремистские².

Например, сразу же после начала спецоперации 24 февраля 2022 г. в Москве состоялось несанкционированное публичное мероприятие, в ходе которого сотрудниками правоохранительных органов за различные правонарушения было задержано около 600 участников³.

Сложившаяся ситуация привела к необходимости соответствующей реакции со стороны государства. В частности, активизировалась деятельность по блокировке интернет-ресурсов, содержащих заведомо недостоверную информацию о действиях российских военнослужащих, со стороны Роскомнадзора на основании требований Генеральной прокуратуры. Так, 4 марта 2022 г. ведомство сооб-

щило о блокировке сайтов ряда средств массовой информации, признанных в нашей стране иностранными агентами, таких как «Голос Америки», «Радио Свободная Европа / Радио Свобода», Би-би-си, Deutsche Welle, а также других информационных ресурсов⁴. В этот же день было принято решение о закрытии доступа к сети Facebook⁵. 11 марта 2022 г. поступила информация о блокировке социальной сети Instagram⁶.

Деятельность заблокированных ресурсов, содержащих недостоверную информацию, способствовала созданию в обществе отрицательного мнения о Вооруженных Силах России и власти в целом, подрыву их авторитета.

Глобальный характер информационно-телекоммуникационной сети Интернет обеспечил возможность ознакомления с фейками практически любому жителю планеты, что привело к эскалации напряженности в международных отношениях и формированию негативного отношения к действиям российских военных в рамках проводимой операции со стороны мирового сообщества.

Бесконтрольное распространение подобной информации вызвало обострение националистических настроений в зарубежных странах, русофобии и неприемлемого отношения к гражданам России, находящимся на территории иностранных государств.

Несмотря на предпринимаемые меры, сведения, содержащие откровенную ложь о ходе спецоперации, продолжают наполнять интернет-пространство. По данным Общественной палаты России, частота появления новых фейков составляет 100 сообщений за 20 минут⁷.

В таких условиях возникла необходимость в применении более эффективных механизмов противодействия рассматриваемому негативному явлению, в связи с чем законодателем было принято решение

¹ См.: Каждые 20 минут появляются 100 новых фейков о Донбассе. URL: <https://rg.ru/2022/03/01/kazhdye-20-minut-poiavliaiutsia-100-novyh-fejkov-o-donbasse.html> (дата обращения: 28.03.2022).

² См.: МВД: Участники несанкционированных акций будут привлечены к ответственности. URL: <https://rg.ru/2022/03/03/reg-cfo/mvd-uchastniki-nesankcionirovannyh-akcij-budut-privlecheny-k-otvetstvennosti.html> (дата обращения: 01.04.2022).

³ См.: Официальная информация. URL: <https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/28715978> (дата обращения: 01.04.2022).

Несмотря на то что в источнике не указаны причины и требования, озвученные участниками мероприятия, с учетом даты его проведения, совпадающей с началом специальной военной операции, можно обнаружить связь несанкционированных действий с принятыми руководством страны решениями, касающимися внешней политики в отношении Украины.

⁴ См.: Роскомнадзор объяснил блокировку сайтов ряда СМИ-иноагентов. URL: <https://iz.ru/1300501/2022-03-04/roskomnadzor-obiasnil-blokirovku-saitov-riada-smi-inoagentov> (дата обращения: 01.04.2022).

⁵ См.: Приняты ответные меры на ограничение доступа к российским СМИ. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74156.htm> (дата обращения: 01.04.2022).

⁶ См.: РКН: блокировка Instagram нужна для психологического здоровья граждан. URL: <https://rg.ru/2022/03/12/rkn-blokirovka-instagram-nuzhna-dlia-psihologicheskogo-zdorovia-grazhdan.html> (дата обращения: 01.04.2022).

⁷ См.: Каждые 20 минут появляются 100 новых фейков о Донбассе. URL: <https://rg.ru/2022/03/01/kazhdye-20-minut-poiavliaiutsia-100-novyh-fejkov-o-donbasse.html> (дата обращения: 28.03.2022).

об установлении уголовной ответственности за создание и публикацию подобных сведений.

Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32 Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) дополнен ст. 207.3, предусматривающей ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил России¹.

Однако внесенные изменения в УК РФ обеспечили уголовно-правовую охрану исключительно отечественных вооруженных сил от дискредитирующих ее деятельность проявлений, оставив без внимания общественные отношения, связанные с выполнением функций по защите интересов России другими государственными органами, в частности Федеральной службой войск национальной гвардии.

Указанный пробел был в кратчайшие сроки устранен путем внесения очередных изменений в уголовное законодательство. Так, в соответствии с Федеральным законом от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ были криминализованы и действия по распространению заведомо ложной информации об исполнении российскими государственными органами своих полномочий за пределами территории нашей страны в целях защиты ее интересов².

Общественная опасность рассматриваемого преступления состоит в том, что в результате его совершения нарушаются права граждан на получение достоверной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами своих полномочий за пределами ее территории, направленных на защиту интересов нашей страны и ее граждан, поддержание международного мира и безопасности, подрывается авторитет войск и государственных органов России, дестабилизируется их деятельность, снижается их результативность и эффективность. Совершаемое деяние способно подорвать политическую обстановку в обществе, сформировать негативное мнение и породить недоверие граждан к Вооруженным Силам Российской Федерации и в целом органам государственной власти, показать их неспо-

собность обеспечить безопасность и в итоге спровоцировать отдельных граждан на противоправные действия.

В связи с расположением ст. 270.3 УК РФ в разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», а также рядом со ст. 207, 207.1, 207.2 УК РФ имеются основания полагать, что родовым объектом данного преступления является общественная безопасность и общественный порядок, видовым объектом — общественная безопасность.

Непосредственный объект — общественные отношения в области получения достоверной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнении государственными органами нашей страны своих полномочий за ее пределами, направленных на защиту интересов отечества и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Дополнительный объект — общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование вооруженных сил, государственных органов, а также честь и достоинство как отдельно взятого военнослужащего, так и лица, представляющего государственные органы.

Предметом преступления выступает информация, которая содержит данные об использовании Вооруженных Сил и исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории нашей страны в обозначенных в диспозиции целях, т. е. заведомо ложные сведения (фейки), примеры которых были приведены выше.

Заведомо ложная информация — это информация, которая не соответствует действительности (об этом осведомлено распространяющее лицо). В том случае, если распространяющее лицо добросовестно убеждено в истинности информации, уголовная ответственность исключается. Но если информация распространяется под видом достоверной (например, лицо указывает на компетентные источники, ссылаясь на них, но они имеют отношение абсолютно к другим событиям), то состав преступления имеет место.

Объективная сторона состава (чч. 1 и 2) структурирована по типу формального. Преступление считается оконченным с момента публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации. В части 3 состав является материальным, преступление окончено с момента наступления тяжких последствий.

Предусмотренное деяние (действие) выражается в публичном распространении заведомо ложной

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

информации об использовании Вооруженных Сил и исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий.

Термин «публичный», указанный в диспозиции рассматриваемой статьи, означает, что ложная информация адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме (например, в устной (путем выступления на собрании, митинге и т. п.), письменной (распространения листовок, вывешивания плакатов и т. п.), с использованием технических средств (информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, зачастую посредством мессенджеров (WhatsApp, Viber и др.)). Публичность является оценочным признаком и должна разрешаться правоприменителем с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств.

Распространение информации — это действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или ее передачу таковым¹.

Выражение, указанное в диспозиции «*об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации*» (здесь и далее курсив наш. — Н. Б., А. Л., Е. Л.), вызывает возражение относительно корректности термина «использование».

Согласно п. 2.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об обороне» «в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности *формирования Вооруженных Сил Российской Федерации* могут оперативно использоваться...»². В соответствии с п. 1 ст. 10 «Вооруженные Силы РФ — это государственная военная *организация*, составляющая основу обороны Российской Федерации»³.

В связи с этим корректней в названии статьи и диспозиции говорить «*об использовании формирований Вооруженных Сил Российской Федерации*».

В части 2 ст. 207.3 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак п. «в» с искусственным созданием доказательств обвинения. Аналогичный признак предусмотрен и в других статьях, например ч. 3 ст. 306, п. «г» ч. 2 ст. 354.1 УК РФ.

¹ См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об обороне: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 11.06.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об обороне: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 11.06.2021).

Если заведомо ложная информация о преступном поведении определенного лица или лиц доводится до сведения правоохранительных органов, то это влечет ответственность по ст. 306 УК РФ. Именно сведения в части факта совершения преступления, причастности лица к этому деянию и должны сообщаться в компетентные органы, правомочные принимать решение о возбуждении уголовных дел. Эти действия могут сопровождаться предоставлением искусственно созданных доказательств обвинения. Поэтому рассматриваемый признак не вызывает возражений. Цель виновного состоит в желании привлечь другое лицо (лиц) к уголовной ответственности, к чему он и стремится путем совершения активных действий по фальсификации объективных данных.

Однако в ст. 207.3 УК РФ речь идет не о привлечении к уголовной ответственности, и виновный не обращается в компетентные органы с искусственно созданными доказательствами, а лишь распространяет неопределенному кругу лиц заведомо ложную информацию об использовании формирований Вооруженных Сил Российской Федерации.

Доказательство — это рассуждение, устанавливающее истинность какого-либо утверждения путем приведения других утверждений, истинность которых уже установлена⁴.

С одной стороны, можно допустить тот факт, что виновный распространяет неопределенному кругу лиц заведомо ложную информацию, например об использовании формирований Вооруженных Сил Российской Федерации, и при этом предоставляет искусственное доказательство такого использования. Но возникает вопрос: кого и в чем обвиняет распространитель данной информации?

Обвинением называют: 1) высказанное в устной или письменной форме утверждение о совершении лицом правонарушения или же причинении кому-либо вреда, обиды, оскорбления путем действий или в словесной форме и т. п.; 2) заключение о виновности кого-либо в совершении преступления, основанное на фактах, установленных в результате следствия по уголовному делу⁵.

На наш взгляд, словосочетание «доказательства обвинения» имеет юридическое значение (т. е. заключение о виновности кого-либо в правонарушении). Поскольку в ст. 207.3 УК РФ речь

⁴ См.: Словари и энциклопедия на Академике. Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy (дата обращения: 01.04.2022).

⁵ См.: Словари и энциклопедия на Академике. Философская энциклопедия.

идет о распространении неопределенному кругу лиц заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, то считаем более корректным изложение п. «в» в следующей редакции (редакция примерная): «с искусственным созданием доказательств, подтверждающих достоверность таких сообщений».

Таким образом, меры по обеспечению общественной безопасности государства в целом, а также интересов Вооруженных Сил и государственных органов России в условиях сложившейся внешне-

политической ситуации следует признать своевременными. Реакция законодателя на негативные последствия распространения заведомо ложной информации, выразившаяся в криминализации отдельных деяний, способна минимизировать потенциальный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Результаты законотворчества, выражающиеся в дополнении УК РФ новыми статьями, нередко вызывают правоприменительные проблемы, которые рано или поздно должны быть решены.

Бугера Наталья Николаевна,

доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
knn.76@mail.ru

Bugera Natalya Nikolayevna,

associate professor at the department
of criminal law,
of the educational and scientific complex
on preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
knn.76@mail.ru

Лихолетов Александр Александрович,

доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
A.Likholetov@mail.ru

Likholetov Alexander Alexandrovich,

associate professor at the department
of criminal law
of educational and scientific complex
on preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
A.Likholetov@mail.ru

Лихолетов Евгений Александрович,

доцент кафедры экономической безопасности
Волгоградского государственного
аграрного университета,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент;
A.Likholetov@mail.ru

Likholetov Yevgeny Alexandrovich,

associate professor at the department
of economic security
of the Volgograd State Agrarian University,
candidate of agricultural sciences, docent;
A.Likholetov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 13.04.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.BBBB

**ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Сергей Анатольевич Буткевич

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Россия, sbutkevich@mvd.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы осуществления современных миграционных процессов в региональном, национальном и глобальном масштабах. Систематизированы криминологические проблемы, детально раскрыты особенности формирования и реализации миграционной политики и налаживания эффективного межгосударственного сотрудничества в этой сфере, в том числе между странами-донорами, реципиентами и транзитными государствами. В частности, рассмотрена сопряженность и обусловленность международных миграционных процессов с рисками проникновения радикальных догм и деструктивных идей в среду вынужденных переселенцев. Именно поэтому основное внимание сосредоточено на глубоком и всестороннем криминологическом анализе вопросов дерадикализации легальных и незаконных миграционных процессов, включая детерминанты и последствия участия мигрантов в экстремистской деятельности, в том числе связанной с нерешенными социально-экономическими вопросами и этноконфессиональными противоречиями в странах-донорах, странах транзита и государствах-реципиентах.

Подробно охарактеризованы виктимологические проблемы мигрантов и беженцев при их ассимиляции, которые могут использоваться в противоправных целях: для вовлечения их в экстремистскую деятельность. Вместе с тем описаны негативные состояния местного населения стран — реципиентов мигрантов, которые могут привести к мигрантофобии, исламофобии, протестной активности и конфликтогенности социума. Без внимания не осталась взаимосвязь экстремистской деятельности с радикализацией традиционных религий (на примере исламского радикализма в странах Европейского Союза).

Криминологическое изучение миграционных процессов через призму их реальной и потенциальной экстремизации позволило разработать авторские рекомендации и предложения по совершенствованию нормотворческой работы, правоприменительной практики, правоохранительной и правозащитной деятельности в этом сегменте обеспечения общественной, государственной и международной безопасности.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционные процессы, негативные последствия, нелегальные мигранты, превентивная правоохранительная деятельность, противодействие экстремизму, радикальная и деструктивная активность, экстремистская деятельность

Для цитирования: Буткевич С. А. Дерадикализация миграционных процессов в современных условиях: криминологический аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 31—39. doi: 10.25724/VAMVD.BBBB

**DERADICALIZATION OF MIGRATION PROCESSES
UNDER MODERN CONDITIONS: CRIMINOLOGICAL ASPECT**

Sergey Anatolievich Butkevich

The Crimea Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Russia
sbutkevich@mvd.ru

Abstract. The article deals with the implementation of modern migration processes on a regional, national and global scale. The criminological problems are also systematized and the specifics of the formation and implementation of migration policy and the establishment of effective interstate cooperation in this area, including that between donor countries, recipients and transit states, are disclosed in detail. In particular, the coherence and conditionality of international migration processes with the risks of penetration of radical dogmas and destructive ideas into the environment of internally displaced persons is considered. That is why the main attention is focused on a deep and comprehensive criminological analysis of the issues of deradicalization of legal and illegal migra-

tion processes, including the determinants and consequences of migrants' participation in extremist activities, including those related to unresolved socio-economic issues and ethno-confessional contradictions in donor, transit and recipient countries.

The victimological problems of migrants and refugees during their assimilation, which can be used for illegal purposes, including involvement of them in extremist activities, are described in detail. At the same time, the negative conditions of the local population of the recipient countries of migrants, which can lead to migrant phobia, Islamophobia, protest activity and potential for conflict of society are described. Also, the relationship of extremist activity with the radicalization of traditional religions has not been ignored (by the example of Islamic radicalism in the countries of the European Union).

Criminological study of migration processes through the prism of their real and potential extremism made it possible to develop author's recommendations and proposals for improving law-making work, law enforcement practice, law enforcement and human rights activities in this segment of ensuring public, state and international security.

Keywords: migration policy, migration processes, negative consequences, illegal migrants, preventive law enforcement, countering extremism, radical and destructive activity, extremist activity

For citation: Butkevich S. A. Deradicalization of migration processes under modern conditions: criminological aspect. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 31—39, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.BBBB

Глобализация и транснационализация во всех своих формах, проявлениях и комбинациях влияют практически на все без исключения социальные, экономические и демографические процессы, трансформируют геополитическое пространство, интенсифицируют (ре)интеграционную компоненту, деформируют мультикультурную среду и этноконфессиональные устои. Чаще всего они рассматриваются как высшие стадии интернационализации, которые находят выражение в совокупности интеграционных процессов, охватывающих весь мир. Вместе с тем глобализованный мир не может не порождать глобальных проблем: параллельно с эволюционными течениями и положительным эффектом происходит консолидация и геометрический рост преступности, которая становится более организованной и опасной, поскольку возникают, расширяются и укрепляются транснациональные связи. В итоге такого кумулятивного воздействия противоправная деятельность транснациональной криминальной среды практически с безграничными возможностями, широкими палитрой и диапазоном сфер влияния значительно увеличивает риски угроз, опасность вызовов и масштаб последствий от своих проявлений во всех направлениях, связанных с обеспечением безопасности отдельной страны и мира в целом. В число наименее прогнозируемых социальных и наиболее сложных для научных изысканий и правоохранительного контроля криминологических феноменов, которые находятся в фокусе пристального внимания организованной преступности, входит миграция. В случае с нашим предметом исследования среди реальных рычагов и действенных инструментов влияния на общемировые криминогенные процессы необходимо

назвать динамику и интенсивность миграционных потоков в первую очередь выходцев из критических регионов и стран с распространенными проявлениями экстремизма и терроризма либо высокими рисками их генезиса и диффузии.

Международная миграция приобрела глобальный характер и особую актуальность в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда многие страны столкнулись с данным феноменом. Именно в этот период мировое сообщество и национальные правительства осознали хрупкую грань и взаимосвязь между такими категориями, как «беженцы», «вынужденные переселенцы» и «нелегальные мигранты». Не являясь позитивным или негативным процессом само по себе, межгосударственное движение населения длительное время рассматривалось преимущественно в одобрительном контексте. Однако в последнее время все чаще речь идет о миграции как о реальной угрозе общественной, национальной и даже коллективной безопасности, катализаторе социально-экономического и культурного дисбаланса. При этом международная миграция от эпизодического, волнообразного характера перешла в устойчивую, перманентную фазу с вариативными формами и проявлениями. Тем не менее проблемы кажущегося локального, регионального уровня можно решить только консолидированными усилиями межгосударственного, планетарного масштаба.

Как показывает опыт отдельных стран Европейского Союза и США, коллаборация жесткого пограничного контроля и ограничений миграционной системы вместе с социальными гарантиями беженцам и вынужденным переселенцам, увеличивающимся благосостоянием населения и возросшими

потребностями экономики служат детерминантами появления и развития не только нелегального рынка труда, но и изменений в количественно-качественных характеристиках криминогенной обстановки. Как следствие, правоохранителями фиксируются повышенный интерес криминалитета к названным процессам и преобразование нелегальной миграции в сверхприбыльный вид преступного бизнеса. Несмотря на это, подчеркнем, что в современных отечественных и зарубежных изысканиях угрозам, вызовам и опасностям, с которыми сталкиваются сами мигранты, уделяется на порядок меньше внимания, чем проблематике влияния миграционных потоков на криминологическую обстановку, социально-экономические и этно-демографические процессы, а также задачам государства и общественности по деэскалации напряженности и нейтрализации (минимизации) негативных последствий в данной сфере.

Активизация миграции на рубеже XX и XXI вв. катализируется не только процессами глобализации и перманентным финансово-экономическим кризисом в глобальном и национальном масштабах, чрезвычайными ситуациями техногенного и природного характера, но и ухудшением общественно-политической обстановки, в том числе вследствие ведения боевых действий, константных военных конфликтов, проведения международных контртеррористических или специальных военных операций. Более того, в последние десятилетия инспирирование, сдерживание, интенсификация и прочие манипуляции с миграционными процессами и потоками беженцев начали использоваться главами и правительствами отдельных государств, их блоков и альянсов в качестве средств шантажа сопредельных или третьих стран (доноров, транзита и реципиентов), их союзов для выполнения своих узкокорпоративных требований и удовлетворения интересов в той или иной сфере. Такое государственное влияние на миграционные процессы стало осуществляться прямо и косвенно, акцидентно и преднамеренно, открыто и замаскированно, т. е. использование потенциала миграционной проблематики как составляющей стратегии влияния и давления на оппонентов и «партнеров» (несговорчивые политические лидеры, недружественные государства), их дестабилизации и ослабления, подрыва их потенциала к сопротивлению и развитию в современных условиях является продуктивным и высокоточным инструментом в арсенале наступательных невоенных средств при ведении гибридных войн. Эта тенденция в обозримом будущем, на наш взгляд, не только сохранится, но и усилится.

Традиционно под миграцией понимается перемещение населения в географическом пространстве, связанное со сменой места проживания. Сама по себе миграция не правонарушение. Коллизии возникают между правом человека на свободу перемещения и правом государства на регулирование такого перемещения по своей территории, которое появляется при пересечении государственной границы. Наряду с легальной, последние десятилетия на всех континентах приобрела значительные масштабы и диффузию и нелегальная миграция, которая представляет особый интерес для криминологов ввиду тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с организованной преступностью. Незаконная миграция уже давно перестала быть хаотичной, бессистемной или спонтанной, а приобрела упорядоченный характер, стала управляемой индустрией и находится как один из сверхприбыльных видов преступной деятельности в фокусе постоянного внимания и под жестким контролем организованной преступности. Однако государственно-правовые, как и международные, механизмы влияния на миграционные процессы до сих пор остаются несовершенными. В каждой стране проблемами миграции, так или иначе, занимаются до десяти органов государственной власти, но без четкой координации их действий, несмотря на перманентные реформы.

С момента выделения нелегальной миграции в самостоятельный феномен и предмет научных изысканий она исследовалась в различных аспектах: антропологическом, демографическом, историческом, культурологическом, политологическом, социологическом, философском, экономическом, юридическом и др. Но вопросы противодействия экстремистскому потенциалу миграционных процессов и их дерадикализации пока не получили должного освещения в научной литературе на уровне криминологических исследований.

Итак, одной из существующих в настоящее время конфликтогенных и рискоопасных проблем международной миграции является ее сопряженность с экстремистской деятельностью. Как отметил 17 февраля 2022 г. на расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации В. В. Путин, «эффективная борьба с экстремизмом прямо связана с решением задач в миграционной сфере. ...Однако нелегальная миграция, деятельность преступных группировок, которые строят на нелегальной миграции свой криминальный бизнес, — против этих людей должны быть выработаны самые жесткие меры, а любые проявления экстремизма, нарушения правопорядка,

незаконная трудовая деятельность — служить основанием для быстрого принятия и исполнения решений о высылке таких людей за пределы России и о запрете на въезд в нашу страну в будущем. Работать надо в этой среде на постоянной основе»¹.

Рассматриваемому феномену свойственна устойчивая тенденция к распространению, он постоянно мутирует и усложняется. Спектр причинно-следственных связей значительно расширяется, поэтому сегодня данному виду миграции присущи черты глобального характера. Миграция имеет как собственную динамику и различные проявления в каждой отдельной стране, так и общие критерии, показатели, а миграционные конфликты отличаются не только асимметричностью по количеству участников (государство, мигранты, местное население, криминалитет), но и децентрализованным характером принятия решений, возможностью оказания вооруженного сопротивления органам безопасности и правопорядка, использования приемов и методов деятельности экстремистских организаций со стороны мигрантов, т. е. крайней формой миграционного конфликта может стать экстремистская угроза, исходящая от мигрантов как в контексте институциональных, политических, социальных, экономических и культурных противоречий, так и инспирируемая и финансируемая зарубежными и национальными организациями радикальной и деструктивной направленности. Впрочем, из потенциала развития экстремистской активности нельзя исключать и местное население с антимиграционными лозунгами.

Очевидно, что международные экстремистские организации охотно используют миграционный потенциал, проблемы социально-экономического характера вынужденных переселенцев в своих целях, прежде всего для вербовки и дальнейшего участия в противоправной деятельности вплоть до совершения суицидальных террористических актов [1]. Конечно же, наибольшую заинтересованность организованных групп и преступных сообществ представляют лица, имеющие опыт боевых действий или ранее принимавшие участие в террористической деятельности. На новых локациях такие мигранты, как правило, продолжают вести преступный образ жизни, устанавливая и поддерживая в местах проживания четкую иерархию, организованность, строгую дисциплину, собственные «суд» и систему наказаний на основе (около)религиозных

постулатов, традиций, обычаев или криминальных «законов». Превентивная деятельность правоохранителей с подобными категориями нелегальных мигрантов, в том числе прибывающих по «целевому» назначению, наиболее сложна и проблематична, поскольку они действуют законспирировано, в местах своего компактного проживания, характеризуются разнородностью контингента, редко идут на сотрудничество с органами безопасности и правопорядка, поэтому правоохранительная активность в лучшем случае ограничивается их постановкой на профилактический (оперативный) учет, проверкой причастности к совершению других преступлений на территории страны пребывания и (или) за ее пределами, установлением истинной цели прибытия, связей с этническими и национальными диаспорами, криминалитетом и т. п.

Современным заданием для международного сообщества выступает координация усилий в русле разработки таких международно-правовых норм в сфере противодействия нелегальной миграции, которые бы выражали согласованные подходы всех стран к модернизированным и эффективным средствам нейтрализации негативных последствий этого явления. Научный дискурс проблемы противодействия миграции и связанному с ней экстремизму представлен в трех измерениях: международном (универсальном, мировом), межгосударственном и национальном.

Миграция лиц, причастных к экстремизму, — проблема и для Российской Федерации. Она выступает провокативно-конфликтогенным фактором в социальной, политической и других сферах, негативно влияет на состояние общественной и экономической безопасности, подрывает авторитет и доверие к высшим должностным лицам и органам государственной власти, именно поэтому анализ основных проблем противодействия такому виду миграции будет способствовать формированию и реализации соответствующей государственной политики на федеральном и региональном уровнях. С учетом изложенного, а также недостаточного уровня исследования данной проблемы, особенно через призму криминологических изысканий, считаем, что ее надлежит рассматривать в контексте комплексного, альтернативного и прогностического подхода. Соответственно, в XXI в. межгосударственное сотрудничество в области противодействия нелегальной миграции и связанной с ней преступности должно включать три составляющих: защиту прав и свобод собственных граждан, с одной стороны, и иностранцев, беженцев, лиц без гражданства, легальных и нелегальных мигрантов — с другой;

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 02.04.2022).

противодействие транснациональной организованной преступности в сфере незаконной миграции, международной экстремистской деятельности; недопущение незаконного пересечения государственных границ. Наиболее эффективным в миграционной политике будет так называемый «комбинированный подход» (объединение содействия и контроля), предлагающий сдержанную политику «открытых передних дверей» лицам, во въезде которых страна заинтересована, и политику «закрытых задних дверей» для тех, кто использует незаконные пути въезда. Баланс составляющих в данном подходе часто изменяется для того, чтобы отреагировать на внутренние и внешние метаморфозы, причем правоохранительная деятельность должна быть гибкой, адаптивной, опережающей и предполагать дифференциацию превентивных, оперативно-разыскных, процессуальных и других специальных средств воздействия на криминологическую обстановку в этой сфере.

Нелегальная миграция, как правило, определяется теми же факторами, что и легальная. Большинство национальных правительств осознало, что используемые ими формы и методы реализации государственной политики в данной области также влияют на масштабы, динамику и проявления миграционных процессов. При этом страны назначения (реципиенты) не пассивные стороны, поскольку они непосредственно или опосредованно обуславливают стимулирование миграции как легальной, так и нелегальной. Иными словами, неэффективная государственная политика по вопросам легальной миграции, слабый пограничный и правоохранительный контроль будут благоприятствовать интенсификации нелегальной миграции (виктимная политика государства), которую считаем более тесно связанной с экстремистской деятельностью.

Очевидно, что нелегальная миграция в современном мире создает дополнительные условия для конфликтов: между местным населением и мигрантами; нелегальными мигрантами и властью; представителями различных национальных и этнических групп мигрантов, внутри и между преступными группировками. Вместе с тем проблема взаимосвязи и высокой латентности (искусственной и естественной) нелегальной миграции и экстремизма актуальна для национальных правительств стран, особенно тех, которые являются реально или потенциально иммиграционными. Сегодня государства оказываются перед дилеммой, состоящей в угрозе своеобразного двойного давления: с одной стороны, притока нелегальных мигрантов со всеми выте-

кающими негативными последствиями, а с другой — реальности угроз международного экстремизма. Такую синхронизацию и синергию без комплексных, сбалансированных превентивных мер и действий на национальном и коллективном уровнях не выдержит ни одна страна, каким бы уровнем развития и правоохранительным потенциалом она ни располагала.

Однако не стоит оставлять без внимания и возможность содействия или попустительства созданию транснациональной системы управления нелегальными миграционными потоками со стороны местного населения. Безусловно, этому способствуют не только идеологический вакуум либо индоктринация деструктивными или радикальными идеями отдельных категорий и слоев граждан, но и разбалансированность государственного управления, снижение жизненного уровня местного населения, усиление социальной напряженности, финансово-экономическая нестабильность, рост безработицы и т. д. Как следствие, жители приграничных населенных пунктов могут быть пособниками (проводниками, перевозчиками) нелегальных мигрантов, а другие граждане предоставлять без регистрации в аренду свои квартиры, мини-гостиницы, оказывать помощь в их легализации и др.

В то же время в отдельных странах Европейского Союза существует реальная угроза того, что склонности к усилению иммиграционных политик в связи с возрастанием экстремистских угроз выразятся в суггестивном подходе к допуску мигрантов на территорию государств, когда самой нежелательной категорией окажутся мусульмане. Обычно меры безопасности, предпринимаемые на национальном уровне, важны, но суггестивный подход несет латентную и небезопасную тенденцию, которая может трансформироваться и привести к дефрагментации социально-политической ситуации в странах — участницах миграционных процессов, перерасти в международные и межнациональные конфликты, связанные с дискриминацией, расизмом, мигрантофобией и ксенофобией. Безусловно, этому способствует медиатизация общественной жизни в совокупности с культивируемыми и транслируемыми медиа «неоклассическим» негативным образом беженцев и переселенцев, подменной понятий либо смешением ислама, исламизма, терроризма и мигрантов, широко используемым оппозиционной общественностью, популистскими, псевдопатриотическими и (ультра)правыми политическими партиями и политиками.

По нашему мнению, для абсолютного большинства легальных и нелегальных мигрантов, вовле-

каемых в экстремистскую активность, характерно совершение «примитивных» преступлений, они используются как пешки или «пушечное мясо», часто вслепую, разово, точно, без расшифровки общего замысла и конкретных целей осуществляемой профессиональной противоправной деятельности или в качестве действующего резерва либо «спящих» ячеек. Однако такая активность может легко координироваться или управляться из-за рубежа, в том числе посредством информационно-телекоммуникационных технологий [2; 3]. Другими словами, мигранты необходимы экстремистским организациям в качестве инструмента для расширения географии, демонстрации могущества и неуязвимости своей противоправной деятельности. В то же время нелегальный мигрант, используемый в противоправных целях, отличается от других членов социума определенной деформированностью внутренней морально-психологической сферы, т. е. подсознательно и константно ощущая себя девиантом, которого в любой момент могут выслать из страны пребывания, он находится в состоянии постоянного стресса, способного перейти во фрустрацию, сопровождающуюся беспричинной и внезапной агрессией, раздражительностью, гневом, чувством вины, угнетенностью и др.

Полагаем, что индивидуальная профилактика преступности мигрантов, которые могут быть использованы в экстремистской деятельности, должна учитывать специфику их мотивации. К ней можно отнести: внешние факторы (конкретный набор криминальных компонент социальной среды); внутренние факторы (структурные и содержательные деформации личности правонарушителя); особенности механизма взаимодействия таких лиц с микросредой и членами социума. При этом необходимо обращать внимание на то, что вербовка и пополнение неопитами экстремистских организаций может осуществляться на всех трех стадиях миграции: формирования территории мобильности населения, собственно перемещения, адаптации мигрантов к новой локации.

Уверены, что работа субъектов нормотворческих инициатив, правоохранительной и правозащитной деятельности, принимающих участие в противодействии экстремистским проявлениям, связанным с миграционными процессами, должна базироваться на стратегиях сокращения спроса на такую противоправную активность и предложений по участию в ней. По нашему мнению, (само)радикализация вариативных категорий мигрантов как следствие нерешенности социально-экономических, политических и культурных проблем, исторических разли-

чий, социального остракизма и изоляции, наличия нарративов может осуществляться на различных уровнях: индивидуальном, семейном, групповом, этно-национальном, государственном или глобальном. При этом наиболее привлекательными для идеологов и вербовщиков экстремистских группировок площадками считаем лагерь беженцев и транзитные пункты размещения мигрантов, хотя прозелитизм, индоктринация локальными и инвазивными радикальными постулатами и деструктивными догмами с их последующей практической реализацией могут успешно осуществляться как в странах-реципиентах, так и в странах-донорах, а также транзитных государствах. С учетом изложенного острым становится вопрос формирования и реализации политики (ре)интеграции мигрантов как составляющей институциональной договоренности между всеми членами социума с дальнейшими социализацией, адаптацией и натурализацией мигрантов. Это должно снизить (как утопия — обнулить) уровень их уязвимости, конфликтности, правового нигилизма, риски прекаризации, анклавизации (геттоизации), люмпенизации, маргинализации и радикализации миграционных сообществ, в том числе вследствие их секьюритизации и стигматизации, которые эффективно используются экстремистскими организациями.

На наш взгляд, высокий уровень латентности незаконных миграционных процессов обусловлен не только факторами социально-экономического, правового и процессуального характера, но и отсутствием процессуальной фигуры лица, потерпевшего от данного деликта. К тому же латентизация сопряженных с этими процессами экстремистских проявлений детерминирована анонимностью организаторов, идеологов и других стейкхолдеров радикальных и деструктивных формирований и их дистанцированностью от своей аудитории: начиная новобранцем и заканчивая исполнителем противоправных акций. Правоохранителям стоит учитывать и тот факт, что, с одной стороны, ужесточение санкционной политики, усиление дискреционных полномочий и сдерживающих (репрессивных) мер противодействия незаконной миграции в целом и экстремистской деятельности мигрантов в частности далеко не всегда эффективны и целесообразны, поэтому не принесут ожидаемый, пролонгированный криминологический эффект. С другой — формальное или лояльное отношение правоохранителей к проверке документов у вынужденных переселенцев, беженцев, эвакуируемых из других государств лиц, их идентификации и регистрации с учетом возможной неопределенности их право-

вого статуса могут привести к рискам осложнения оперативной обстановки вследствие проникновения с такими категориями лиц участников диверсионных и разведывательно-подрывных групп, членов экстремистских или террористических организаций [4—6].

Что касается возвратной миграции, то приоритетной задачей здесь становится защита мигрантов от негативного информационного фона и влияния в стране временного пребывания. Для этого должна постоянно и системно проводиться активная кросс-платформенная работа с соотечественниками, землячествами и диаспорой (в расчете на иерархию и уважение лидерства в таких сообществах), что позволит переселенцам сохранить собственную идентичность, глокализацию и обеспечит их ментальную безопасность. В противном случае, возвращаясь на родину, такие лица могут становиться агентами влияния страны временного пребывания, примыкать к несистемной оппозиции с иностранным финансированием и кураторством, формировать и руководить экстремистскими ячейками и т. п.

Не секрет, что экстремизацию миграционных потоков в абсолютном большинстве случаев связывают с «исламским» радикализмом. Вне сомнений, многие переселенцы из мусульманских стран, испытывающие кризис культурной и национальной идентичности, трудности в (ре)адаптации в стране пребывания, могут приходиться к глобальной исламской идентичности как высшей форме устойчивости и консолидации, которая доминирует над территориальной принадлежностью, этническим и национальным происхождением мигрантов, потенциально делает их более восприимчивыми к мобилизации благодаря соответствующим источникам и каналам. Как следствие, сформировавшийся высокий уровень общественной нетерпимости этнофобии и исламофобии, институциональный расизм в правоохранительных и судебных органах стран коллективного запада привели к этно-конфессиональному расслоению социума, необратимым трансформациям ментальности и росту межцивилизационных противоречий.

Ислам в современной Европе представляет собой феномен, далеко не ограничивающийся засильем беженцев из стран мусульманского мира, фундаментализмом, радикальным исламом, перманентно подготавливаемыми и совершающимися резонансными террористическими актами. Последовательно, интенсивно и безапелляционно он становится неотъемлемой частью истории и культуры большинства европейских стран, конвергентно оказывая влияние на экономику и все сферы

общественно-политической жизни [7; 8]. Несмотря на эти очевидные факты, политическое руководство Европейского Союза и национальные правительства отдельных государств все еще пытаются найти хрупкое равновесие между ростом миграционных потоков, сопряженных с секьюритизацией ислама, который воспринимается социумом как вызов коллективной, национальной и общественной безопасности, межнациональному и конфессиональному согласию, и признанием интегрирующегося мусульманского населения частью нового европейского сообщества. Здесь важно подчеркнуть, что разнообразный в институциональном и географическом планах экспортируемый в страны Европейского Союза ислам даже не претендует на «европейскость» («евроислам») и ассимиляцию, синтез с традиционными и нетрадиционными либеральными и демократическими ценностями и ориентирами современной Европы, впрочем, как и европейские страны — на создание инклюзивной национальной идеологии, включающей локальную мусульманскую идентичность релоцированных лиц.

Считаем, что говорить о тотальной радикализации мигрантов (как и представителей какой-либо религии или вероучения) и их сообществ неприемлемо. Такое дискурсивное представление о переселенцах с участвовавшими случаями их стигматизации обостряет социальные противоречия, усиливает конфликтогенность в обществе в глобальном, национальном и региональном масштабах, вынуждает мигрантов чувствовать свои этноконфессиональное отличие и низкий социальный статус в транзитных странах и государствах-реципиентах. По нашему мнению, за пределами мусульманских стран-доноров (в первую очередь в странах Европейского Союза) сформировалась более благоприятная для генерирования, популяризации и принятия экстремистской идеологии среда ввиду показной толерантности, либеральности правового пространства, неэффективности правоохранительной системы, широкой доступности сети Интернет и информационно-телекоммуникационных технологий. Одновременно с этим согласно результатам ранее проведенных нами социологических исследований можно сделать выводы о первичности меркантильных стимулов при радикализации мигрантской среды по отношению к религиозным (имеется в виду искаженное толкование или неправильное понимание вероучений). Кроме того, для стран коллективного запада среди сообществ мигрантов не единичны проявления политического экстремизма, тогда как для России большинство мигрантов характеризуется своей аполитичностью. В превентивной

деятельности по отношению к радикализации миграционных процессов нужно учитывать структурную мотивацию и личностные стимулы переселенцев, реальные и потенциальные риски уязвимости их групп, детерминанты и сферы распространения экстремистской активности в регионе.

В современном этнокультуральном и мультинациональном разнообразии декларация потребности построения процесса познания миграционного бытия, миграционных взаимоотношений и взаимо-

действий, в которых генерируются и закрепляются устойчивые навыки поведения мигрантов, закладываются нормы миграционной культуры, решаются актуальные проблемы субъектов миграционных процессов, на устойчивом духовном фундаменте звучит как лозунг. Тем не менее актуальные миграционные процессы требуют консолидации в государственной политике управленческих, прогностических, социально-экономических, демографических и интегративных функций.

1. Игнатов А. Н., Торопов С. А. Социальная напряженность как фактор терроризма и экстремизма // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы V всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 23 декабря 2019 г.). Краснодар: Издательский Дом — Юг, 2020. С. 59—63.

2. Чудина-Шмидт Н. В. Влияние информационного пространства на рождение и генезис экстремальной личности // Личность в информационном пространстве: проблемы и перспективы исследования: моногр. / под ред. С. А. Буткевича. Симферополь: Полипринт, 2020. С. 71—75.

3. Шишина Е. А. Роль информационных технологий в формировании детерминанты социального поведения личности // Информационные и телекоммуникационные технологии в противодействии экстремизму и терроризму: материалы III всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 23 апреля 2020 г.). Краснодар: КрУ МВД России, 2020. С. 93—98.

4. Никитина Л. Н. Роль визуальной диагностики в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-2. С. 191—194.

5. Иванов С. И. Оперативно-розыскное обеспечение контртеррористических операций и операций по противодействию экстремизму // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: моногр. / под общ. ред. С. А. Буткевича. Симферополь: Крымский филиал КрУ МВД России, 2015. С. 266—274.

6. Токарчук Р. Е. Проблемы применения оружия для пресечения преступлений террористической направленности федеральными государственными служащими органов безопасности и правопорядка // Общество и право. 2019. № 4 (70). С. 102—108.

1. Ignatov A. N., Toropov S. A. Social tension as a factor of terrorism and extremism. In: Modern problems of theory and practice of combating crime. Materials of the Vth All-Russian scientific-practical conference (Krasnodar, 23 December 2019). Krasnodar: Publishing House — Yug; 2020: 59—63. (In Russ.).

2. Chudina-Shmidt N. V. The influence of the information space on the birth and genesis of an extreme personality. Personality in the information space: problems and research prospects. Monograph. Ed. by S. A. Butkevich. Simferopol: Polyprint; 2020: 71—75. (In Russ.).

3. Shishina E. A. The role of information technologies in the formation of determinants of social behavior. In: Information and telecommunication technologies in counteraction to extremism and terrorism. Materials of the III All-Russian scientific-practical conference (Krasnodar, 23 April 2020). Krasnodar: Krasnodar university of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2020: 93—98. (In Russ.).

4. Nikitina L. N. The role of visual diagnostics in professional activity of police officers. Problems of modern pedagogical education, 191—194, 2021. (In Russ.).

5. Ivanov S. I. Operative-search support of counter-terrorist operations and operations to counteract extremism. In: Counteraction to extremism and terrorism in the Crimean federal district: problems of theory and practice. Monograph. Ed. by S. A. Butkevich. Simferopol: Crimea branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2015: 266—274. (In Russ.).

6. Tokarchuk R. E. Problems of the use of weapons to suppress crimes of terrorist orientation by federal civil servants of security and law enforcement agencies. Society and Law, 102—108, 2019. (In Russ.).

7. Konopleva A. A. Hybridization of modern civilization. POISK: Politics. Social Science. Art. Sociol. Culture, 53—61, 2018. (In Russ.).

7. Коноплева А. А. Гибридность современной цивилизации // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 4. С. 53—61.

8. Челпанова М. М., Сизова Н. М. Экономические аспекты террористической деятельности // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 403—404.

8. Chelpanova M. M., Sizova N. M. Economic aspects of terrorist activity. Eurasian law journal, 403—404, 2021. (In Russ.).

Буткевич Сергей Анатольевич,
заместитель начальника Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
(по учебной и научной работе),
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Республики Крым;
sbutkevich@mvd.ru

Butkevich Sergey Anatolievich,
deputy head for education and science
of the Crimea branch of the Krasnodar university
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent,
honored lawyer of the Republic of Crimea;
sbutkevich@mvd.ru

Статья поступила в редакцию 21.03.2022; одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 21.03.2022; approved after reviewing 31.03.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.234

doi: 10.25724/VAMVD.CCCC

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗВОЗМЕЗДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ИЛИ МЕРКАНТИЛЬНЫЙ СПОСОБ ЗАГЛАЖИВАНИЯ ВРЕДА**

Сергей Александрович Корнеев

Академия права и управления ФСИН России

Рязань, Россия, kornei_lam@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается социально-правовая природа благотворительной деятельности, осуществляемой от имени лица, совершившего преступление, в рамках возмещения ущерба или иного заглаживания вреда. В настоящее время на законодательном уровне отсутствует исчерпывающий перечень возможных способов компенсации прав, нарушенных в результате совершенного общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления. Вследствие этого правоприменительные органы в процессе разбирательства по конкретному уголовному делу наделяются правом самостоятельной оценки конкретного посткриминального позитивного действия подсудимого и принятия решения о его соответствии способу заглаживания вреда. Определяется допустимость отождествления добровольной бескорыстной деятельности с видом возмещения ущерба общественным отношениям. На основании анализа положений уголовного закона, руководящих разъяснений высших органов государственной власти, следственно-судебной практики, доктрины уголовного права автор приходит к выводу, что благотворительная деятельность не соответствует посткриминальным позитивным действиям лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, не является способом возмещения ущерба или иного заглаживания вреда и, как следствие, вряд ли может служить основанием освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: возмещение ущерба, заглаживание вреда, судебный штраф, благотворительная деятельность, благотворительность, иные меры уголовно-правового характера

Для цитирования: Корнеев С. А. Благотворительность в уголовном праве: добровольная безвозмездная деятельность или меркантильный способ заглаживания вреда // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 40—46. doi: 10.25724/VAMVD.CCCC

**CHARITY IN CRIMINAL LAW:
VOLUNTARY GRATUITOUS ACTIVITY
OR A MERCANTILE WAY OF MAKING AMENDS**

Sergey Aleksandrovich Korneev

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia

Ryazan, Russia, kornei_lam@mail.ru

Abstract. The article substantiates the socio-legal nature of charitable activities carried out on behalf of a person who committed a crime, as part of compensation for damage or other compensation for harm. Currently, at the legislative level, there is no exhaustive list of possible ways to compensate for the rights violated as a result of a socially dangerous act that contains all the signs of a crime. As a result, law enforcement agencies in the course of proceedings in a specific criminal case are given the right to independently assess a specific post-criminal positive action of the defendant, and make a decision on its compliance with the method of making amends. The purpose of the work is to determine the permissibility of identifying voluntary selfless activity with the type of compensation for damage to public relations. Based on the analysis of the provisions of the criminal law, the guiding explanations of the highest state authorities, investigative and judicial practice, the doctrine of criminal law, the author comes to the conclusion that charitable activity does not correspond to the post-criminal positive actions of a person who has

committed a crime of minor or medium gravity for the first time, is not a way of compensation for damage or other compensation for harm and, as a result, can hardly serve as a basis for exemption from criminal liability.

Keywords: compensation for damage, compensation for harm, judicial fine, charitable activity, charity, other measures of a criminal nature

For citation: Korneev S. A. Charity in criminal law: voluntary gratuitous activity or a mercantile way of making amends. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 40—46, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.CCCC

На основании ст. 76² Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) условиями реализации прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа и, соответственно, общественных отношений, сложившихся в результате нарушения уголовно-правового запрета, являются констатация совершения преступления небольшой или средней тяжести впервые, а равно факт возмещения причиненного ущерба или иного заглаживания вреда. Если первый из обозначенных критериев не вызывает сомнений и разногласий теоретико-прикладного характера, то второй относится к разряду дискуссионных и неоднозначных вопросов, обсуждаемых на страницах специализированной литературы. В частности, речь идет об имеющихся сложностях в определении сущности, способа, размера компенсации нарушенных преступлением прав потерпевшего, интересов общества и государства.

Согласно руководящим разъяснениям Верховного Суда под *ущербом* необходимо понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т. д.¹

Заглаживание вреда – имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принятие ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства².

Исходя из методов формальной логики, считаем, что заглаживание вреда, причиненного преступле-

нием, является широким понятием, включающим в свой объем в том числе возмещение ущерба. Употребляемый союз «или» свидетельствует о том, что причиненный преступлением ущерб может быть компенсирован (заглажен) не только в натуре либо денежной форме, но и в форме иных мер, направленных на восстановление нарушенных прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства.

Из текста постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что перечень способов заглаживания вреда, причиненного преступлением, не является исчерпывающим и не ограничивается жесткими законодательными рамками. В связи с этим правоприменительные органы в процессе разбирательства по конкретному уголовному делу наделяются правом самостоятельно оценивать то или иное посткриминальное позитивное действие лица, совершившего преступление, и принимать решение о его соответствии способу заглаживания вреда, на чем также делается акцент в ряде судебных решений³.

Полагаем, что такое развитие событий вписывается в общую канву проводимой высшими органами государственной власти политики гуманизации действующего уголовного законодательства. По нашему глубокому убеждению, перечень способов заглаживания вреда, причиненного преступлением, выражающихся в конкретных постпреступных позитивных действиях, не может быть исчерпывающим (закрытым). В данном правовом поле государство преследует цель максимального стимулирования лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, на раскаяние, осознание совершенного противоправного действия, социально одобряемое поведение. Ограничение круга возможных посткриминальных действий определенными поступками вряд ли можно признать верным направлением развития уголовного законодательства. Таким образом,

¹ См.: О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Постановление № 1-316/2020 по уголовному делу № 1-316/2020 от 10 июля 2020 г. // Архив Ленинского районного суда г. Смоленска Смоленской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wzXaqTcHOsl/> (дата обращения: 12.01.2022).

суд вправе (но не обязан) оценивать конфигурацию позитивных действий лица как социально-полезную и признавать ее в качестве факта, констатирующего заглаживание вреда. В то же время, подчеркивая важность руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации¹, следует отметить, что способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять прав третьих лиц.

Наряду с этим на практике имеют место случаи злоупотребления со стороны судебных органов правом расширительного толкования способов возмещения ущерба или иного заглаживания вреда, причиненного преступлением. Так, в правоприменительной деятельности просматривается тенденция отождествления постпреступных позитивных действий лица, совершившего общественно опасное деяние, выражающихся в благотворительной деятельности, с видом заглаживания вреда.

В то же время в судебно-уголовной политике прослеживается вариативность оценки добровольного безвозмездного оказания услуг при рассмотрении уголовных дел. Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что уполномоченные органы власти трактуют указанную деятельность по-разному. Рассмотрим несколько вариантов истолкования благотворительности, субъектом которой является лицо, совершившее преступление:

1. *Способ возмещения ущерба или иного заглаживания вреда.* Так, Чунский районный суд Иркутской области постановил прекратить уголовное преследование в отношении О., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ, с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 400 тысяч рублей. В качестве заглаживания причиненного преступлением вреда суд констатировал факт благотворительной помощи социально-реабилитационному центру. В ходе судебного заседания суд проигнорировал доводы прокурора о недостаточности принятых подсудимым мер компенсации ущерба, отсутствии постоянного места работы, а следовательно, стабильного заработка².

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление № 1-185/2021 по уголовному делу № 1-185/2021 от 29 июня 2021 г. // Архив Чунского районного суда Иркутской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TU1SyXlmZ2mP/> (дата обращения: 28.01.2022).

Представляется, что принятое решение соответствует позиции Верховного Суда Российской Федерации. Согласно его разъяснениям «имущественное положение лица и отсутствие источника дохода не препятствуют освобождению его от уголовной ответственности и применению меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа»³. Вместе с тем рассматриваемый, а равно иные примеры из судебной практики, вероятно, свидетельствуют о факте заглаживания преступного вреда не исполнителем общественно опасного деяния, а организатором (руководителем) преступной деятельности, который остается в «тени» и не подлежит уголовной ответственности. Полагаем, что подобное решение видится весьма уязвимым с точки зрения эффективности реализации задач уголовного законодательства, функций института освобождения от уголовной ответственности и т. д.

2. *Смягчающее наказание обстоятельство.* Так, Белогорский городской суд Амурской области приговорил Ч. признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 291 УК РФ, и назначить ему наказание в виде штрафа в размере 70 тысяч рублей. В ходе заседания суд констатировал факт отсутствия данных, свидетельствующих о заглаживании вреда, причиненного интересам государства. Вопреки утверждению защитника суд в качестве такового не расценил оказание благотворительной помощи социальному учреждению. Вследствие этого уполномоченный орган пришел к выводу, что постпреступные позитивные действия Ч. не свидетельствуют о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий и не могут быть расценены как позволяющие освободить преступника от уголовной ответственности⁴.

Для сравнения отметим, что Центральный районный суд г. Хабаровска постановил освободить от уголовной ответственности Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 291 УК РФ, с назначением судебного штрафа. Благотворительное пожертвование общественной

³ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76² УК РФ) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/all/28088/> (дата обращения: 31.01.2022).

⁴ Приговор № 1-682/2020 по уголовному делу № 1-682/2020 от 20 ноября 2020 г. // Архив Белогорского городского суда Амурской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OkP7sTOtixUe/> (дата обращения: 31.01.2022).

организации суд признал в качестве способа заглаживания вреда¹.

Таким образом, в обоих случаях лицо, впервые совершившее преступление средней тяжести, подвергается лишениям и ограничениям материального характера. Однако в первом примере они будут пролонгированы обременениями в рамках института судимости, а во втором — негативные последствия осуждения, как и уголовная ответственность в целом, исключены. Причиной разных правовых последствий является субъективная оценка судом размера, достаточности предпринятых действий лица для заглаживания вреда, причиненного преступлением, выраженных в виде благотворительности. Стоит отметить, что решение суда в обоих случаях является обоснованным и не противоречит положениям уголовного закона.

3. *Добровольная безвозмездная деятельность граждан, не имеющая отношения к материалам уголовного дела.* Так, Приморский районный суд Санкт-Петербурга приговорил признать Л. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 264¹, ч. 1 ст. 228 УК РФ, и назначить ему наказание, связанное с изоляцией от общества. В своем решении суд констатировал, что данные категории преступлений не относятся к имущественным составам и заглаживание вреда за собой не влекут. Доводы стороны защиты о заглаживании Л. причиненного вреда путем перечисления им денежных средств в благотворительный фонд суд расценил как «...нелогичные и несостоятельные»².

Считаем, что рассматриваемое судебное решение уязвимо с точки зрения руководящих разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Во-первых, нормы действующего уголовного законодательства не ограничивают возможность освобождения от уголовной ответственности за преступления, которые по конструкции объективной стороны являются формальными. Во-вторых, возможные способы заглаживания причиненного преступлением вреда законом не ограничены. Вследствие этого, по справедливой оценке судов, «...вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме,

позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям», в том числе путем благотворительной деятельности³.

Необходимо отметить, что принятие решения об освобождении лица, впервые совершившего преступление средней тяжести, от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа является правом, а не обязанностью суда. Таким образом, приговор Приморского районного суда Санкт-Петербурга признать незаконным не представляется возможным.

Итак, в правоприменительной деятельности возникают трудности относительно реализации положений уголовного закона о судебном штрафе. В доктрине же уголовного права минимизированы споры и разногласия о возмещении ущерба или ином заглаживании вреда, причиненного преступлениями с материальным составом. По справедливому мнению Н. С. Луценко, проблемные вопросы характерны при освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по тем составам преступлений, которые не предусматривают причинения ущерба или иного вреда в качестве обязательного признака объективной стороны [1, с. 167]. В то же время мнения по этому поводу в специализированной литературе разделились. Высказанные точки зрения, с определенной долей условности, можно изложить следующим образом. Заглаживание причиненного преступлением с формальным составом вреда в целом и его отождествление с благотворительностью в частности рассматривается в качестве:

— правильной, взвешенной и положительной правоприменительной практики [2, с. 350]. Так, по убеждению А. М. Каримова, в случае отсутствия в деле потерпевшего виновное лицо вправе загладить причиненный вред перед обществом и государством, и благотворительность — наиболее рациональный способ выражения таких действий [3, с. 142];

— сомнительной деятельности управомоченных органов государственной власти. Как отмечает Н. Ю. Скрипченко, законность таких действий представляется спорной, так как не все общественные отношения, которые нарушаются в результате совершения преступления, могут подлежать восстановлению [4, с. 384].

¹ Постановление № 1-317/2020 по уголовному делу № 1-317/2020 от 2 июля 2020 г. // Архив Центрального районного суда г. Хабаровска (Хабаровский край). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/НунmOMGtebx1> (дата обращения: 31.01.2022).

² Приговор № 1-678/2020 по делу уголовному № 1-678/2020 от 17 июля 2020 г. // Архив Приморского районного суда Санкт-Петербурга. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/don3DHhtCA1g/> (дата обращения: 31.01.2022).

³ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ).

Схожей позиции придерживается А. В. Зарубин, считая, что при данных обстоятельствах остается без внимания вопрос соответствия общественных отношений, которым причинен вред, и тех учреждений, в адрес которых перечисляются денежные средства в рамках благотворительности [5, с. 110].

Другая точка зрения сводится к индифферентному восприятию указанных действий и констатации факта расширительного толкования понятия «возмещение ущерба или иное заглаживание вреда» [6, с. 51].

Не умаляя значимости того или иного подхода, полагаем, что благотворительная деятельность не соответствует посткриминальным позитивным действиям лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, не является способом возмещения ущерба или иного заглаживания вреда и, как следствие, вряд ли может служить основанием освобождения от уголовной ответственности.

В соответствии с действующим законодательством под благотворительной деятельностью понимается *добровольная* деятельность физических и юридических лиц по *бескорыстной* передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, *бескорыстному* выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки¹.

Основываясь на энциклопедическом толковании, под благотворительностью необходимо понимать:

— безвозмездную и общественно-полезную деятельность [7, с. 50];

— безвозмездное оказание помощи бедным [8, с. 42];

— оказание безвозмездной помощи (материальной и денежной) нуждающимся лицам и организациям, социальным группам, обеспечение людей благами и услугами за счет благотворителя, дарителя [9, с. 51];

— совокупность гуманитарных действий отдельного человека, организаций, обществ. В основе безвозмездности лежит мотивация людей, испытывающих сострадание к людям, потребность во взаимной поддержке и помощи. Эта мотивация не должна сочетаться с коммерческими интересами, получением прибыли (выгоды) [10, с. 45].

Таким образом, энциклопедическое (лексическое) значение этой деятельности не имеет ничего общего с посткриминальным позитивным действием лица, направленным на заглаживание вреда, причиненного преступлением. Благотворительность нельзя признать добровольной, безвозмездной, бескорыстной ввиду того, что ее субъект является участником уголовно-правовых отношений, возникших в результате юридического факта — совершения преступления. Представляется, что цель безвозмездной помощи той или иной организации, определенной категории граждан является вторичной по отношению к истинно преследуемому конечному результату — освобождению от уголовной ответственности.

Подводя итог, отметим следующее.

1. Благотворительная деятельность не соответствует посткриминальным позитивным действиям лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, не является способом возмещения ущерба или иного заглаживания вреда и, как следствие, вряд ли может служить основанием освобождения от уголовной ответственности.

2. Субъект преступления, а равно благотворительности, преследует личные меркантильные цели, которые являются вторичными по отношению к законодательно определенным конечным результатам безвозмездной деятельности².

3. Судебный штраф, назначаемый при освобождении от уголовной ответственности за преступления с формальным составом, начисляется в доход государства. В свою очередь последнее может направить указанные средства на содействие развитию благотворительности³.

¹ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): федер. закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Концепция содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2019 г. № 2705-р. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

1. Луценко Н. С. Проблемы оценки возмещения ущерба при освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Криминологические чтения: сб. материалов XV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Великой победы в Великой Отечественной войне. Улан-Удэ, 2020. С. 166—171.

2. Багуцкий Н. В. О некоторых вопросах применения судебного штрафа, как меры уголовно-правового характера // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1, № 2 (14). С. 345—352.

3. Каримов А. М. Заглаживание причиненного преступлением социального вреда // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5, № 2 (10). С. 139—143.

4. Скрипченко Н. Ю. Расширительное толкование возмещения вреда как условия освобождения от уголовной ответственности // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14, № 4. С. 379—384.

5. Зарубин А. В. Некоторые проблемы судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 2020. С. 107—113.

6. Авдеева Е. В. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 3 (58). С. 50—55.

7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2010. 874 с.

8. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. Москва: Дом Славянской книги, 2008. 960 с.

9. Райзберг Б. А. Современный социально-экономический словарь. Москва: ИНФРА-М, 2009. 629 с.

10. Социальная энциклопедия / редкол.: А. П. Горкин [и др.]. Москва: Большая Российская Энциклопедия, 2000. 438 с.

Корнеев Сергей Александрович,

преподаватель кафедры уголовного права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук; kornei_lam@mail.ru

1. Lutsenko N. S. Problems of assessment of damages in the exemption from criminal liability with the appointment of a judicial fine. In: Criminological reading. Materials of the XV all-Russian scientific-practical conference dedicated to the 75th anniversary of victory in the great Patriotic war. Ulan-Ude; 2020: 166—171. (In Russ.).

2. Bagutsky N. V. On some issues of the application of a court fine as a criminal law measure. Theory of law and interstate relations, 345—352, 2021. (In Russ.).

3. Karimov A. M. Making amends for the social harm caused by a crime. Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 139—143, 2020. (In Russ.).

4. Skripchenko N. Yu. An expansive interpretation of compensation for harm as a condition of exemption from criminal liability. Penal enforcement law, 379—384, 2019. (In Russ.).

5. Zarubin A. V. Some problems of judicial practice of exemption from criminal liability with the appointment of a court fine. In: Criminal policy and law enforcement practice. Collection of the VIII International scientific and practical conference. Saint Petersburg; 2020: 107—113. (In Russ.).

6. Avdeeva E. V. Topical issues of exemption from criminal liability with the appointment of a criminal law measure in the form of a court fine. Scientific Proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate, 50—55, 2020. (In Russ.).

7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. 80,000 words and phraseological expressions. Russian Academy of Sciences, V. V. Vinogradov Institute of the Russian language. 4th ed., suppl. Moscow: A TEMP; 2010: 874. (In Russ.).

8. Ushakov D. N. A large explanatory dictionary of the Russian language. Modern edition. Moscow: House of Slavic books; 2008: 960. (In Russ.).

9. Raisberg B. A. Modern socio-economic dictionary. Moscow: INFRA-M; 2009: 629. (In Russ.).

10. Social Encyclopedia. Ed. col. A. P. Gorokin et al. Moscow: The Great Russian Encyclopedia; 2000: 438. (In Russ.).

Korneev Sergey Aleksandrovich,

lecturer at the department of criminal law of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, candidate of juridical sciences; kornei_lam@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 02.02.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.DDDD

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МИНИМИЗАЦИИ
ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ
В КОНТЕКСТЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)**

Игорь Валентинович Петров**, *Андрей Александрович Балабанов**

* Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия, p474@yandex.ru

** ЭКЦ МВД по Республике Крым, Симферополь, Россия, expert_7679@mail.ru

Аннотация. В настоящее время криминологическое обеспечение экономической безопасности является необходимым условием независимости страны, важнейшей составляющей национальной безопасности. Данный вывод основан на содержании Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, причем серьезной угрозой выступает теневая экономика, что вызывает интерес к этой проблеме.

Авторами проведен анализ воззрений ученых на понятие «теневая экономика», который позволил сформулировать ее дефиницию как совокупность социально-экономических отношений, результаты реализации которых скрыты от государственной системы учета и контроля либо существуют в искаженном виде. Факторами, способствующими формированию и развитию рассматриваемого вида экономики, служат недобросовестное поведение предпринимателей, связанное с нарушением законодательства для получения максимальной прибыли, в том числе сокрытие части товарооборота, незарегистрированная занятость, нарушение правил декларирования, уклонение от уплаты налогов, деятельность, осуществляемая без регистрации. Дана характеристика вопросам минимизации теневой экономики для криминологического обеспечения экономической безопасности Республики Крым. Исследованы уровень социально-экономического развития региона, состояние коррупционных преступлений и других общественно опасных деяний в сфере экономики, сформулированы пути нейтрализации данных негативных явлений.

Ключевые слова: криминологическая безопасность, коррупция, преступление, регион, социально-экономическое развитие, теневая экономика

Для цитирования: Петров И. В., Балабанов А. А. Региональные аспекты минимизации теневой экономики в контексте криминологического обеспечения экономической безопасности (на примере Республики Крым) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 47—51. doi: 10.25724/VAMVD.DDDD

**REGIONAL ASPECTS OF MINIMIZATION
OF THE SHADOW ECONOMY
IN THE CONTEXT OF CRIMINOLOGICAL ENSURING ECONOMIC SECURITY
(ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA)**

Igor Valentinovich Petrov**, *Andrey Aleksandrovich Balabanov**

* Kuban state technological university, Krasnodar, Russia, p474@yandex.ru

** The Crimean criminal investigation center of the Ministry of the Internal Affairs of Russia for the Republic of Crimea, Simferopol, Russia, expert_7679@mail.ru

Abstract. In the modern period, criminological ensuring economic security is a necessary condition for the independence of the country, the most important component of national security. This conclusion is based on the content of the Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030, moreover, a serious threat is the shadow economy that causes the interest to this problem.

The authors have analyzed the scientists' views on the concept of "shadow economy", which made it possible to formulate its definition as a set of socio-economic relations the results of the implementation of which are hidden from the state system of accounting and control or exist in a distorted form. The factors contributing to the formation and development of the given type of economy are defined as dishonest behavior of entrepreneurs related to violation of legislation in order to gain maximum profit among which are concealment of part of the commodity turnover, unregistered employment, violation of declaration rules, tax evasion, activities carried out without registration. The issues of elimination of shadow economy to criminological ensure the economic security of the Republic of Crimea are characterized. The level of socio-economic development of the region, the state of corruption and other socially dangerous acts in the economy are studied, the ways to eliminate these negative phenomena are specified.

Keywords: criminological security, corruption, crime, region, socio-economic development, shadow economy

For citation: Petrov I. V., Balabanov A. A. Regional aspects of minimization of the shadow economy in the context of criminological ensuring economic security (on the example of the Republic of Crimea). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 47—51, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.DDDD

Исследование региональных аспектов минимизации теневой экономики в контексте криминологического обеспечения экономической безопасности целесообразно начинать с определения основных понятий, а именно с раскрытия категорий «экономическая безопасность», «теневая экономика» [1].

В отечественной доктрине понятие «экономическая безопасность» трактуется различным образом. Академик Л. И. Абалкин в числе первых охарактеризовал ее как состояние экономической системы, которое позволяет ей успешно развиваться и выполнять социальные функции, что, в свою очередь, помогает государству реализовывать независимую экономическую политику [2, с. 3]. Отдельные авторы определяют данный термин как систему факторов и условий, гарантирующих независимость отечественной в целом и региональной в частности экономики, ее устойчивость и возможность постоянного обновления [3]. Иная позиция принадлежит ученым, рассматривающим это понятие как совокупность различных условий (экономических, политических, законодательных), позволяющих на длительное время сформировать наибольшее количество экономических ресурсов на душу населения максимально дешевым способом [4]. Последний вариант представляется нам наиболее удачным и подходящим для целей настоящей работы.

Понимание термина «теневая экономика» в науке также многообразно. Заметим, что наряду с ним используются и другие: «скрытая экономика», «подпольная экономика», «нелегальная экономика», «неформальная экономика» и т. п. Соглашаясь с М. В. Головкин, «теневой экономикой» будем называть деятельность, не подпадающую под законодательную регламентацию и выходящую за ее пределы [5, с. 110].

По содержанию криминологические детерминанты теневой экономики можно разделить на экономические, правовые и общественно-политические. К первым относятся несовершенство процесса приватизации, высокие налоги, хищения бюджетных средств и т. д. Ко вторым — несовершенство действующего законодательства, коррумпированность служащих и правоохранительных органов. К третьим — нестабильность рынка, низкий уровень зарплат и др. [6] Таким образом, «теневая экономика» объединяет различные нелегально возникающие экономические отношения в процессе производства товаров, выполнения работ, оказания услуг, сокрытие подобной деятельности от налогообложения. Исходя из этого, наиболее распространенными видами правонарушений в данной сфере являются уклонение от налогов, коррупционная деятельность, неформальная занятость, производство контрафактной продукции, нелегальная миграция [7]. Их совершению способствует недобросовестное поведение предпринимателей, связанное с нарушением законодательства для получения максимальной прибыли, которое выражается в сокрытии части товарооборота, нарушении правил декларирования доходов, осуществлении предпринимательской деятельности без регистрации.

В любой стране с высоким уровнем безработицы всегда существует теневая экономика, поскольку граждане берутся за выполнение всякой работы, за какую платят деньги. По подсчетам ученых, теневой сектор экономики в России охватывает приблизительно 40 % трудоспособного работающего населения, получающего «серую» (лица, принятые на работу по трудовому договору, получающие часть зарплаты неофициально, наличными в виде премии) или «черную» (лица, принятые на работу без оформления трудового договора, получающие

зарплату наличными непосредственно от работодателя) зарплату [7].

Экономическая безопасность нашего государства состоит из экономической безопасности его регионов. На рынке труда в субъектах Российской Федерации наблюдается явный недостаток предложений официальных рабочих мест, поэтому по данным исследователей около 250—300 тыс. крымчан трудоустроены без оформления трудового договора и получают зарплату наличными непосредственно от работодателя. Потери бюджета Республики Крым от теневого трудоустройства составляют порядка 7—8 млрд руб. в год¹.

Республика Крым представляет собой уникальный субъект и стратегически важный регион в Азово-Черноморском бассейне. В силу своего географического положения она имеет большое геополитическое значение. Внешнее воздействие на экономическую безопасность этого субъекта Российской Федерации оказывает введение экономических и финансовых санкций, транспортная блокада, которую создает Украина, критический недостаток пресной воды и др. На состояние экономики региона влияют и осуществляемые в России реформы, профессионализм политического и хозяйственного руководства.

Уровень социально-экономического развития региона определяется с помощью показателей материальной обеспеченности граждан. Можно отметить ежегодные положительные изменения, связанные с приростом доходов жителей Республики Крым. Однако все финансовые достижения в данной сфере нивелируются постоянной инфляцией, из-за чего средний уровень зарплат крымчан ниже общероссийского [8]. Наиболее это заметно из анализа следующих цифр:

— индекс промышленного производства в Республике Крым составил в добывающей промышленности — 94,5 %, обрабатывающей — 98,0 %, предоставлении электрической энергии, газа, пара, водоснабжении и кондиционировании воздуха — 102,0 %, сборе и утилизации отходов — 111,6 %;

— в сфере сельского хозяйства было намолочено зерновых и зернобобовых культур 529,9 тыс. тонн (+63,7 %), овощей было собрано 4,4 тыс. тонн (+94,1 %);

— в животноводстве было реализовано на убой 90,2 тыс. тонн скота и птицы (–1 %), общий объем полученного молока — 116,3 тыс. тонн (+0,6 %), на 6,8 % уменьшился объем производства яиц;

¹ См.: Власти Крыма подсчитали объемы теневой занятости в регионе // Лента новостей Крыма. URL: <https://crimea-news.com/economy/2020/11/19/728633.html> (дата обращения: 25.11.2021).

— в сфере оказания услуг перевозки пассажиров автомобильным транспортом произошло уменьшение показателей на 39,4 % (перевезено 51,6 млн пассажиров), пассажирооборот в целом снизился на 43,2 %;

— оборот розничной торговли составил 144 247,1 млн руб. (–8,2 %);

— на 47,3 % снизилась эффективность работы многих предприятий².

Анализ представленных цифр свидетельствует о том, что по сравнению с иными субъектами Российской Федерации показатели экономического развития Республики Крым намного ниже. Названные факторы демонстрируют имеющуюся угрозу экономической безопасности региона и формируют благоприятную почву для существования теневой экономики.

В сферу теневой экономики более других вовлечена туристическая индустрия Республики Крым. Руководствуясь данными независимых исследований в названной области, 8 июля 2020 г. власти Крыма совместно с правительством России составили план по легализации деятельности гостиниц в теневом секторе. Для этого был определен ряд льгот, включая налоговые, предоставляемых предпринимателям, чтобы обеспечить процесс выхода гостиниц, которые оформлены как индивидуальное жилищное строительство, и их работников из «тени»³. Однако реализация плана не привела к ожидаемому результату, поскольку, кроме чисто экономических проблем, свое негативное влияние оказали и иные нерешенные вопросы. Так, за последнее время число преступлений в сфере экономики в Крыму выросло на 30 %. Сотрудниками органов внутренних дел было выявлено 514 тяжких и особо тяжких преступлений в сфере экономической деятельности, 264 из которых были совершены в крупном и особо крупном размерах, 190 преступлений — коррупционной направленности, 14 — в сфере налогообложения⁴.

² См.: Социально-экономическое положение Республики Крым в 2021 году. URL: <https://xn----ftbdbby1aamd0evc.xn--p1ai/novosti/ekonomika/soczialno-ekonomicheskoe-polozhenie-respubliki-kryim-2021-goda.html> (дата обращения: 25.11.2021).

³ См.: В Крыму разработали план по легализации теневого гостиничного сектора. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8914255> (дата обращения: 25.11.2021).

⁴ См.: Информационно-аналитическая справка о состоянии преступности и основных результатах оперативно-служебной деятельности МВД по Республике Крым в январе — декабре 2021 г. URL: https://82.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti/2020/ (дата обращения: 26.11.2021).

Высокий уровень экономической преступности в регионе негативно сказывается на степени экономической привлекательности Республики Крым в целом. Потенциальные инвесторы не решаются вкладывать собственные деньги в развитие инфраструктуры, так как периодически огласке предаются факты хищений государственных средств и случаи совершения коррупционных посягательств. Широкий общественный резонанс получили преступления, связанные со взяточничеством. Первым из них стало преступление, квалифицированное как вымогательство взятки, совершенное в сфере здравоохранения главным врачом Ленинской центральной районной больницы г. Симферополя. Он потребовал более 750 тыс. руб. за покровительство одной из частных фирм, которая взялась за реализацию государственного контракта в рамках проекта «Здоровье». Второе преступление коррупционной направленности было связано со строительством модульного детского сада в г. Евпатории. За покровительство в заключении договора субподряда замдиректора управления капстроительства администрации г. Симферополя вместе с коллегами требовал от предпринимателя денежные средства в крупном размере. Третье преступление коррупционной направленности было совершено служащими Госстройнадзора региона, вступившими в преступный сговор и требовавшими от предпринимателя 240 тыс. руб. каждые полгода на протяжении пяти лет за покровительство при строительстве одного из жилых комплексов в г. Евпатории¹. Перечисленные проблемы значительно ослабляют экономическую привлекательность региона, демонстрируют пораженность ключевых властных структур коррупцией, неспособность правоохранителей справиться с преступностью.

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

2. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4—13.

3. Концепция национальной безопасности России в 1995 г. // Обозреватель. Проблемы. Анализ. Прогнозы. 1995. № 3А (спецвыпуск).

¹ См.: Пять самых громких коррупционных скандалов в Крыму. URL: <https://crimea-news.com/incident/2021/12/26/742877.html> (дата обращения: 26.11.2021).

В целях изменения ситуации органами власти было принято решение о разработке и реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года [9]. Нейтрализовать существующие угрозы планируется путем повышения уровня безопасности, интенсификации экономического роста, эффективности производства, активного внедрения цифровых технологий, привлечения инвестиций. Для технологического прорыва требуется совершенствование науки и образования, формирование структуры высокопрофессиональных специалистов.

Таким образом, повышению уровня безопасности в Республике Крым будет способствовать постепенный вывод сфер экономической деятельности из теневого сектора. Для этого с правовой позиции потребуется актуализация законодательной базы, внедрение строгих антикоррупционных правил, создание эффективной системы статистического и бухгалтерского учета, изменение процедуры юридического оформления предпринимательской деятельности, внедрение комплекса мер по изобличению неофициальных мест размещения туристов (индивидуальных домовладений, оказывающих гостиничные услуги), декриминализация экономики в целом и т. д. [10, с. 12]. С экономической позиции необходимо развитие внутренней инфраструктуры региона, повышение конкурентоспособности Республики Крым по отношению к иным субъектам Федерации, привлечение российских и иностранных инвестиций, создание комфортных условий для предпринимательской деятельности.

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 208 on 13 May 2017. "On the Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030". Collection of legislation of the Russian Federation. 2017; No. 20; Art. 2902. (In Russ.).

2. Abalkin L. I. Economic security of Russia: threats and their reflection. *Voprosy ekonomiki*, 4—13, 1994. (In Russ.).

3. Concept of National Security of Russia in 1995. *Observer. Problems. Analysis. Forecasts*, 1995. (In Russ.).

4. Illarionov A. Criteria of Economic Security Level. *Voprosy ekonomiki*, 35—43, 1998. (In Russ.).

5. Golovko M. V. Shadow economy in the system of threats to national economic security: factors,

4. Илларионов А. Критерии уровня экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 35—43.

5. Головкин М. В. Теневая экономика в системе угроз национальной экономической безопасности: факторы, эволюция, направления противодействия: дис. ... д-ра экон. наук. Санкт-Петербург, 2020. 426 с.

6. Экономическая безопасность. Экономико-правовое обеспечение: учебник / А. С. Молчан, И. В. Петров, Е. В. Корольюк [и др.]. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 335 с.

7. Данилов Д. Б. Производство по делам об ответственности лиц за незаконное использование товарного знака по инициативе органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 239 с.

8. Срибный В. И. Обеспечение экономической безопасности Республики Крым: угрозы и контрмеры // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 1697—1710.

9. О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года: закон Республики Крым от 9 января 2017 г. № 352-ЗРК/2017 // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. 2017. № 1.

10. Петров И. В., Балабанов А. А. Актуальные проблемы влияния теневой экономики на экономическую безопасность Республики Крым и меры по противодействию // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 3 (49). С. 7—13.

Петров Игорь Валентинович,

профессор кафедры
экономической безопасности
Кубанского государственного
технологического университета,
доктор экономических наук, профессор;
p474@yandex.ru

Балабанов Андрей Александрович,

главный эксперт ЭКЦ МВД
по Республике Крым;
expert_7679@mail.ru

evolution, directions of counteraction. Dissertation of the doctor of economic sciences. Saint Petersburg; 2019: 426. (In Russ.).

6. Molchan A. S., Petrov I. V., Korolyuk E. V. et al. Economic security. Economic and legal support. Textbook. Moscow: UNITI-DANA; 2020: 335. (In Russ.).

7. Danilov D. B. Proceedings in cases of liability of persons for illegal use of a trademark on the initiative of internal affairs bodies. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Saratov; 2012: 239. (In Russ.).

8. Sribny V. I. Ensuring economic security of the Republic of Crimea: threats and countermeasures. Economic relations, 1697—1710, 2019. (In Russ.).

9. The Law of the Republic of Crimea No. 352-ZRKK/2017 on 9 January 2017. "On the strategy of socio-economic development of the Republic of Crimea until 2030". Vedomosti State Council of the Republic of Crimea. 2017; No. 1. (In Russ.).

10. Petrov I. V., Balabanov A. A. Actual problems of the influence of the shadow economy on the economic security of the Republic of Crimea and measures to counteract. Bulletin of the Krasnodar university of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 7—13, 2020. (In Russ.).

Petrov Igor Valentinovich,

professor at the economic security department
of Kuban State Technological University,
doctor of economic sciences, professor;
p474@yandex.ru

Balabanov Andrey Aleksandrovich,

chief expert of the Crimean
criminal investigation center
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia
for the Republic of Crimea;
p474@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.03.2022; одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 21.03.2022; approved after reviewing 31.03.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.8

doi: 10.25724/VAMVD.EEEE

**ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО НАДЗОРА
ЗА ОСУЖДЕННЫМИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ**

Владимир Анатольевич Поникаров

Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний, Рязань, Россия, Minrs@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению исходных правовых положений и этапов развития уголовно-исполнительного надзора за осужденными в исправительных колониях в советский и российский периоды. Важность и необходимость исследования уголовно-исполнительного надзора за осужденными обусловлены многими обстоятельствами. Во-первых, от его эффективности зависит успех в реализации исправительного процесса, осуществляемого в отношении осужденных к лишению свободы. Во-вторых, в его нормативном регулировании имеются значительные пробелы. В-третьих, до сих пор не разработаны многие теоретические вопросы его реализации. В-четвертых, практика его организации нуждается в совершенствовании.

В статье предпринята попытка комплексного анализа теоретического, правового и организационного аспектов уголовно-исполнительного надзора за осужденными в исправительной колонии; раскрыт понятийный аппарат уголовно-исполнительного надзора; рассмотрен круг вопросов на стыке с другими отраслями права, а также с педагогикой, психологией и иными науками, которые имеют большое значение для дальнейшего, более углубленного исследования проблем уголовно-исполнительного надзора за осужденными; даны некоторые прикладные рекомендации по организации уголовно-исполнительного надзора за осужденными в исправительной колонии.

Ключевые слова: правовая эволюция, уголовно-исполнительная система, надзор, осужденные, формирование, администрирование, исправительные колонии, лишение свободы

Для цитирования: Поникаров В. А. Правовая эволюция администрирования уголовно-исполнительного надзора за осужденными в исправительных колониях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 52—58. doi: 10.25724/VAMVD.EEEE

**LEGAL EVOLUTION OF ADMINISTRATION
OF THE CRIMINAL EXECUTIVE SUPERVISION
OF CONFIRMED IN CORRECTIONAL COLONIES**

Vladimir Anatolievich Ponikarov

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service,
Ryazan, Russia, Minrs@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the initial legal provisions and stages of development of the criminal executive supervision of those convicted in correctional colonies in the Soviet and Russian periods. The importance and the necessity to study the criminal executive supervision of convicts is due to many circumstances. Firstly, the success in the implementation of the correctional process carried out in relation to those sentenced to imprisonment depends on its effectiveness. Secondly, there are significant gaps in its regulation. Thirdly, many theoretical issues of its implementation have not yet been developed. Fourth, the practice of its organization needs to be improved.

The article attempted a comprehensive analysis of the theoretical, legal and organizational aspects of the criminal executive supervision of convicts in a correctional colony; a conceptual apparatus of penal supervision is disclosed; considered a range of issues at the intersection with other branches of law, as well as with pedagogy, psychology and other sciences, which are of great importance for further more in-depth research into the problems of criminal executive supervision of convicts; some applied recommendations on the organization of criminal executive supervision of convicts in a correctional colony are given.

Keywords: legal evolution, penal system, supervision, convicts, formation, administration, correctional colonies, deprivation of liberty

For citation: Ponikarov V. A. Legal evolution of administration of the criminal executive supervision of confirmed in correctional colonies. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 52—58, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.EEEE

Достижение цели исправления осужденных граждан в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы невозможно без эффективного надзора за ними. По поводу этапов становления и формирования надзора за осужденными в науке уголовно-исполнительного права ведутся оживленные дискуссии. Многие авторы в своих работах освещают лишь управленческий надзор за осужденными (см., например: [1]). Очень мало научных публикаций, раскрывающих содержание уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) надзора. Между тем одни ученые рассматривают надзор как меру пресечения [2, с. 116—149]. Вторые определяют его как элемент компетенции сотрудников органов внутренних дел, связанный с административным надзором за осужденными [3, с. 40—43]. Третьи характеризуют надзор не только как непосредственное предупреждение преступления в исправительной колонии (тюрьме), но и за ее пределами [4, с. 11—12]. Соответственно, можно сделать вывод о том, что, несмотря на большую теоретическую и практическую значимость, проблема реализации надзора за осужденными в науке уголовно-исполнительного права освещена недостаточно.

Уровень правовой регламентации уголовно-исполнительного надзора за осужденными фактически отражает исторический опыт его нормативного регулирования. История надзора за осужденными в местах лишения свободы в советский и российский периоды неразрывно связана с этапами становления уголовно-исполнительных правовых отношений, с теми важнейшими задачами, которые они были призваны решать. Правильно оценить роль и место уголовно-исполнительного надзора за осужденными в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы можно лишь с учетом той конкретной социальной, режимной обстановки, которая обусловила основные задачи исправительного учреждения. В этих отношениях уголовно-исполнительный надзор направлен на предупреждение преступлений в исправительных колониях [5, с. 70—71]. Тогда как после выхода осужденного на свободу за ним устанавливается уже административный надзор [6, с. 5].

Первые нормативные акты, регламентирующие уголовно-исполнительный надзор за осужденными в местах лишения свободы, носили общий характер и касались только отдельных вопросов его органи-

зации. Так, статьей декрета ВЦИК «О лагерях принудительных работ», опубликованной в газете «Известия» 15 апреля 1919 г., предусматривалось выделение в составе команды охраны специальных лиц для осуществления надзора за осужденными.

Перед ними ставились следующие задачи:

- надзор за соблюдением порядка заключенными;
- предупреждение нарушений дисциплины;
- наблюдение за посторонними лицами, приходящими в лагерь;
- обыск вновь принимаемых осужденных и возвращающихся с работы;
- контроль за прохождением свиданий осужденных;
- принятие передач.

Иных сведений о надзоре в данном декрете не содержалось.

В Положении об общих местах заключения Р.С.Ф.С.Р., утвержденном постановлением Народного комиссариата юстиции 15 ноября 1920 г., вопросам надзора за заключенными уже было посвящено несколько параграфов. Однако в нем довольно подробно был описан только организационный аспект уголовно-исполнительного надзора. После вступления в силу данного документа в структуре мест лишения свободы образовалась специальная служба надзора, которая подчинялась заведующему, его помощникам и заведующим отдельными отраслями. Были введены должности специальных наблюдателей (надзирателей), определены их функциональные обязанности.

Старшие наблюдатели (надзиратели), например, стали обязаны:

- надзирать за порядком, чистотой, соблюдением дисциплины, исполнением внутренних работ, состоянием зданий, обстановкой и инвентарем, состоянием мест заключения и их сохранностью;
- принимать необходимые меры предосторожности против побегов, пожаров и несчастных случаев;
- как можно чаще посещать заключенных, участвовать в производстве проверок, наблюдать за раздачей пищи и выпиской, руководить передвижением заключенных по территории места заключения;

— представлять заведующему местом заключения или его помощнику ежедневные рапорты по вверенной отрасли.

Младшие наблюдатели (надзиратели) стали обязаны:

— вести наблюдение за заключенными и за исполнением правил, касающихся поддержания дисциплины и чистоты в месте заключения;

— препятствовать недозволенному общению заключенных между собой и посторонними лицами;

— наблюдать, чтобы заключенные находились на своих местах, чтобы их одежда и белье были чистыми, постели были аккуратно сложены и прибраны, а камеры содержались в чистоте и полном порядке;

— присутствовать при раздаче белья и прочего имущества, убеждаться в его чистоте и целостности, осматривать как одежду, так и постельные принадлежности заключенных;

— руководить раздачей пищи, следить за исправным выполнением заключенными назначенных им трудовых работ, сопровождать заключенных, выводимых на свидание с родственниками;

— раз в день осматривать двери, решетки, вентиляционные приборы, водопроводы, чтобы убедиться в невозможности побега или нарушения безопасности мест заключения [7, с. 57].

Таким образом, вышеуказанное Положение значительно развило основные предписания декрета «О лагерях принудительных работ» в части, касающейся функциональных обязанностей лиц, осуществляющих надзор за осужденными, и их организационного построения. Функция надзора за осужденными наряду с созданием в структуре мест лишения свободы специального подразделения — службы надзора — получила свое материально-нормативное закрепление.

Характерно, что осуществление надзора за осужденными в местах лишения свободы для того периода было едва ли не основным средством обеспечения исполнения наказания и достижения поставленных перед местами лишения свободы задач. Первым нормативным актом, посвященным исключительно надзору за осужденными, стало Наставление по надзору за заключенными в исправительных лагерях и колониях НКВД от 2 августа 1939 г. (далее — Наставление). Этот документ в основном освещал только организационно-управленческий аспект рассматриваемой проблемы, описывая цели, задачи и функции надзора за осужденными. Так, в п. 1 Наставления указывалось, что организация службы надзора должна обеспечить создание условий для заключенных, исключая

возможность совершать преступления, способствовать исправлению и перевоспитанию осужденных на основе приобщения их к общественно полезному труду. В соответствии с поставленными целями перед лицами, осуществляющими надзор, были сформулированы задачи: изучать заключенных, знать их настроение, прививать им навыки рабочего крестьянского общежития и содействовать возвращению их к честной трудовой жизни. Основные обязанности надзирателей сводились к обеспечению твердого порядка; недопущению нарушений режима содержания и преступных проявлений среди заключенных, установления связи с посторонними лицами; проведению проверок, осмотру территории зоны и расположенных на ней помещений.

В послевоенный период осуществление надзора за заключенными возлагалось на конвойную охрану, в состав которой в 1954 г. была передана надзирательная служба [8, с. 229].

Анализ вышеизложенных этапов становления уголовно-исполнительного надзора показывает, что в качестве целевого назначения надзора за осужденными Наставление было направлено на обеспечение решения задачи предупреждения преступлений среди осужденных, а также их исправления и перевоспитания. В качестве предмета надзора Наставление указывало не только на негативное поведение осужденных, но и на всякое иное характеризующее их намерение настроение. Подчеркивалась воспитывающая роль надзора. Однако уяснить действительное содержание надзора за осужденными в местах лишения свободы исходя лишь из положений Наставления вряд ли возможно. Функциональные обязанности надзирателей не были тождественны содержанию надзора, и многие из них не выражали его специфику (например, «прививать заключенным навыки социалистического общежития», «содействовать их возвращению к честной трудовой жизни» и др.).

Иными нормативными актами периода действия Наставления, которые касались вопросов надзора за осужденными, были Положение об исправительно-трудовых колониях (далее — ИТК) и тюрьмах МВД СССР; Наставление по работе частей и служб ИТК и обязанностях должностных лиц; Инструкция по организации и осуществлению режима в ИТК МВД СССР. Предписания этих документов не всегда согласовывались между собой, вопросы надзора за осужденными рассматривались в разных плоскостях и с различных позиций, что весьма затрудняло уяснение сущности данного уголовно-исполнительного (исправительно-трудового) института.

Некоторые принципиальные положения, характеризующие институт надзора, содержались в различных источниках, посвященных самостоятельным проблемам исполнения наказания. Так, отдельно закреплялись требования осуществлять надзор не только силами надзирателей, но и составом конвоев, караулов, инженерно-технического персонала; цель надзора за осужденными кое-где ограничивалась предупреждением и пресечением с их стороны преступлений и нарушений режима содержания.

Впервые должное место надзору за осужденными в системе исполнения наказания в виде лишения свободы было отведено Инструкцией по организации и осуществлению надзора за заключенными в ИТК Министерства охраны общественного порядка (далее — МООП) РСФСР. Инструкция была введена в действие указанием МООП РСФСР № 140 от 20 мая 1964 г. В ней оговаривалось, что надзор за заключенными является составной частью режимных требований, направленных на исключение возможностей совершения заключенными новых преступлений и нарушений установленного порядка содержания. Кроме того, надзор стал осуществляться всеми работниками ИТК, специальными нарядами из числа контролеров, а также войсковыми нарядами конвойной охраны в районах учрежденных войсковых постов.

Основное содержание вышеуказанной Инструкции было посвящено вопросам организационно-управленческого порядка. Достаточно полно в ней регламентировалась служебная деятельность по надзору за осужденными заместителя начальника колонии по режиму и заместителя командира подразделения охраны и надзора, в функции которых входили подготовка плана надзора, а также лиц войскового наряда, контролеров; освещались отдельные тактические приемы проведения обысков и проверок.

В период действия этой Инструкции был издан ряд нормативных актов, направленных на повышение эффективности надзора за осужденными в целом. Однако их содержание не только не способствовало уяснению сущности надзора и его организационно-управленческих основ, но и вносило дополнительные сложности. Так, понятие «служба надзора» в одном документе рассматривалось в качестве характеристики надзорной деятельности, в другом — использовалось для обозначения специального структурного подразделения, имеющего задачей обеспечить организацию надзора за осужденными.

Принятые в 1969 г. Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных рес-

публик (далее — Основы) нормативно закрепили требования к режиму в пенитенциарных учреждениях. В статье 19 Основ было указано, что одним из основных требований к режиму в местах лишения свободы является надзор за осужденными. Главное содержание Основ составляли вопросы организационно-управленческого характера, в большинстве своем относящиеся к деятельности контролеров по надзору (ранее, в «старых» нормативных актах, были надзиратели) в строгом соответствии с занимаемой должностью, местом службы. Плюсом Основ стало то, что в общесоюзном нормативном акте были прописаны некоторые основания и порядок применения контролерами наручников и смиренной рубашки, а также иные служебные обязанности. Многие положения Основ касались ключевых вопросов, таких как определение места и роли надзора в системе исполнения наказания в виде лишения свободы. Среди средств исправления и перевоспитания осужденных первостепенную позицию занимала политико-воспитательная работа. С точки зрения ее форм она включала в себя:

1) индивидуальную и воспитательную работу, проводимую на основе изучения личности каждого осужденного (например, с учетом совершенного им преступления, возраста, образования, профессии и других особенностей личности);

2) агитационную, пропагандистскую и культурно-массовую работу;

3) правовые основы воспитания (формирование у осужденных правосознания);

4) трудовое соревнование (в советское время осужденные на производстве выполняли все виды работ — от простых до самых сложных).

В настоящее время проблема реализации уголовно-исполнительного надзора за осужденными охватывает широкий круг вопросов правового, организационного, педагогического, технического и иного характера. Их можно условно объединить в следующие группы:

1) социальные основы надзора за осужденными;

2) организационно-управленческие основы, связанные с надзором за осужденными;

3) юридические (правовые) основы надзора за осужденными.

Все эти группы вопросов непосредственно связаны с функционированием механизма непосредственного влияния уголовно-исполнительного надзора за осужденными на решение задачи приватной превенции, которая представляет особый интерес для исследования. Предупреждение совершения новых преступлений (приватная превенция) со стороны лиц, отбывающих наказание, является результатом

суммированного воздействия на поведение осужденных всех элементов карательно-воспитательного процесса. Значительная роль в решении задачи приватной превенции принадлежит целенаправленной профилактической работе.

Основная (всеобщая) причина совершения осужденными новых преступлений в исправительной колонии (далее — ИК) — наличие в их сознании устойчивых антиобщественных воззрений, убеждений и обычаев. Существенное влияние на состояние, динамику и структуру преступности среди осужденных оказывает качественный состав лиц, отбывающих наказание в ИК. Преобладание в ИК осужденных со стойкой антиобщественной направленностью создает наиболее криминогенную среду со всеми соответствующими результатами профилактической работы [9, с. 14]. Именно преобладание индивидуального фактора в детерминации преступного поведения осужденных в ИК требует целенаправленного профилактического воздействия на конкретных осужденных. Поэтому основным содержанием функции предупреждения преступности с их стороны должна быть специальная целенаправленная деятельность индивидуально-профилактического характера.

В содержание индивидуально-профилактической работы входит:

- 1) выявление индивидуальных криминогенных наклонностей у осужденных и причин, которые могут повлиять на их реализацию;
- 2) изучение связей таких осужденных и окружающих условий;
- 3) создание условий, исключающих реализацию конкретных преступных намерений;
- 4) устранение источников вредного влияния;
- 5) воспитательное воздействие на личность осужденного с целью перековки его внутреннего преступного убеждения;
- 6) контроль за поведением осужденных, периодическая проверка результатов принимаемых профилактических мер.

Выявление индивидуальных криминогенных наклонностей у осужденных и причин, которые влияют на их реализацию в условиях ИК, обеспечивается посредством и в результате различной деятельности по исполнению наказания. В одних случаях это следствие специальных мероприятий, направленных на выявление криминогенных факторов, в других — результат качественно иных мероприятий, имеющих другое назначение. По сравнению с альтернативными источниками информации, направленной на изучение осужденных, их связей и окружающих условий, надзор дает возможность визу-

ально проконтролировать эти связи и условия, лично убедиться в их влиянии на осужденного. В осуществлении надзора участвуют различные категории сотрудников колонии, что само по себе гарантирует не только значительный объем информации, но и ее многоплановость.

В процессе управления уголовно-исполнительным надзором за осужденными может возникнуть целый ряд самостоятельных проблем технического порядка, связанных с оперативной передачей команд в соответствии с происходящими изменениями в обстановке, стилизацией и формализацией учетов информации, ее передачей и кодированием, использованием средств надзора. Каждая из проблем нуждается в самостоятельном научном и практическом разрешении. Однако трудности такого порядка не влекут серьезных препятствий в управлении системой надзора по рассматриваемой схеме. Повышение эффективности надзора в обеспечении режима отбывания наказания осужденными и осуществлении воспитательного процесса в целом, на наш взгляд, требует совершенствования управления, в частности, улучшения согласованности между управляющей и управляемой системами. Такое взаимодействие должно выражаться в регулярном обмене информацией:

- 1) о состоянии, изменениях в оперативно-служебной обстановке;
- 2) об объеме выполняемых задач и их результатах;
- 3) о совместной разработке вопросов организации надзора;
- 4) о выполнении установленных объемов службы нарядами контролеров (автор полагает, что это неправильное название: их надо называть надзирателями, как в советский период);
- 5) о создании необходимых условий по осуществлению надзора;
- 6) о повышении качества обучения личного состава в период несения службы;
- 7) о разработке мероприятий по предупреждению правонарушений, укреплению режима и дисциплины среди осужденных;
- 8) об осуществлении совместных действий сотрудниками ИК и личным составом полиции (в случае осложнения обстановки или возникновения эксцессов среди осужденных).

Согласованность действий обязана быть особенно четкой в осуществлении надежной охраны объектов надзора, увеличении изоляции осужденных при введении технических средств охраны, которые являются элементом надзора. В целях надлежащего обеспечения уголовно-исполнительного

надзора за осужденными предлагаем рассмотреть вопрос о возвращении к военной охране учреждений уголовно-исполнительной системы (например, военнослужащими Федеральной службы войск национальной гвардии): в советский период колонии охраняли внутренние войска, причем взаимодействием между администрацией колонии и их командованием было на самом высоком уровне.

Дальнейшее реформирование уголовно-исполнительного надзора за осужденными должно осуществляться с четкой опорой на мнение экспертов – практических сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). В этих целях нами проведено интервьюирование, содержание которого было направлено на выяснение взглядов экспертов на вопросы повышения эффективности и совершенствования надзора за осужденными (опросом охвачено 187 практических сотрудников УИС из различных подразделений последней). Большинство респондентов высказали мнение о том, что за нарушение требований уголовно-исполнительного надзора к осужденным необходимо применять не дисциплинарные меры ответственности (как сейчас), а меры уголовной ответственности, соответствующие нормы о которой следует как можно скорее внедрить в Уголовный кодекс Российской Федерации (например, за нарушение надзора содержания со стороны осужденных), причем важно предусмот-

реть максимально строгое уголовное наказание. Респонденты в своих ответах также отметили, что постоянное воздействие на осужденных должно практически исключать:

- 1) самовольное оставление ими рабочих мест (например, в производственной зоне);
- 2) небрежное отношение к труду;
- 3) нарушение правил техники безопасности;
- 4) нарушение правил пожарного надзора;
- 5) распитие спиртного.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что, несмотря на некоторые разногласия, в советский период на законодательном и исполнительном уровнях удалось выстроить четко продуманную систему предупреждения совершения преступлений, которой было посвящено большое количество научных произведений (см.: [10, с. 111]). В российский период развития уголовно-исполнительного надзора за осужденными по многим позициям прослеживается преемственность советского этапа: при обеспечении политико-воспитательной работы и общественного труда; реализации механизма обеспечения надзорных и иных средств исправления и перевоспитания осужденных. Успех продолжения работы по модернизации уголовно-исполнительного надзора за осужденными зависит от учета ошибок прошлого и внимания к современным проблемам, возникающим в этой сфере деятельности.

---

1. Архипов Д. Н., Гришин Д. А., Поникаров В. А. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, осуществляемый полицией и учреждениями пенитенциарной системы России: монография. Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России, 2011. 118 с.

2. Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь: [Б. и.], 1969. 344 с.

3. Векленко В. В., Бекетов О. И. Административный надзор милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: аргументы в пользу восстановления // Полицейское право. 2006. № 1. С. 40–43.

4. Гуськов В. И., Иванов А. П. Роль административного надзора в профилактике рецидива преступлений: учеб. пособие. Рязань: РВШ МВД СССР, 1982. 72 с.

5. Каретников И. В. Предупреждение преступлений в ИТК. Москва: ВНИИ МВД СССР, 1987. 266 с.

6. Перец В. И. Правовые и организационные проблемы осуществления милицией гласного

---

1. Arkhipov D. N., Grishin D. A., Ponikarov V. A. Administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty, carried out by the police and institutions of the penitentiary system of Russia. Monograph. Ryazan: Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2011: 118. (In Russ.).

2. Bakhrakh D. N. Soviet legislation on administrative responsibility. Perm; 1969: 344. (In Russ.).

3. Veklenko V. V., Beketov O. I. Administrative supervision of the police over persons released from places of deprivation of liberty: arguments in favor of restoration. Police law, 40—43, 2006. (In Russ.).

4. Guskov V. I., Ivanov A. P. The role of administrative supervision in the prevention of recidivism. Textbook. Ryazan: RVSh of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1982: 72. (In Russ.).

5. Karetnikov I. V. Crime prevention in ITC. Moscow: VNII of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1987: 266. (In Russ.).

6. Perets V. I. Legal and organizational problems of the implementation of public administrative supervision by the police. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 1980: 12. (In Russ.).

административного надзора: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Москва, 1980. 12 с.

7. Поникаров В. А. Административные и иные меры профилактики гомосексуального поведения осужденных в ИТУ // Организационные и иные социальные механизмы исполнения уголовных наказаний в современных условиях: сб. науч. тр. Рязань: Институт права и экономики МВД России, 1995.

8. Стрючков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1970. 271 с.

9. Игошев К. Е., Шмаров И. В. Социально-воспитательные аспекты предупреждения правонарушений. Проблема социального контроля. Москва: Юрид. лит., 1980. 176 с.

10. Сундуков Ф. Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности: монография. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1980. 216 с.

Поникаров Владимир Анатольевич,
профессор кафедры административного
и финансового права
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний,
доктор юридических наук, доцент;
Minrs@yandex.ru

7. Ponikarov V. A. Administrative and other measures for the prevention of homosexual behavior of convicts in ITU. In: Organizational and other social mechanisms for the execution of criminal penalties in modern conditions. Collection of scientific papers. Ryazan: Institute of Law and Economics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 1995. (In Russ.).

8. Stryuchkov N. A. Soviet corrective labor policy and its role in the fight against crime. Saratov: Saratov University Publishing; 1970: 271. (In Russ.).

9. Igoshev K. E., Shmarov I. V. Socio-educational aspects of crime prevention. The issues of social control. Moscow: Juridical literature; 1980: 176. (In Russ.).

10. Sundukov F. R. Deprivation of liberty and the socio-psychological conditions of its efficiency. Monograph. Kazan: Kazan University Publishing; 1980: 216. (In Russ.).

Ponikarov Vladimir Anatolievich,
professor at the department of administrative
and financial law
of Academy of Law and Management
of the Federal Penitentiary Service,
doctor of juridical sciences, docent;
Minrs@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.03.2022; одобрена после рецензирования 01.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 18.03.2022; approved after reviewing 01.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.91

doi: 10.25724/VAMVD.FFFF

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ,
СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Жанна Игоревна Рыбокитова

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия
misshurova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию криминологической характеристики личности студентов образовательных организаций, совершивших преступления. Целью работы является восполнение пробелов в области криминологических знаний о состоянии, особенностях и тенденциях преступности среди названной категории лиц. Автор на основе анализа и обобщения данных официальной статистики, представленных Министерством внутренних дел Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, а также публикаций и иных материалов, размещенных в открытом доступе, попытался сформулировать научно обоснованный вывод о криминологическом портрете современного российского студента, совершающего преступные посяательства.

В контексте рассматриваемой категории преступников отмечены характеристики структуры личности студента образовательных организаций в совокупности взаимосвязанных признаков (элементов). Исследование базируется на детальном изучении биофизиологических, социально-демографических, нравственно-психологических и уголовно-правовых признаков, составляющих структуру личности. В завершение сформулирован вывод о типичных особенностях личности потенциального студента-преступника, обучающегося в образовательных организациях среднего профессионального и высшего образования, руководствуясь которыми, субъекты профилактики могут повысить эффективность своей деятельности.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, личность студента, совершившего преступление, личность преступника, структура личности преступника, признаки (элементы) структуры личности, биофизиологические признаки, социально-демографические признаки, уголовно-правовые признаки, нравственно-психологические признаки, профилактика, предупреждение, преступность среди молодежи

Для цитирования: Рыбокитова Ж. И. Криминологическая характеристика личности студентов образовательных организаций, совершивших преступления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 59—66. doi: 10.25724/VAMVD.FFFF

**CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS
IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS COMMITTED CRIMES**

Zhanna Igorevna Rybokitova

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia
misshurova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the criminological characteristics of the personality of students of educational organizations who have committed crimes. The purpose of this article is to fill some of the research gaps in the field of criminological knowledge about crime among students of educational organizations. Based on the analysis of official statistics data presented by the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, the General Prosecutor's Office of Russian Federation, the Ministry of science and higher education of Russian Federation, as well as publications and other materials posted in the public domain, tried to formulate a scientific substantiated criminological portrait of a modern student committing criminal offence.

In the context of the considered category of criminals, the characteristics of the personality structure of a student of educational organizations in the aggregate from interrelated features (elements) are noted. Research is based

on analytical material that reveals the biophysiological, socio-demographic, moral-psychological and criminal law features that make up the structure of a criminogenic personality. In conclusion, specific features of the personality of a criminal student studying in educational institutions of secondary and higher education are proposed, with the help of which the subjects of prevention can be guided in counteracting crimes committed by this category of persons.

Keywords: criminological characteristic, the identity of the student who committed the crime, the identity of the offender, the structure of the personality of the offender, the signs (elements) of the personality structure, biophysiological signs, socio-demographic signs, criminal law signs, moral and psychological signs, prevention, youth crime

For citation: Rybokitova Zh. I. Criminological characteristics of students in educational organizations committed crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 59—66, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.FFFF

Исследование личности преступника традиционно является одной из центральных проблем отечественной криминологической науки. Ее разработка имеет большое теоретическое и практическое значение, так как на основе подробного изучения криминогенной характеристики личности можно сделать вывод о специфике различных факторов, оказывающих негативное воздействие и обуславливающих выбор преступного образа жизни в той или иной ситуации. Несмотря на важность данной категории, в криминологии до сих пор нет единого подхода к определению личности преступника. По мнению А. В. Кудрявцева и А. Е. Михайлова, это «абстрактное понятие, выражающееся в совокупности негативных качеств и свойств личности, которые при взаимодействии с негативными факторами окружающей среды приводят к совершению преступления» [1, с. 116].

Применительно к личности преступника, являющегося студентом образовательной организации, наиболее предпочтительной является дефиниция, сформулированная Е. Б. Кургузкиной: «Личность преступника — это динамическое состояние лица, определяемое совокупностью различных негативных факторов, внешних и внутренних, социальных, биологических, психологических, представляющее собой идеальную модель, отличающуюся от других людей такими особенностями, как отчуждение от нормальных связей, отношений, ценностей, более низкий уровень образования и культуры, более низкая нравственность, выражающаяся в признании возможности использования криминальных средств достижения цели, а также сочетание таких психологических черт, как гипертрофированная импульсивность, ригидность, тревожность, паранойяльность» [2, с. 24].

Отметим, что подавляющее большинство криминологов в структуре личности преступника выделяют биофизиологические, социально-демографические (социально-ролевые), нравственно-психологические и уголовно-правовые признаки [1, с. 118; 3, с. 5; 4, с. 174]. Структура личности студента, совершившего преступление, включает в себя совокупность перечисленных свойств и качеств, которые харак-

теризуют и детерминируют его преступное поведение. Их анализ необходим для разработки современных профилактических мер. Рассмотрим их подробнее.

Биофизиологические признаки структуры личности студентов образовательных организаций обусловлены состоянием здоровья, физической конституцией, особенностями нервной системы и т. д. [5, с. 28]. В основном они определяются генетической и врожденной предрасположенностью, но в отдельных случаях подвергаются изменению в зависимости от условий жизнедеятельности и ближайшего окружения.

Согласно приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации «О порядке проведения профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования в целях раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ» от 6 октября 2014 г. № 581н состояние здоровья студентов отслеживается периодическими медицинскими осмотрами [6], которые, как правило, помогают предотвратить возникновение инфекционных заболеваний, психических отклонений, а также алкогольной и наркотической зависимости.

Социально-демографические признаки. Сравнительный анализ в контексте целей и задач исследования необходимо проводить по наиболее значимым элементам, составляющим социально-демографические характеристики личности обучающихся (пол, возраст, образование, гражданство, род занятий).

1. Пол. Для изучения этого социально-демографического признака студентов, совершивших преступления, рассмотрим данные официальной статистики (табл. 1)¹.

¹ См.: Официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2022).

Таблица 1

Сведения о выявленных студентах, совершивших преступление, по половому признаку за период с 2016 по 2020 г. в России

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Общее количество выявленных студентов, совершивших преступления	49 971	45 504	44 430	40 910	34 773
Темп роста, %	-10,7	-8,9	-2,3	-7,9	-15,0
Удельный вес в общем числе лиц, %	5,2	4,9	4,7	4,8	4,6
Среди которых:					
<i>мужского пола</i>	43 690	40 639	39 651	36 425	31 247
темп роста, %	-10,1	-6,9	-2,4	-8,1	-14,2
удельный вес в общем числе лиц, %	87,4	89,3	89,2	89,0	89,8
<i>женского пола</i>	6 281	4 865	4 779	4 485	3 526
темп роста, %	-14,5	-22,5	-1,7	-6,1	-21,3
удельный вес в общем числе лиц, %	12,5	10,6	10,7	10,9	10,1

Исходя из данных таблицы 1, становится очевидным, что с 2016 по 2020 г. в подавляющем большинстве случаев преступления совершали мужчины (максимальное значение удельного веса 89,8 % зафиксировано в 2020 г., в среднем значении 88,9 %), женщины отличаются меньшей криминальной активностью, их доля за исследуемый период не превысила порогового значения 12,5 %, которое было отмечено в 2020 г., в среднем выражении за рассматриваемый период — 11 %. Такое соотношение между мужчинами и женщинами свидетельствует прежде всего о специфике влияния исполняемых ими социальных ролей, психофизиологических различиях, определяющих мотивацию преступного поведения, а также о наличии у женщин в большей степени, чем у мужчин, обостренного чувства вины и ответственности (в научных исследованиях уже с начала XIX в. прямо указывается, что лица женского пола менее склонны к выбору преступного пути, чем мужчины [7, с. 160—161]).

2. Возраст. Криминально активный возраст студентов оказывает непосредственное влияние на характер формирования преступной деятельности и возможности последующего рецидива. Для того чтобы понять, в каком возрасте студенты наиболее подвержены криминогенному воздействию, вновь обратимся к статистике (табл. 2)¹.

Из таблицы 2 видно, что общее количество выявленных лиц, совершивших преступления, составляет: в возрасте 14—15 лет в среднем значении за данный период 1,4 %, в возрасте 16—17 лет — 2,8 %, в возрасте 18—24 лет — 16,1 %. Приведенные показатели наглядно демонстрируют степень повышенной общественной опасности возрастной группы 18—24 лет (возраст наиболее социально активной части населения — молодежи), куда входят студенты образовательных организаций высшего образования. Это вполне объяснимо: характерными причинами совершения преступлений в студенческой среде являются главным образом финансовая ущемленность, употребление алкоголя и наркотиков, вступление во взрослую жизнь, подверженность чужому влиянию, что закладывает признаки антиобщественного и асоциального поведения в личности студента [8, с. 196].

3. Уровень образования предопределяет направление криминогенной деятельности личности преступника на основе степени интеллектуального развития, трудовой деятельности, сферы интересов и круга общения (табл. 3)².

¹ См.: Состояние преступности за 2016—2020 гг. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 12.01.2022).

² См.: Состояние преступности за 2016—2020 гг. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 12.01.2022).

Таблица 2

Сведения о выявленных лицах, совершивших преступление, по возрастному признаку за период с 2016 по 2020 г. в России

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Общее количество выявленных лиц, совершивших преступления	1 015 875	967 103	931 107	884 661	852 506
Темп роста, %	-5,5	-4,8	-3,7	-5,0	-3,6
Среди которых совершили преступление в возрасте:					
<i>14—15 лет</i>	15 604	14 883	14 848	13 794	11 355
темп роста, %	-9,4	-4,6	-0,2	-7,1	-17,6
удельный вес в общем числе лиц, %	1,5	1,5	1,6	1,5	1,3
<i>16—17 лет</i>	32 985	27 621	26 012	24 159	22 220
темп роста, %	-14,9	-23,2	-5,8	-7,1	-8,0
удельный вес в общем числе лиц, %	3,2	2,8	2,8	2,7	2,6
<i>18—24 года</i>	182 448	161 683	147 540	134 675	126 196
темп роста, %	-10,4	-11,3	-8,7	-8,7	-6,3
удельный вес в общем числе лиц, %	17,9	16,7	15,8	15,2	14,8

Таблица 3

Сведения о выявленных лицах, совершивших преступления, по уровню образования за период с 2016 по 2020 г. в России

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Общее количество выявленных лиц, совершивших преступления	1 015 875	967 103	931 107	884 661	852 506
Темп роста, %	-5,5	-4,8	-3,7	-5,0	-3,6
Среди которых лица, имеющие образование:					
<i>высшее профессиональное</i>	89 164	87 707	88 833	88 136	87 877
темп роста, %	-0,3	-1,6	+1,2	-0,7	-0,3
удельный вес в общем числе лиц, %	8,7	9,0	9,5	9,9	10,3
<i>среднее профессиональное</i>	308 542	306 107	300 932	291 731	288 964
темп роста, %	-1,7	-0,8	-1,7	-3,0	-0,9
удельный вес в общем числе лиц, %	30,4	31,6	32,4	33,0	33,9
<i>начальное и основное общее</i>	212 845	198 801	189 696	178 831	167 774
темп роста, %	-8,8	-6,6	-4,6	-4,2	-6,2
удельный вес в общем числе лиц, %	20,9	20,5	20,3	20,2	19,7

Исходя из данных таблицы 3, можно сделать вывод о том, что за анализируемый период удельный вес лиц, совершивших преступления, с высшим образованием составляет 9,4 %, со средним профессиональным образованием — 32,2 %, с начальным и основным общим образованием — 20,3 %. Таким образом, лица в возрасте 18—24 лет на момент совершения преступления в большинстве

случаев имели среднее профессиональное образование. Для них характерно совершение краж, грабежей, убийств, насильственных действий и иных видов противоправных деяний, составляющих общеуголовную преступность, в связи с недостаточным уровнем образования у них отсутствуют специальные знания или профессиональные навыки для совершения более сложных преступлений

[9, с. 22]. Таким лицам свойственны «общие» мотивы и побуждения, часто подталкивающие их к совершению преступления (корысть, месть, зависть). Отметим, что для лиц, имеющих высшее образование, характерны и «особые» мотивы и побуждения (например, личное самоутверждение, желание быть лучше в студенческой среде или получить признание «как состоявшегося» в определенных профессиональных криминальных кругах со стороны лиц, более опытных и старших, банальный карьеризм), которые предопределяют совершение ими сравнительно специфичных преступлений (коррупционных, экономических, финансовых и иных преступлений с высоким уровнем латентности, тщательно скрывааемых и требующих от преступника использования больших интеллектуальных резервов для длительной подготовки и самого совершения) [10, с. 57].

4. Гражданство. Некоторые исследователи выделяют студентов из общей массы преступников, поскольку данной категории лиц присуща особенность беспрепятственно передвигаться в целях получения образования как на территории одной страны, так и по всему миру [11, с. 112]. Но согласно данным Главного информационно-аналитического центра МВД России ежегодно не менее 90 % студентов, совершивших преступления, являются гражданами Российской Федерации¹.

5. Род занятий. Многие специалисты отмечают, что подавляющее большинство студентов образовательных организаций среднего и высшего образования не имеют постоянного источника доходов, стипендии и иных социальных выплат [12, с. 179]. Данный факт свидетельствует о невозможности законным путем удовлетворить свои материальные потребности и нужды в условиях интенсивного образовательного процесса (постоянной занятости), что часто подталкивает их к выбору альтернативных способов «зарабатывания денежных средств на жизнь». В. А. Лелеков пишет: «Жертвуя успеваемостью, многие студенты вынуждены подрабатывать и искать иные, нередко криминальные, способы получения дохода» [13, с. 291].

Уголовно-правовые признаки. Среди уголовно-правовых признаков рассмотрим определяющий критерий — вопрос о судимости (табл. 4)².

¹ См.: Состояние преступности за 2016—2020 гг. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 12.01.2022).

² См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016—2020 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.01.2022).

Проведенное исследование свидетельствует о том, что удельный вес осужденных студентов, совершивших преступления с 2016 по 2020 г., составляет в среднем 3,1 %, что является одним из наиболее низких показателей криминальной активности среди всех осужденных лиц. Вместе с тем настораживает тот факт, что мы наблюдаем крайне высокие показатели удельного веса несовершеннолетних осужденных среди всех студентов — в среднем значении 70,2 %. Наличие практики применения к данной возрастной категории принудительных мер воспитательного воздействия подтверждает ранее озвученный тезис о сравнительно высокой степени общественной опасности их деяний и повышенной криминальной активности несовершеннолетних студентов.

Нравственно-психологические признаки играют большую роль в оценке мотивации преступного поведения. Решение совершить преступление в сознании молодого человека основывается на искаженных представлениях об общественных ценностях и нравственных установках. По мнению ряда исследователей, в число негативных нравственно-психологических характеристик студентов, влияющих на совершение преступлений, входят: игнорирование общественных ценностей, неприятие законодательства, корысть, зависть, внушаемость, лживость, приверженность к идеалам криминальной субкультуры, легкомысленное отношение к последствиям своих поступков, безжалостность, бездуховность, чувство собственной безнаказанности, пристрастие к развлечениям, алкоголю и наркотикам [14, с. 74]. Здесь следует согласиться с высказыванием Н. А. Корниенко: «Безнравственным людям нарушение нравственных законов облегчает жизнь» [15, с. 120].

В некоторой степени дать оценку состоянию нравственности у лиц, совершивших преступления, можно на основе анализа данных официальной уголовно-правовой статистики. Так, в 2020 г. 33,8 % лиц, совершивших преступления, находились в состоянии алкогольного и 0,8 % — в состоянии наркотического опьянения³. С учетом того что более 20 % из них составляют лица в возрасте от 18—24 лет (соответствует периоду обучения в образовательных организациях высшего образования), приведенные показатели продолжают вызывать серьезные опасения у ученых и практиков, несмотря на огромные усилия общества и госу-

³ См.: Официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2022).

дарства и позитивные результаты, достигнутые Россией в антиалкогольной и антинаркотической

профилактике среди российских подростков и молодежи в целом.

Таблица 4

Сведения об осужденных лицах в России за период с 2016 по 2020 г.

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Общее количество осужденных лиц, совершивших преступление	772 920	697 054	658 291	598 214	530 998
Темп роста, %	—	–9,8	–5,5	–9,1	–11,2
Среди которых:					
<i>количество осужденных студентов</i>	25 979	22 871	21 011	18 350	14 913
темп роста, %	—	–11,9	–27,2	–12,6	–18,7
удельный вес в общем числе лиц, %	3,3	3,2	3,2	3,1	2,8
<i>количество осужденных несовершеннолетних студентов</i>	25 961	14 141	12 893	11 559	9 736
темп роста, %	—	–45,5	–8,8	–10,3	–15,7
удельный вес в общем числе лиц, %	3,3	2,0	1,9	1,9	1,8

Таким образом, проведенный анализ личности студента, совершившего преступление, позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Биофизиологические признаки студентов различных образовательных организаций свидетельствуют о них как о преимущественно физически и психически здоровых личностях, без видимых признаков заболеваний, расстройств либо отклонений от установленной медицинской нормы (практика показывает, что для многих преступников более старшего возраста, прежде всего совершающих насильственные и насильственно-корыстные посяательства, и тех, кто вообще не обучается, такие психофизиологические «отклонения» весьма распространены).

2. Социально-демографические признаки личности студента, совершившего преступление, показывают, что это преимущественно лицо мужского пола в возрасте 18—24 лет, имеющее среднее профессиональное образование, с финансовыми трудностями, как правило, без постоянного источника дохода, являющееся в подавляющем большинстве случаев гражданином Российской Федерации.

3. Уголовно-правовая характеристика говорит о том, что среди всех осужденных студентов основную долю составляют именно несовершеннолетние лица (ежегодно около 70 %). Это студенты всех курсов образовательных организаций среднего профессионального образования и первого курса образовательных организаций высшего образования, которые во многих случаях поддерживают

контакт между собой после совместного обучения в общеобразовательной организации (соответственно, первые окончили обучение после 9 класса, вторые — после 11 класса) и, как правило, проводят совместный досуг по месту жительства. Данный факт подтверждает наличие тенденции к повышению общественной опасности и криминальной активности «молодых» преступников. На первокурсников, которые часто теряют устойчивую связь с родственниками и контроль со стороны родителей (особенно характерно для студентов, обучающихся в другом регионе), попадают в новую социальную среду (студенческий коллектив), необходимо обратить особое внимание (эта категория наиболее виктимна и рискует быть вовлеченной в групповое преступление).

4. Нравственно-психологические признаки студентов образовательных организаций, которые совершают преступления, включают: игнорирование общественных ценностей, непринятие законодательства, корысть, зависть, лживость, внушаемость, приверженность к идеалам криминальной субкультуры, легкомысленное отношение к последствиям своих поступков, безжалостность, бездуховность, чувство собственной безнаказанности, пристрастие к развлечениям, алкоголю и наркотикам. Грамотно организованная непрерывная медико-социальная и психологическая диагностика студенческого микроклимата в конкретной образовательной среде позволит своевременно выявлять такие «типичные» признаки в поведении обучающихся для проведения с ними комплекса общих и индивиду-

дуальных профилактических мероприятий с привлечением в ряде случаев представителей системы профилактики (медицинских работников, сотрудников правоохранительных органов, судов, представителей органов по делам молодежи, религиозных и иных общественных организаций и объединений). От администрации образовательной организации во многом зависят качество и результативность обратной связи со всеми субъектами профилактики преступности среди студентов, поскольку она имеет реальную возможность постоянного наблюдения за поведением и связями студентов в процессе обучения.

1. Кудрявцев В. Н., Михайлов А. Е. Криминология: учебник. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. 220 с.

2. Кургузкина Е. Б. Учение о личности преступника: моногр. Москва: ВНИИ МВД России, 2002. 212 с.

3. Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. Москва: Госюриздат, 1961. 279 с.

4. Лунеев В. В. Криминология: учебник. Москва: Юрайт, 2019. 686 с.

5. Лотова Н. К., Андросова М. И., Сергеева К. К. Психологические особенности личности студента вуза // Проблемы современного педагогического образования, 2021. № 70-3. С. 27—31.

6. О Порядке проведения профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования в целях раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ: приказ Министерства здравоохранения РФ от 6 октября 2014 г. № 581н (ред. от 19.11.2020) // Рос. газ. 2014. № 298.

7. Антонян Ю. М. Мотивация преступного поведения: моногр. Москва: Юрлитинформ, 2018. 373 с.

8. Польшиков А. В. Оценка уровня распространенности девиантного поведения среди несовершеннолетних — учащихся общеобразовательных организаций // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2021. № 1. С. 191—199.

9. Буслов М. М. Криминологическая оценка и предупреждение краж и грабежей, совершаемых молодежью: моногр. Москва: Юрлитинформ, 2020. 184 с.

10. Кравцов И. А. О некоторых социально-экономических и правовых мерах общесоциального предупреждения дачи и получения взятки в Рос-

Выявленные признаки личности студентов различных образовательных организаций, совершивших преступления, могут позволить правоохранительным органам совместно с педагогическими работниками, представителями общественности и иными заинтересованными субъектами системы профилактики более эффективно противодействовать совершению преступлений, определить приоритеты, цели и задачи предупредительной деятельности прежде всего на ранних этапах и с учетом специфики образовательной организации.

1. Kudryavtsev V. N., Mikhailov A. E. Criminology. Textbook. Vladimir: Vladimir branch of the RANEP; 2020: 220. (In Russ.).

2. Kurguzkina E. B. The doctrine of the identity of the offender. Monograph. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2002: 212. (In Russ.).

3. Sakharov A. B. On the identity of the criminal and the causes of crime in the USSR. Moscow: Gosjurizdat; 1961: 279. (In Russ.).

4. Luneev V. V. Criminology. Textbook. Moscow: Yurayt; 2019: 686. (In Russ.).

5. Lotova N. K., Androsova M. I., Sergeeva K. K. Psychological characteristics of the personality of a university student. Problems of modern pedagogical education, 27—31, 2021. (In Russ.).

6. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated No. 581n on 6 October 2014 (revised on 19 November 2020). "On the procedure for conducting preventive medical examinations of students in general educational organizations and professional educational organizations, as well as educational organizations of higher education for the purpose of early detection of illegal consumption of narcotic drugs and psychotropic substances". Rossiyskaya Gazeta, 2014. (In Russ.).

7. Antonyan Yu. M. Motivation of criminal behavior. Monograph. Moscow: YurLitinform; 2018: 373. (In Russ.).

8. Polshikov A. V. Evaluation of the level of prevalence of deviant behavior among juvenile students of educational institutions. Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 191—199, 2021. (In Russ.).

9. Buslov M. M. Criminological assessment and prevention of thefts and robberies committed by youth. Monograph. Moscow: YurLitinform; 2020: 184. (In Russ.).

10. Kravtsov I. A. On some socio-economic and legal measures of general social prevention of giving

сии // Современное общество глазами специалистов: сб. науч. тр. Воронеж: Центр научно-технической информации, 2019. С. 56—58.

11. Лелеков В. А., Кошелева Е. В. Ювенальная криминология: учебник. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 343 с.

12. Матюшина Ю. Б., Петров Д. С., Петрова В. Д. Доходы в бюджете современного российского студента // Социология. 2020. № 1. С. 173—185.

13. Лелеков В. А., Морозов Д. В. Состояние и причины женской преступности в России // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2020. № 4. С. 158—163.

14. Гармышев Я. В., Корягина С. А., Лавыгина И. В. Нравственно-психологическая характеристика личности преступника // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9, № 4. С. 19.

15. Корниенко Н. А. Нравственное состояние современного российского общества — основа формирования гражданской идентичности студентов // Философия образования. 2018. № 1. С. 116—138.

and receiving a bribe in Russia. In: Modern society through the eyes of specialists: collection of scientific works. Voronezh: Center for Scientific and Technical Information, 2019: 56—58. (In Russ.).

11. Lelekov V. A., Kosheleva E. V. Juvenile criminology. Textbook. Moscow: UNITY-DANA; 2017: 343. (In Russ.).

12. Matyushina Yu. B., Petrov D. S., Petrova V. D. Income in the budget of a modern Russian student. Sociology, 173—185, 2020. (In Russ.).

13. Lelekov V. A., Morozov D. V. Status and causes of female crime in Russia. Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 158—163, 2020. (In Russ.).

14. Garmyshev Ya. V., Koryagina S. A., Lavygina I. V. Moral and psychological characteristics of the offender's personality. Baikal Research Journal, 19, 2018. (In Russ.).

15. Kornienko N. A. The moral state of modern Russian society is the basis for the formation of students' civic identity. Philosophy of Education, 116—138, 2018. (In Russ.).

Рыбокитова Жанна Игоревна,

адъюнкт Воронежского института МВД России;
misshurova@mail.ru

Rybokitova Zhanna Igorevna,

associate adjunct of the Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
misshurova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.61

doi: 10.25724/VAMVD.GGGG

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ
В УСТАНОВЛЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Олег Валентинович Стрилец*, Ирина Алисаламовна Нифталиева**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* oleg-strilez@rambler.ru; ** niftalieva89@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос о реализации принципа справедливости при отнесении убийства матерью новорожденного ребенка к числу привилегированных составов преступления.

Авторами проведен ретроспективный анализ российского уголовного законодательства в части регламентации ответственности за детоубийство. Установлена зависимость морально-нравственных и правовых взглядов на убийство матерью новорожденного ребенка от господствующей в государстве идеологии, а также сложившейся социальной, экономической и политической обстановки.

Акцентируется внимание на том, что в настоящее время государством осуществляется достаточно широкий комплекс мер семейной политики, направленный на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми. В этих условиях «снисходительное» отношение современного законодателя к матерям — убийцам своих новорожденных детей вызывает несогласованность и, следовательно, порождает проблему реализации уголовно-правового принципа справедливости.

В заключение формулируется вывод о том, что ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации целесообразно признать утратившей силу, а рассматриваемое деяние следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, т. е. как убийство малолетнего.

Ключевые слова: убийство матерью новорожденного ребенка, преступление, наказание, принцип справедливости, отягчающее обстоятельство, смягчающее обстоятельство, привилегированный состав

Для цитирования: Стрилец О. В., Нифталиева И. А. Реализация принципа справедливости в установлении ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка: история и современность // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 67—73. doi: 10.25724/VAMVD.GGGG

**IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE
WHILE ESTABLISHING LIABILITY
FOR THE MURDER OF A NEWBORN CHILD BY HIS MOTHER:
HISTORY AND MODERNITY**

Oleg Valentinovich Strilets*, Irina Alisalamovna Niftalieva**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

* oleg-strilez@rambler.ru; ** niftalieva89@yandex.ru

Abstract. The given article deals with the issue related to implementation of the principle of justice while classifying the murder of a newborn child by his mother as a privileged crime / corpus delicti.

The authors of the article made retrospective analysis of the Russian criminal legislation concerning the regulation of liability for infanticide. The authors of the article specified the dependence of moral, moral and legal views on the murder of a newborn child by his mother on the ideology prevailing in the state as well as the acting social, economic and political situation.

The authors of the article pay attention to the fact that at present the state implements a fairly wide range of family-related policy measures aimed at stimulating birth rate and supporting families having children. Taking it into account "indulgent" attitude of the modern legislator towards mothers who kill their newborn children causes inconsistency and, therefore, makes a problem of realizing the criminal law principle of justice.

In conclusion, the authors of the article confirm that it is necessary to recognize Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation to be invalid and the act mentioned above should be qualified under Paragraph "c" of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, i. e. as the murder of an infant.

Keywords: a murder of a newborn child by his mother, crime, punishment, principle of justice, aggravating circumstance, mitigating circumstance, privileged crime / corpus delicti

For citation: Strilets O. V., Niftalieva I. A. Implementation of the principle of justice while establishing liability for the murder of a newborn child by his mother: history and modernity. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 67—73, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.GGGG

Справедливость принадлежит к числу важнейших категорий социальной философии, охватывающих все сферы общественной жизни. На многоаспектность и значимость этого явления обращали внимание мыслители разных исторических периодов. Как никогда является актуальным суждение величайшего античного философа Платона: «Законодатель должен наблюдать, где осуществляется справедливость, а где нет; он должен установить почести тем, кто послушен законам, а на ослушников налагать положенную кару, и так до тех пор, пока не рассмотрит до конца все государственное устройство...» [1, с. 79].

Один из центральных мыслителей эпохи Просвещения И. Кант наделял эту категорию особым статусом. В работе «Метафизика нравов» он указывал: «Если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [2, с. 256].

Идея справедливости составляет основу всего права, в том числе уголовного. Российский законодатель, регламентируя принцип справедливости в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ), закрепляет в нем два основных требования: о соразмерности наказания и иных мер уголовно-правового характера, применяемых к лицу, совершившему преступление, характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного; о запрете на повторное привлечение лица к уголовной ответственности за одно и то же преступление.

В законодательной формулировке отражено только одно направление реализации принципа справедливости — при назначении наказания. Абсолютно очевидно, что его действительное содержание гораздо шире, нежели текстуальное выражение. Принцип справедливости должен реализовываться на всех стадиях как правоприменения, так и нормотворчества. В то же время анализ уголовного законодательства свидетельствует о том, что далеко не все статьи Особенной части УК РФ соответствуют этой основополагающей идее. Ярким примером является установление уголовной ответственности за убийство.

В современной уголовно-правовой доктрине выделяют три вида убийства: простое — ч. 1 ст. 105 УК РФ, квалифицированное (с отягчающими обстоятельствами) — ч. 2 ст. 105 УК РФ и привилегированное (со смягчающими обстоятельствами) — ст. 106, 107 и 108 УК РФ.

На протяжении многих лет указанные составы преступлений находятся под пристальным вниманием представителей научного сообщества. Вместе с тем норма, устанавливающая ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, вызывает наибольшее количество вопросов. Они касаются, в частности, уяснения момента приобретения рождающимся ребенком статуса человека, жизнь которого охраняется уголовным законом, уточнения срока, в течение которого ребенок считается новорожденным, толкования понятия «психотравмирующая ситуация», определения матери новорожденного ребенка при суррогатном материнстве и времени возникновения умысла на причинение смерти своему ребенку, возможности установления квалифицированного состава в случае убийства двух и более детей, родившихся у женщины в период единой родовой деятельности [3; 4].

Основной же вопрос, волнующий не только правоведов, но и в целом общественность, заключается в реализации принципа справедливости при отнесении данного вида убийства к числу преступлений со смягчающими обстоятельствами. Примечательно, что еще более века назад С. В. Познышев устанавливал зависимость признания рассматриваемого деяния преступным или непроступным, квалифицированным или привилегированным от этапа становления того или иного общества, сложившихся и утвердившихся социальных отношений. «Известно, — писал автор, — детоубийство пережило поучительную и интересную эволюцию: в одни эпохи и в одних местах оно не составляло преступления, в другие — попадало в квалифицированные виды убийства, в третьи — не выделялось из общего понятия убийства или становилось привилегированным видом убийства» [5, с. 186]. В связи с этим, полагаем, прежде чем дать ответ на обозначенный ранее вопрос, следует обратиться к истории.

Итак, в Древнерусском государстве убийство матерью своего младенца не считалось преступлением. Более того, оно находило осуждение только в том случае, если ребенок был мужского пола. Н. М. Карамзин отмечал, что у языческих славян мать имела право «умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству» [6, с. 30]. Представляется, что такое отношение обуславливалось, с одной стороны, экономическими причинами, с другой — политическими. Очевидно, что в условиях бедности и нехватки ресурсов борьба за выживание детей была первостепенной. В то же время жизнь новорожденных мальчиков составляла ценность, поскольку в дальнейшем юноши обязаны были стоять на страже своих земель.

С усилением позиции христианства отношение к детоубийству существенным образом изменилось. Церковь видела в новорожденном ребенке, независимо от его пола, наделенного душой человека [7, с. 20]. С точки зрения христианской религии лишать самого себя или другого жизни — тяжкий грех. Стоит подчеркнуть, что именно благодаря христианству из детоубийства стали выделять особую его разновидность — убийство внебрачного ребенка.

Взгляды церковного права нашли отражение в Соборном уложении 1649 г., впервые установившем ответственность за детоубийство. Документ различал убийство ребенка, рожденного в браке, и убийство незаконнорожденного ребенка. В первом случае для родителей предусматривалось наказание в виде тюремного заключения на один год, а по отбытии — церковное покаяние (ст. 3 гл. XXII) [8, с. 248]. Убийство незаконнорожденного ребенка влекло смертную казнь. Столь высокая мера наказания объяснялась безнравственным поведением матери, которая прижила ребенка в блуде (ст. 26 гл. XXII) [8, с. 250—251]. Анализ данных положений явно свидетельствует о том, что законодатель того времени вставал на защиту в первую очередь соблюдения чистоты веры и церковных порядков, а уже затем жизни ребенка.

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее — Уложение 1845 г.) убийство сына или дочери, рожденных в законном браке, относилось законодателем к числу тяжких родственных убийств и наказывалось лишением всех прав состояния и пожизненными каторжными работами (ст. 1922)¹.

Уложение 1845 г. в ст. 1931 смягчало ответственность за оставление женщиной от стыда или страха своего незаконнорожденного ребенка без помощи, вследствие чего он лишался жизни. За данное деяние документ предусматривал лишение всех особых лично и по состоянию присвоенных ей прав и преимуществ, ссылку с заключением от одного года до двух лет либо телесное наказание и отдачу в рабочий дом от трех до шести лет².

Новая позиция по отношению к ответственности за детоубийство объясняется тем, что в медицине данного периода стали выделять особое психическое состояние, вызванное родами. В совокупности с мотивом, побуждавшим женщину на убийство своего незаконнорожденного ребенка, — стыдом и страхом перед обществом — оно рассматривалось как смягчающее наказание обстоятельство.

Кроме того, Уложение 1845 г. регламентировало еще одну разновидность детоубийства при смягчающих обстоятельствах — убийство «младенца чудовищного вида или даже не имеющего человеческого образа» (ст. 1940). По смыслу нормы деяние могло быть совершено как матерью ребенка, так и иными лицами. Оно влекло лишение всех особых лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылку, либо телесные наказания и отдачу в исправительные арестантские роты на срок от одного года до двух лет. Помимо этого, если виновный исповедовал христианство, то он предавался церковному покаянию³.

Уголовное уложение 1903 г., как и предшествующий документ, определяло убийство матерью своего незаконнорожденного ребенка как привилегированное убийство (ст. 461). В то же время подразумевалось, что деяние может быть совершено путем как активных действий, так и бездействия — не оказания необходимой помощи новорожденному. Такое преступление влекло наказание в виде заключения в исправительный дом [9, с. 621]. Вместе с тем убийство матерью своего законнорожденного ребенка, совершенное при родах или после них, по-прежнему приравнивалось к особо опасному родственному убийству и наказывалось каторгой без срока или на срок не ниже десяти лет (ст. 455) [9, с. 607].

Установление советской власти привело к изменению подхода законодателя к убийству матерью своего новорожденного ребенка. По Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. и Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. этот вид убийства, независимо

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1845. С. 490.

² Там же. С. 493—494.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 497.

от того, рожден младенец в браке или является незаконнорожденным, подпадал сразу под два квалифицирующих признака: «убийство лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом» (п. «д» ст. 142 УК РСФСР 1922 г., п. «д» ст. 136 УК РСФСР 1926 г.) и «убийство с использованием беспомощного положения убитого» (п. «е» ст. 142 УК РСФСР 1922 г., п. «е» ст. 136 УК РСФСР 1926 г.). За данное деяние по Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. было предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не ниже восьми лет со строгой изоляцией¹, а по Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. — лишения свободы на срок до десяти лет². Надо признать, что данный период в целом характеризуется ужесточением уголовной политики Советского государства. Кроме того, в комментарии к ст. 136 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. указывалось, что созданная в государстве экономическая и политическая обстановка предоставляет все необходимые условия для нормальной жизни женщины с детьми, в связи с чем у законодателя нет оснований для смягчения наказания матерям-убийцам [10, с. 196—198].

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. данное преступление уже было отнесено к убийству без отягчающих обстоятельств (ст. 103). Вместе с тем наказание за него предусматривалось достаточно суровое — безальтернативное лишение свободы на срок от трех до десяти лет³.

Наконец, УК РФ 1996 г. относит убийство матерью новорожденного ребенка к числу привилегированных составов. Наказание, предусмотренное за данное деяние, следующее: ограничение свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительные работы на срок до пяти лет, либо лишение свободы на тот же срок. В основу привилегированности законодателем положено особое, труднопереносимое психофизиологическое состояние женщины, вызванное родами, в котором она пре-

бывает в момент убийства своего новорожденного ребенка [11, с. 201].

Ретроспективный анализ российского уголовного законодательства в части регламентации ответственности за детоубийство всецело подтверждает обозначенное ранее утверждение С. В. Познышева об исторической изменчивости отношения к данному деянию со стороны общества и, соответственно, законодателя. Ответственность за убийство матерью своего новорожденного ребенка принципиальным образом менялась и обуславливалась господствующей в государстве религиозной или светской идеологией, сложившейся социально-экономической и политической ситуацией. Таким образом, с полной уверенностью можно утверждать, что ответ на вопрос о реализации принципа справедливости при отнесении убийства матерью новорожденного ребенка к числу привилегированных составов преступления зависит от того, насколько смягчение наказания матерям-убийцам соответствует современным условиям развития Российского государства.

Сегодня право на жизнь признается естественным неотъемлемым правом каждого человека и подлежит защите со стороны государства, в том числе уголовно-правовыми средствами. Безусловно, в настоящее время российский законодатель одинаковым образом охраняет жизнь любого новорожденного ребенка, независимо от того, мальчик это или девочка, рожденный в законном браке или внебрачный, здоровый или с патологиями. Вместе с тем УК РФ установил наказание за убийство матерью своего новорожденного ребенка гораздо более мягкое, чем за простое убийство.

Отметим, что одной из первостепенных задач, стоящих перед государством в последние годы, является улучшение демографии. Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию 21 апреля 2021 г. особо подчеркнул, что сбережение и приумножение народа России является высшим национальным приоритетом⁴. В целях выполнения этой задачи современным Российским государством реализуется комплекс мер семейной политики, направленный на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми. Это, прежде всего, меры финансово-материального характера, помощь организационного профиля, работа по пропаганде социально престижного статуса материнства и отцовства [12,

¹ О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (ред. от 25.08.1924). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г. (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 25.11.1935). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР): закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (ред. от 30.07.1996). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с. 106]. С 2020 г. в России вступили в силу дополнительные меры по стимулированию рождаемости. Как отметил Глава государства В. В. Путин, «даже в советское время с его широкой социальной программой поддержки граждан не было такой меры поддержки»¹.

Таким образом, в условиях беспрецедентной государственной политики в области поддержки семьи, материнства и детства, сохранения традиционных семейных ценностей, когда государство в буквальном смысле слова «борется» за каждого своего гражданина, столь «снисходительное» отношение современного законодателя к матерям — убийцам своих новорожденных детей вызывает некую противоречивость.

Не согласуется данный факт и с положениями Основного закона государства. Следует указать, что в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. были одобрены также поправки к Конституции Российской Федерации, ориентированные на обеспечение защиты детей².

Обозначенное позволяет констатировать, что современному этапу развития нашего государства отнесение данного вида убийства к преступлениям со смягчающими обстоятельствами явно не соответствует, что, в свою очередь, свидетельствует о проблеме реализации уголовно-правового принципа справедливости.

Полагаем также, что лежащие в основе привилегированности обстоятельства, при которых совершается рассматриваемое деяние, вряд ли можно признать смягчающими наказание. Разумеется, во время родов и сразу же после них роженица испытывает тяжелейшие физические и психические страдания. Довольно часто женщины, родившие ребенка, попадают в сложные жизненные ситуации. К числу обстоятельств, объясняющих столь нечеловечный поступок, правоведы нередко относят отсутствие жилья и материальных средств на содержание ребенка [13, с. 47].

Вместе с тем в нынешних условиях, когда зачастую семьи живут только на «детские» пособия от государства, оправдывать мать-убийцу отсутствием средств на содержание ребенка не приходится. Более того, в современном социуме никакие обстоятельства не могут служить оправданием убийства ни в чем не повинного дитя. Появившийся на свет ребенок — это человек, наделенный всеми неотъемлемыми правами, и уж тем более правом на жизнь. В силу беспомощного состояния, обусловленного малолетством, жизнь младенца всецело зависит от родившей его женщины. В связи с этим еще большее недоумение вызывает выделение умышленного лишения жизни ребенка его матерью в отдельный привилегированный состав. Согласимся с правоведом, полагающим, что рассматриваемое деяние следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как убийство малолетнего [14, с. 101].

Учитывая изложенное, полагаем, что отнесение убийства матерью своего новорожденного ребенка к преступлениям со смягчающими обстоятельствами не соответствует современным условиям развития государства, что приводит к проблеме реализации принципа справедливости в уголовном праве. Считаем целесообразным признать ст. 106 УК РФ утратившей силу. Убийство матерью своего новорожденного ребенка следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Сформулированное предложение направлено на совершенствование уголовного законодательства в части реализации принципа справедливости и приведение его в соответствие с приоритетным направлением деятельности Российской Федерации.

¹ Помочь тем, кому труднее. Владимир Путин выступил с Посланием Федеральному Собранию. URL: <https://rg.ru/2020/01/15/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-v-poslanii-federalnomu-sobraniiu.html> (дата обращения: 08.02.2022).

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Платон. Законы: пер. с древнегреч. / общ. ред. А. Ф. Loseva [и др.]. Москва: Мысль, 1999. 832 с.

2. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4, ч. 2 / под общ. ред. В. Ф. Асмуса. Москва: Мысль, 1965. 478 с.

3. Изаксон Р. А. Проблемы современной регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в России // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3 (82). С. 61—66.

4. Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Кургузкина Е. Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Lex Russica. 2018. № 3 (136). С. 94—114.

5. Познышев С. В. [Рец. на кн.:] М. Н. Гернет. Детоубийство. Москва, 1911. 315 стр. // Вопросы права (Журнал научной юриспруденции). 1912. IX (1). С. 186.

6. Карамзин Н. М. История государства Российского. Москва: Эксмо, 2009. 1020 с.

7. Гернет М. Н. Детоубийство: Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. Москва: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. 318 с.

8. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1985. Т. 3. 512 с.

9. Таганцев Н. С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. Санкт-Петербург, 1904. 1122 с.

10. Карницкий Д. А., Рогинский Г. К. Уголовный кодекс РСФСР: пособие для правовых вузов, юридических курсов и работников юстиции. Москва: Сов. законодательство, 1935. 230 с.

11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: расширенный уголовно-правовой анализ / под общ. ред. В. В. Мозякова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Экзамен, 2004. 912 с.

12. Андрияшина Е. В., Панова Е. А. Государственная политика по стимулированию рождаемости и поддержке семей с детьми: практика современной России // Власть. 2019. Т. 27, № 5. С. 105—111.

13. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. Ч. I / под ред. А. С. Сенцова. Волгоград: ВА МВД России, 2005. 356 с.

14. Аленкин Н. Е. Вопросы уголовной ответственности за детоубийство (ст. 106 УК РФ) // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2013. № 5. С. 87—101.

1. Plato. Laws. Translation from ancient Greek. Gen. ed. by A. F. Losev (et al.). Moscow: Mysl; 1999: 832. (In Russ.).

2. Kant I. Works. In 6 vols. Vol. 4. Part 2. Gen. ed. by V. F. Asmus. Moscow: Mysl; 1965: 478. (In Russ.).

3. Izakson R. A. Problems of modern regulation of liability for the murder of a newborn child by his mother in Russia. The Siberian Legal Vestnik, 61—66, 2018. (In Russ.).

4. Antonyan Yu. M., Goncharova M. V., Kurguzkina E. B. Murder of a newborn child by a mother: criminal law and criminological problems. Lex Russica, 94—114, 2018. (In Russ.).

5. Poznyshv S. V. [Rev. on book:] Gernet M. N. Infanticide. Moscow; 1911: 315. Issues of Law (Journal of Scientific Jurisprudence), 186, 1912. (In Russ.).

6. Karamzin N. M. History of the Russian state. Moscow: Eksmo; 2009: 1020. (In Russ.).

7. Gernet M. N. Infanticide: sociological and comparative legal study. Moscow: Printing House of Emperor Moscow University; 1911: 318. (In Russ.).

8. Russian Legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 3. Gen. ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature; 1985: 512. (In Russ.).

9. Tagantsev N. S. Criminal Code on 22 March 1903. Saint Petersburg; 1904: 1122. (In Russ.).

10. Karnitsky D. A., Roginsky G. K. The Criminal Code of the RSFSR. A Handbook for law schools, law courses and justice workers. Moscow: Soviet Legislation; 1935: 230. (In Russ.).

11. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Extended criminal law analysis. Ed. by V. V. Mozyakov. 3rd ed., rev. and add. Moscow: Exam Publishing House; 2004: 912. (In Russ.).

12. Andryushina E. V., Panova Ye. A. State policy to stimulate birth rate and support families having children: practice of modern Russia. Power, 105—111, 2019. (In Russ.).

13. Criminal Law of Russia. Special Part. Textbook. Part I. Ed. by A. S. Sentsov. Volgograd: The Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2005: 356. (In Russ.).

14. Alyenkin N. Ye. Issues of Criminal Liability for Infanticide (Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation). Vestnik of the Moscow University. Series 11, Right, 87—101, 2013. (In Russ.).

Стрилец Олег Валентинович,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
oleg-strilez@rambler.ru

Нифталиева Ирина Алисаламовна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: niftalieva89@yandex.ru

Strilets Oleg Valentinovich,
professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the Interior Bodies of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
oleg-strilez@rambler.ru

Niftalieva Irina Alisalamovna,
lecturer at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the Interior Bodies of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
niftalieva89@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.04.2022; одобрена после рецензирования 26.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 18.04.2022; approved after reviewing 26.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.614

doi: 10.25724/VAMVD.NNNN

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ
ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ,
СВЯЗАННЫХ С СУИЦИДОМ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Ирина Витальевна Ханова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, ivhanova@mail.ru

Аннотация. В условиях тотальной информатизации общества появились качественно новые общественно опасные деяния, требующие уголовно-правового регулирования ответственности за их совершение. Огромное количество самоубийств и их попыток, совершенных в результате удаленного воздействия на психику жертв со стороны других лиц, заставили законодателя криминализировать деяния, связанные с причастностью к суициду, совершенные с использованием ИТ-технологий. В связи с этим в 2017 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации был внесен ряд изменений и дополнений, которые в том числе коснулись установления самостоятельных квалифицированных составов доведения до самоубийства, склонения к совершению самоубийства и содействия его совершению, организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, совершенных в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет). В статье рассматриваются признаки составов преступлений, предусмотренных п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1 и ч. 2 ст. 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации в части их совершения с использованием ИТ-технологий. Особое внимание уделено способам совершения рассматриваемых деяний, позволяющим разграничивать указанные смежные составы между собой.

Ключевые слова: суицид, информационно-телекоммуникационные сети; доведение до самоубийства; склонение к совершению самоубийства; содействие совершению самоубийства; организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства

Для цитирования: Ханова И. В. Использование ИТ-технологий при совершении преступлений против жизни, связанных с суицидом: уголовно-правовой аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 74—80. doi: 10.25724/VAMVD.NNNN

**APPLYING IT-TECHNOLOGIES
WHILE COMMITTING CRIMES AGAINST LIFE
RELATED TO SUICIDE: CRIMINAL LEGAL ASPECT**

Irina Vitaliyevna Khanova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, ivhanova@mail.ru

Abstract. In conditions of total informatization of the society qualitatively new socially dangerous acts have appeared that require criminal law regulation of liability for their commission. A great number of suicides and their attempts committed as a result of remote influence on the psyche of the victims by other persons enforced the legislator to criminalize acts related to involvement in suicide to be committed by means of IT-technologies. In this regard in 2017 a number of changes and additions were made to the Criminal Code of the Russian Federation, which, among other things, touched upon establishment of independent qualified offenses / corpus delicti for bringing to suicide, inciting and facilitating suicide, organizing activities aimed at inducing suicide, committed in information and telecommunication networks (including the Internet). The given article deals with the features of the elements of crimes to be provided for in Paragraph "e" of Part 2 of Article 110, Paragraph "e" of Part 3 of Article 110.1 and Part 2 of Art. 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation regarding their commission by means of IT-technologies. The author of the article pays special attention to the ways of committing the mentioned acts which make it possible to distinguish between these related offenses / corpus delicti.

Keywords: suicide, information and telecommunication networks, incitement to suicide, inducement to commit suicide, facilitation to commit suicide, organization of activities aimed at inducing suicide

For citation: Khanova I. V. Applying IT-technologies while committing crimes against life related to suicide: criminal legal aspect. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 74—80, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.HHHH

В современном мире влияние высоких информационных технологий на жизнь общества сложно переоценить. Нет такой сферы жизнедеятельности, где бы они не применялись хотя бы косвенно.

Сотовые телефоны, электронные средства массовой информации, социальные сети, различные информационные и коммуникационные технологии постепенно стали неотъемлемой частью нашей жизни. Согласно статистике только за 2021 г. количество интернет-пользователей в Российской Федерации увеличилось на 5,1 % (+6 млн) и составляет 85 % (124 млн) всего населения страны; 67,8 % (99 млн) жителей России пользуются различными социальными сетями¹.

Государство поддерживает указанные тенденции и в рамках реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.² продолжает осуществлять процесс цифровизации практически всех сторон жизни общества, в том числе создавая системы предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном формате. Таким образом, все больше и больше людей втягивается в паутину всемирной информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Безусловно, развитие информационных технологий открывает новые возможности и для общества, и для государства. Однако цифровой прогресс не только благоприятно влияет на организацию жизни людей, но и порождает ряд проблем: одной из них можно назвать рост преступности.

Новые технические возможности создали условия для совершения качественно новых преступлений. Число противоправных деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в последние годы значительно увеличилось. По данным МВД России, рассматриваемые преступления впервые попали в официальную сводку Министерства о состоянии преступности по итогам 2019 г. На тот момент было зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений, совер-

шенных с использованием IT-технологий, что на 68,5 % больше, чем за аналогичный период 2018 г. В 2020 г. их число увеличилось на 73,4 % (510,4 тыс.) и в 2021 г. продолжило расти (517,7 тыс.)³.

В современном мире информационно-телекоммуникационные сети используются при совершении преступлений в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, против мира и безопасности человечества. С их помощью удаленно, без непосредственного контакта с жертвой, совершаются даже деяния, посягающие на жизнь и здоровье граждан. Примером, иллюстрирующим это утверждение, могут стать многочисленные факты самоубийств и попыток суицида, совершенные после «виртуального общения» жертв в телекоммуникационной сети Интернет, различных социальных сетях и мессенджерах.

Например, Х. после переписки в социальной сети «ВКонтакте» с лицом, использующим псевдоним «Ян Волков», будучи доведенной до отчаяния, употребила 10 таблеток лекарственного препарата «Фенозепам», после чего нанесла себе лезвием на кисть левой руки не менее десяти порезов (смерть Х. не наступила). Правоохранительными органами было установлено, что Х. была умышленно вовлечена ее знакомой Г. в переписку, направленную на доведение потерпевшей до самоубийства. На протяжении месяца ведения переписки Г. давала Х. указания и советы о способах и методах совершения суицида, демонстрировала фотографии суицидального характера в виде порезанных кистей рук, размещала информацию, содержащую признаки жестокого обращения и унижения человеческого достоинства, иными способами и уговорами настойчиво провоцировала несовершеннолетнюю Х. к совершению самоубийства⁴.

Всплеск суицидальных проявлений был отмечен в 2016—2017 гг., когда в телекоммуникационной сети Интернет широкое распространение получили так называемые группы смерти: «Синий кит», «Беги и умри», «Фея огня», «Новый путь» и др.,

¹ Digital 2021: главная статистика по России и всему миру. URL: <https://spark.ru/user/115680/blog/74085/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru> (дата обращения: 21.03.2022).

² О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Состояние преступности (архивные данные) // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 22.03.2022).

⁴ См.: Приговор Судакского городского суда Республики Крым от 7 мая 2018 г. № 1-25/2018. URL: https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html#d=3_0d1f22a4c1bd3a4655a93d1d29875e5f&shard=%D... (дата обращения: 23.03.2022).

деятельность которых сводилась к дистанционному определению участникам заданий, постепенно приводящих их к совершению самоубийства. По данным Роскомнадзора, только в период с декабря 2016 г. по март 2017 г. в сети Интернет было выявлено 4 210 ссылок на группы и личные страницы, содержащие суицидальный контент¹.

Адекватной реакцией государства на происходящее стало установление дополнительных механизмов противодействия, а именно: внедрение уголовно-правовых мер, призванных бороться с противоправной деятельностью, направленной на пропаганду самоубийств, в том числе посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий.

В 2017 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) появились новые составы преступлений против жизни, связанные с побуждением к самоубийству: склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ) и организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ). В том числе были криминализованы виды преступной причастности к самоубийству, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей².

Выделение указанного признака в качестве квалифицирующего, с одной стороны, стало обоснованным и перспективным законодательным решением, поскольку подчеркнуло повышенную опасность деяний и позволило дифференцировать ответственность виновных лиц; а с другой — еще более усложнило процесс квалификации подобных преступлений правоприменителями, так как способ совершения деяния посредством использования телекоммуникационных сетей не указывает на наличие самостоятельного состава и должен сопровождаться основными признаками объективной сто-

роны одного из преступлений, предусмотренных ст. 110, 110.1 или 110.2 УК РФ.

Сравнивая составы преступлений, предусмотренных соответственно п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1 и ч. 2 ст. 110.2 УК РФ, можно выделить следующий ряд признаков, их разграничивающих.

По замыслу законодателя, в силу расположения указанных преступлений в главе «Преступления против жизни и здоровья», видовым объектом всех этих уголовно наказуемых деяний является жизнь человека как правовая ценность. В то же время доведение до самоубийства, склонение к совершению суицида и содействие его совершению всегда направлены на четко определенное лицо (потерпевшего), поэтому их непосредственным объектом выступают общественные отношения, гарантирующие неприкосновенность жизни конкретного лица. Иначе дело обстоит с организацией деятельности, побуждающей к совершению самоубийства: здесь действия направлены на неопределенный круг лиц, в связи с чем непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения, гарантирующие право на жизнь и ее неприкосновенность.

Что касается анализа признаков объективных сторон рассматриваемых преступлений, то отметим, что все они совершаются с использованием ИТ-технологий — технологических систем, предназначенных для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники³, т. е. удаленно, без непосредственного контакта виновного и потерпевшего. Самой общедоступной из таких систем является глобальная децентрализованная информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, соединяющая на основе единых протоколов различные типы компьютеров [1, с. 30].

Совершение преступления в информационно-телекоммуникационных сетях в общем сводится к совершению виновным активных действий, выраженных в размещении в социальных сетях, мессенджерах или на различных интернет-ресурсах сообщений, информационных материалов, побуждающих к совершению самоубийства. Вместе с тем сайты, на которых размещается информация, не должны быть зарегистрированными в качестве средств массовой информации (в противном случае наблюдается наличие другого квалифицирующего

¹ См.: Руководитель Роскомнадзора Александр Жаров подвел итоги деятельности по противодействию распространению суицидального контента в Интернете // Новости Роскомнадзора 20 марта 2017 года: офиц. сайт. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news43575.htm?special=1> (дата обращения: 22.03.2022).

² См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федер. закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

признака — деяние, совершенное в средствах массовой информации).

Для разграничения преступлений, предусмотренных п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1 и ч. 2 ст. 110.2 УК РФ, необходимо обратиться к признакам объективных сторон их основных составов.

Объективная сторона доведения до самоубийства выражается в действии виновного по отношению к конкретному лицу, сопряженном с угрозами, жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства потерпевшего и побуждающем последнего к совершению самоубийства.

Под угрозами, как правило, понимают действия виновного, связанные с подавлением психики потерпевшего, приводящие к совершению суицидального акта. Это могут быть угрозы: причинения смерти или телесных повреждений, помещения в психиатрический стационар, уничтожения имущества, разглашения компрометирующей информации и т. п.

Жестокое обращение сводится к негуманному, безжалостному обращению с потерпевшим, причинению ему физических страданий, например лишение его пищи и воды, побои, истязания, изнасилования, принуждение к тяжелому физическому труду и т. д.

Под систематическим унижением человеческого достоинства понимаются многократно повторяемые оскорбления, клеветнические измышления, издевательства и глумления над личностью.

Удаленный, бесконтактный способ совершения преступления посредством распространения сообщений и информации, побуждающей к совершению самоубийства, на электронных ресурсах исключает возможность непосредственного физического воздействия на потерпевшего. Поэтому объективная сторона преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ, заключается в размещении в социальных сетях, мессенджерах, форумах и на сайтах сети Интернет электронных сообщений, содержащих угрозы в адрес конкретного лица, сведений, унижающих его человеческое достоинство; выставлении «на всеобщее обозрение» каким-либо образом компрометирующих лицо видеороликов и фотографий. Совокупность действий виновного лица, а также содержание указаний и заданий, навязываемых потерпевшему, могут указывать на признак жестокого обращения с ним, выражающийся в дестабилизации эмоционального состояния и подавлении воли жертвы.

Состав рассматриваемого преступления — материальный, в связи с чем ответственность виновного

лица за доведение до самоубийства, совершенное в информационно-телекоммуникационных сетях, по п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ может наступить только при состоявшемся самоубийстве или реальной попытке потерпевшего «уйти из жизни».

Наиболее распространенной формой доведения до самоубийства с использованием сети Интернет стало явление, получившее название «кибербуллинг». В России первой жертвой травли в Интернете стал двадцатилетний житель г. Сочи Владимир Голубов. Вернувшись из армии и узнав, что его девушка Анна Семеновна беременна от другого парня, молодой человек отказался принимать чужого ребенка и расстался с ней. Решив отомстить бывшему возлюбленному, Анна создала фейковый аккаунт в одной из социальных сетей и принялась рассылать знакомым Владимира сообщения, содержащие не соответствующие действительности сведения о его нетрадиционной сексуальной ориентации. На личной странице Голубова в сети Интернет она оставляла записи, унижающие его достоинство и толкающие на совершение самоубийства. В результате под армейскими фотографиями молодого человека в Интернете начали появляться не лестные для него комментарии. Голубов не сумел перенести подобной травли и повесился. Обвиняемая в доведении до самоубийства Семеновна в суде утверждала, что хотела лишь позлить бывшего возлюбленного и совсем не ожидала таких последствий¹.

Другую форму доведения до самоубийства, совершенного в информационно-телекоммуникационных сетях, можно наблюдать в действиях кураторов «групп смерти» в случаях, когда участники суицидальных игр отказываются от выполнения последнего задания. Например, в ходе проведения предварительного расследования уголовного дела по обвинению жителя г. Москвы Ильи Сидорова по ст. 110 УК РФ было установлено, что он являлся куратором семерых участников суицидальной игры «Синий кит». Четырнадцатилетняя школьница из Челябинской области С., на протяжении месяца безоговорочно выполнявшая все указания куратора, направленные на причинение вреда своему здо-

¹ См.: В Краснодарском крае оглашен приговор о доведении до самоубийства с помощью Интернета. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-03-27/98044-v_krasnodarskom_krae_oglashen_prigovor_o_dovedenii_do_samoubiystva_s_pomoschyu_interneta (дата обращения: 25.03.2022); Наши сети притащили мертвеца. Как интернет-травля толкает людей на самоубийство. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/09/19/internetruinedalife/> (дата обращения: 25.03.2022).

ровью, отказалась выполнять последнее задание, связанное с совершением самоубийства. Чтобы не допустить выхода С. из игры, Сидоров предложил девочке на выбор три способа совершения самоубийства: броситься под поезд, повеситься или сорваться с крыши многоэтажного дома, однако школьница не решилась выполнить указанные им действия, объяснив, что ей страшно. Требуя от С. доведения игры до логического завершения, Илья стал ей угрожать: «Я приду и тебе помогу! Не убьешь себя, буду резать по кускам твою маму, всю семью, а потом и тебя». Для пущей убедительности он указал улицу, на которой девочка проживала. С. испугалась и попыталась отравиться лекарственными препаратами¹. Таким образом, деяние И. Сидорова, начатое как склонение к самоубийству, с момента высказывания угроз стало содержать признаки преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства преследуют достижение одного результата — совершения конкретным лицом суицидального акта, однако отличаются по способу совершения действий, так как для достижения цели используются иные психологические приемы воздействия на потерпевшего.

Под склонением понимают действия, направленные на возбуждение у конкретного лица желания, намерения или стремления совершить самоубийство. Способы совершения данного деяния могут быть различными: уговоры, призывы, обман, демонстрация поощряющих самоубийство видеоматериалов и др. Но они не совместимы с применением угроз, жестоким обращением или унижением человеческого достоинства.

Отметим, что при склонении к самоубийству в информационно-телекоммуникационных сетях желание потерпевшего совершить суицид изначально отсутствует и формируется в его сознании вследствие ознакомления с выложенной виновным информацией, пропагандирующей это негативное явление.

Содействие совершению самоубийства заключается в действиях, направленных на реализацию потерпевшим суицидального акта, выраженных в предоставлении информации, средств и орудий совершения самоубийства либо устранении препятствий к его совершению или обещании скрыть средства или орудия совершения самоубийства.

Содействие совершению самоубийства отличается от других форм причастности к суициду тем, что виновный действует уже после возникновения у лица решимости совершить самоубийство. Своими советами и указаниями, предоставлением соответствующей информации о способах совершения самоубийства виновный только укрепляет уже возникшее у лица желание лишиться себя жизни.

Таким образом, объективная сторона склонения к совершению самоубийства с использованием IT-технологий проявляется в размещении информации (текстовых, мультимедийных и видеоматериалов), пробуждающей интерес к суициду, к способам и средствам его совершения и призывающей к совершению самоубийства, на различных интернет-ресурсах, в социальных сетях, мессенджерах, смс- и e-mail-рассылках. Содействие совершению самоубийства в информационно-телекоммуникационных сетях может выражаться в предоставлении заинтересованному лицу информации о способах самоубийства, о средствах и орудиях его совершения, а применительно к «группам смерти» — в дистанционном руководстве действиями участника суицидальной игры, доведении пошаговых инструкций, выполнение которых заканчивается совершением суицида.

Состав преступления, предусмотренного п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ, является формальным: для привлечения к уголовной ответственности не требуется наступления смерти потерпевшего в результате суицидального акта.

Так, признаки склонения к самоубийству содержались в действиях гражданина Г., осужденного Собинским судом Владимирской области в сентябре 2018 г. Добровольно став администратором «группы смерти», Г. отыскивал в социальной сети «ВКонтакте» подростков, находящихся в тяжелой жизненной ситуации, которые могли бы стать участниками смертельной игры. Ему удалось вовлечь в переписку в рамках группы двух подростков, переживших потерю близких и чувствующих себя одиноко. Шестнадцатилетний мальчик уже на первоначальном этапе отказался выполнять задания, связанные с причинением себе телесных повреждений. Тринадцатилетняя девочка приняла условия игры и на протяжении пяти дней выполняла все задания куратора,

¹ См.: *Порежу всю семью. Как куратор «группы смерти» склонял детей к суициду // Аргументы и факты: еженедельник. 2017. № 26. URL: https://aif.ru/society/web/porezhu_vsyu_semyu_kak_kurator_gruppy_smerti_sklonyal_detey_k_suicidu (дата обращения: 29.03.2022); Пресс-релиз. Еткульским районным судом Челябинской области вынесен обвинительный приговор в отношении Сидорова И. М. URL: http://etkul.chel.sudrf.ru/modules.php?did=96&name=press_dep&op=1 (дата обращения: 29.03.2022).*

связанные с причинением вреда своему здоровью и риском для жизни. Преступные действия не были доведены до конца, так как деятельность «группы смерти», администратором которой являлся Г., была пресечена правоохранными органами¹.

Часть вторая статьи 110.2 УК РФ предусматривает ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к нему, с использованием IT-технологий.

Относительно объективной стороны основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110.2 УК РФ, у представителей уголовно-правовой доктрины единства мнений нет. Некоторые ученые (например, К. Н. Евдокимов, Р. Д. Шарапов) определяют ее как активные действия по организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, которая осуществляется двумя способами: распространением информации о способах совершения самоубийства либо призывами к его совершению, адресованными неопределенному кругу лиц (см.: [2; 3]). Другие авторы (Н. А. Егорова, Н. Е. Крылова) считают, что уголовно наказуемой является только организация такой деятельности, а не сама эта деятельность (см.: [4; 5]). Последнее мнение представляется нам наиболее приемлемым, поскольку основано на буквальном толковании диспозиции ч. 1 ст. 110.2 УК РФ.

Исходя из этого определим объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 110.2 УК РФ как активные действия виновного по созданию условий и обеспечению передачи указанных сведений или обращений, побуждающих к совершению суицида, по каналам информационно-телекоммуникационных сетей и получения этой информации неопределенным кругом лиц. Эти действия могут выражаться в создании аккаунтов, регистрации сайтов, подборе администраторов сайтов и кураторов «групп смерти», которые должны пополнять интернет-ресурсы информацией соответствующего содержания, и т. п.

Состав рассматриваемого преступления формальный. Преступление окончено с момента публикации, передачи соответствующей информации через информационно-телекоммуникационные сети

¹ См.: Приговором Собинского городского суда брат и сестра осуждены за вовлечение несовершеннолетних в интернет-игру суицидальной направленности // Владимирский областной суд: [сайт]. URL: http://oblsud.wld.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1528 (дата обращения: 29.03.2022).

двум и более лицам. В то же время для юридической оценки деяния не имеет значения, какое количество людей ознакомилось с распространенной информацией или призывом. Определяющим фактором здесь будет выступать доступность информации для широкого круга лиц.

Так, Ш., осужденная Собинским городским судом Владимирской области по ч. 2 ст. 110.2 УК РФ, в 2017 г., узнав о появлении в сети Интернет суицидальных движений, придумала собственную игру смерти. Для распространения информации о правилах игры и подбора участников она создала в социальной сети «ВКонтакте» фейковый аккаунт, используя который стала осуществлять переписку с подростками — пользователями сети. Пропагандируя суициды на странице созданного аккаунта, Ш. призывала детей к их совершению, для чего приглашала стать участниками игры смерти. По факту только одна тринадцатилетняя девочка приняла навязываемые Ш. условия и стала безоговорочно выполнять задания координатора игры, причиняя себе телесные повреждения и отправляя фотоотчеты организатору. Деятельность Ш. была пресечена правоохранными органами, девочка не пострадала [2].

Аналогичную игру на территории Московской области организовал гражданин А. Ю. Глазов. С целью распространения информации о способах и приемах совершения самоубийства он создал в социальной сети «ВКонтакте» форум ролевой игры «На грани жизни», где размещал аудио- и видеоролики со сценами насилия и осуществления суицида различными способами, призывал к совершению самоубийства. В результате ему удалось привлечь к участию в игре пятерых подростков. Посредством электронной переписки в информационно-телекоммуникационной сети Интернет А. Ю. Глазов давал им задания, передавал обязательные к просмотру мультимедийные материалы, воздействующие на психику детей и позволяющие снять барьер, препятствующий совершению самоубийства².

Практика показывает (приведенные выше примеры тому подтверждение), что субъективная сторона доведения до самоубийства, совершенного в информационно-телекоммуникационных сетях,

² См.: В Собинском районе вынесен приговор по уголовному делу об организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства // Прокуратура Владимирской области: офиц. сайт. URL: <http://vladprok.ru/v-sobinskom-rajone-vynesen-prigovor-po-ugolovnomu-delu-ob-organizatsii-deyatelnosti-napravlennoj-na> (дата обращения: 29.03.2022).

характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины. Склонение к совершению самоубийства, содействие в его совершении и организация деятельности, направленной на побуждение к совершению суицида, совершенные с использованием IT-технологий, характеризуются только умышленной формой вины, а именно прямым умыслом: виновный осознает, что совершает общественно опасное деяние; предвидит, что в результате его действий потерпевший совершит самоубийство, и желает наступления подобных последствий. Мотивы и цели не являются основными

признаками составов преступлений против личности, связанных с суицидом, и при юридической оценке деяний не учитываются.

Различий в субъекте рассматриваемых преступлений не наблюдается. За доведение до самоубийства, склонение к его совершению или содействие, а также за организацию деятельности, побуждающей к суициду, совершенные в информационно-телекоммуникационных сетях, может быть привлечено к ответственности физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

1. Андрущенко Е. С. Интернет-отношения: государственное регулирование и самоуправление: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 211 с.

2. Евдокимов К. Н. Уголовная ответственность за преступления против жизни и здоровья, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Российский следователь. 2021. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Шарапов Р. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6. С. 78—83.

4. Егорова Н. А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 11—17.

5. Крылова Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 75—82.

Ханова Ирина Витальевна,

старший преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России; ivhanova@mail.ru

1. Andryushchenko Ye. S. Internet-relations: state regulation and self-government. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2010: 211. (In Russ.).

2. Yevdokimov K. N. Criminal liability for crimes against life and health committed with applying information and telecommunication technologies. Russian Investigator, 2021. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).

3. Sharapov R. Qualification of crimes related to involvement in suicide and other life-threatening behavior. Criminal Law, 78—83, 2017. (In Russ.).

4. Yegorova N. A. Novelty in the criminal law protection of human life. Criminal Law, 11—17, 2017. (In Russ.).

5. Krylova N. Ye. Responsibility for incitement to suicide and involvement in the suicide of another person according to the criminal law of the Russian Federation: assessment of legislative innovations. Criminal Law, 75—82, 2018. (In Russ.).

Khanova Irina Vitaliyevna,

senior lecturer at the criminal law department of the training and scientific complex of preliminary investigation in law-enforcement bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; ivhanova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.123.3(575.3)
doi: 10.25724/VAMVD.IIII

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Шухрат Джурамурод Азимзода

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
sazimzoda@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются основные правовые положения освобождения лица от уголовной ответственности в ходе предварительного расследования по законодательству Республики Таджикистан. Выделена существующая законодательная система оснований прекращения уголовного дела, проведена градация оснований прекращения на группы, близкие по содержанию и юридическим последствиям окончания предварительного расследования. Проанализированы категории «основание прекращения уголовного дела» и «условие прекращения уголовного дела». В Уголовно-процессуальном кодексе Таджикистана в ст. 29 и 30 расписано прекращение не уголовного дела, а уголовного преследования и освобождение лица от уголовной ответственности. Раскрыты условия прекращения уголовных дел по реабилитирующим, а также нереабилитирующим основаниям (в связи с истечением срока давности, при применении акта об амнистии, в отношении умершего лица, в связи с раскаянием от совершенного, примирением с потерпевшим и возмещением причиненного вреда, изменением обстановки). Автором предложены некоторые дополнения и изменения процессуальных норм, регулирующих общественные отношения, связанные с прекращением уголовных дел на стадии предварительного расследования в Республике Таджикистан.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан, основания прекращения уголовного дела, условия прекращения уголовного дела, декриминализация, истечение сроков давности, амнистия, умершее лицо, раскаяние, примирение, изменение обстановки

Для цитирования: Азимзода Ш. Дж. Правовые основания и процессуальные условия прекращения уголовных дел в досудебном производстве по законодательству Республики Таджикистан // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 81—89. doi: 10.25724/VAMVD.IIII

LEGAL BASIS AND PROCEEDING CONDITIONS TERMINATION OF CRIMINAL CASES IN PRE-COURT PROCEEDINGS UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Shukhrat Juramurod Azimzoda

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia
sazimzoda@mail.ru

Abstract. The article reveals the main legal provisions for the release of a person from criminal liability during a preliminary investigation under the legislation of the Republic of Tajikistan. The existing legislative system of grounds for termination of a criminal case is singled out, the grounds for termination are classified into groups that are similar in content and legal consequences to the end of the preliminary investigation. The categories "grounds for termination of a criminal case" and "condition for termination of a criminal case" are analyzed. In the Criminal Procedure Code of Tajikistan, Art. 29 and 30, the termination is not of a criminal case, but of criminal prosecution and the release of a person from criminal liability. The conditions for the termination of criminal cases on rehabilitating, as well as non-rehabilitating grounds are disclosed (due to the expiration of the statute of limitations, when applying an amnesty act, in relation to a deceased person, in connection with repentance from the committed, reconciliation with the victim and compensation for the harm caused, a change in the situation).

The author proposes some additions and changes to the procedural rules governing public relations related to the termination of criminal cases at the stage of preliminary investigation in the Republic of Tajikistan.

Keywords: criminal procedure legislation of the Republic of Tajikistan, grounds for termination of a criminal case, conditions for termination of a criminal case, decriminalization, statute of limitations, amnesty, deceased person, repentance, reconciliation, change in the situation

For citation: Azimzoda Sh. J. Legal basis and proceeding conditions termination of criminal cases in pre-court proceedings under the legislation of the Republic of Tajikistan. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 81—89, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.III

Уголовно-процессуальная политика Таджикистана строится на идеологии правового государства, защищающего своих граждан от возможного произвола правоохранительной системы в целом, но при этом обеспечивающего нормативными средствами защиту прав и законных интересов организаций и граждан, потерпевших от преступлений. В Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018—2028 гг.¹ (далее — Концепция) определено, что уголовный процесс постепенно движется в направлении укрепления составляющих позиций судопроизводства. Это обеспечение прав и законных интересов лиц, вовлеченных в процесс, постановка барьеров на пути незаконного уголовного преследования, безусловное исполнение закона для принятия справедливых решений. Такое перспективное понимание уголовно-процессуального законодательства является приоритетным направлением в области национального института юстиции (п. 55 Концепции). Справедливость судопроизводства определяет его восстановительный и воспитательный характер, поэтому уголовный процесс не может иметь как основное карающее назначение. В Концепции предлагается законным путем посредством государственных инструментов содействовать возмещению ущерба лицам, пострадавшим от преступной деятельности, как можно шире использовать примирение с потерпевшим, компенсацию нанесенного вреда, внедрять иные стимулирующие меры содействия уголовному процессу (п. 57 Концепции).

Рассуждая о реформировании уголовно-процессуальной политики Таджикистана, Р. Р. Рахмаджонзода высказал мнение, что Концепция вызывает особый интерес, так как ее инициативы в уголовно-процессуальной плоскости имеют научно-практическое направление и приближены к правоприменительной практике. Квинтэссенцией этой

политики является гибридный вариант уголовно-процессуального законодательства, где основой выступает соответствие положениям международных норм. Одновременно ориентиром являются законодательства центральноазиатских государств [1, с. 110, 112]. Одним из факторов эффективного проведения в жизнь обозначенных положений Концепции могут служить стандарты отношений государства и личности, выражающиеся в том числе в укреплении механизмов оснований и условий прекращения уголовного дела.

Задачей института прекращения уголовного дела в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Таджикистана является отказ компетентных лиц, осуществляющих уголовное преследование (прокурор, следователь, дознаватель и их руководители), от реализации государственной функции привлечения к уголовной ответственности. Прекращение уголовного дела завершает уголовно-процессуальные отношения между государством и конкретным лицом, возникшие в результате юридического факта обнаружения признаков преступления и нацеленные на реализацию уголовной репрессии.

Институт прекращения уголовного дела в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан (далее — УПК РТ)² зиждется на единстве реабилитирующих и нереабилитирующих оснований. Л. М. Володина, формулируя сущность прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, делает вывод, что данный институт является системой правовых норм, регламентирующих основания, условия и порядок окончания производства по уголовному делу в специфической форме без вынесения приговора. Применение нереабилитирующих оснований означает, что лицо, виновное в совершении преступления, в силу наличия определенных обстоятельств, предусмотрен-

¹ О Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018—2028 гг.: указ Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 г. № 1005. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35835910 (дата обращения: 07.02.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (в действ. ред.) // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия». URL: <http://www.adlia.tj> (дата обращения: 07.02.2022).

ных законом, может быть освобождено от уголовной ответственности [2]. Мы согласны с А. Д. Смыром, который считает, что «термин „основание“ применительно к правовому институту прекращения уголовного дела и уголовного преследования имеет свою специфическую окраску, означающую „юридическую формулу“, в сжатом виде отражающую сущность, причину, в связи с которой лицо освобождается от уголовной ответственности» [3, с. 13]. Такое понимание, справедливо подчеркивает автор, позволяет отграничить данную категорию от «фактического основания принятия решения о прекращении уголовного дела», образованного системой собранных доказательств [3, с. 13].

В законодательстве Таджикистана существует система оснований прекращения уголовных дел, формирующаяся из положений ч. 1 ст. 234 УПК РТ (основания, указанные в ст. 27, 28 УПК РТ, при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления), а также ст. 432 УПК РТ, выделяющих особые основания прекращения дел в отношении несовершеннолетних. Кроме того, абз. 1 ч. 1 ст. 445 УПК РТ позволяет решать вопрос о прекращении уголовного дела в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. Остановимся на рассмотрении общих уголовно-процессуальных характеристик оснований и условий прекращения уголовных дел, не касаясь темы освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних и вопросов окончания предварительного следствия в отношении лиц, страдающих психическим расстройством, поскольку эти институты требуют отдельного анализа норм УПК РТ.

Уголовно-процессуальный закон позволяет провести градацию оснований прекращения уголовных дел на стадии предварительного расследования на группы, близкие по содержанию норм и юридическим последствиям окончания предварительного расследования. Во-первых, это основания, определяющие, что преступление не имело место вообще — при отсутствии события преступления либо при отсутствии в деянии признаков состава преступления, указанного в Особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее — УК РТ)¹, т. е. в случаях, предусмотренных абз. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РТ. Сюда же, с определенным допущением, должно относиться и решение о прекра-

щении уголовного дела при декриминализации деяний, что предусматривается ч. 1 ст. 13 УК РТ. О таком прекращении производства уголовного дела прямо говорится в ч. 4 ст. 27 УПК РТ. Безусловно, на момент начала уголовного судопроизводства деяние признается преступлением, однако юридические последствия применения данного основания «роднят» его с положениями абз. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РТ — во всех трех случаях исключается дальнейшее производство именно ввиду того, что деяние нельзя рассматривать как преступление.

Вторая группа оснований допускает прекращение уголовного дела при наличии определенных обстоятельств (специфических юридических фактов, как о них пишет А. Д. Смыр [3, с. 52—54]), дающих возможность исключить производство по делу (при истечении срока давности, применении акта об амнистии, в отношении умершего лица), что предписывают абз. 3, 4 и 7 ч. 1 ст. 27 УПК РТ. В этот блок, видимо, можно отнести и прекращение уголовного дела в связи с невозможностью расследования событий, касающихся действий граждан, в отношении которых полномочные органы вынесли неотмененные постановления о прекращении уголовного дела либо отказе в возбуждении уголовного дела по тому же факту, а также в связи с наличием вступившего в силу приговора суда по тому же обвинению (абз. 8 и 9 ч. 1 ст. 27 УПК РТ).

Третья объединяющая группа оснований — это прекращение уголовного дела с освобождением лица от уголовной ответственности (в связи с раскаянием в совершенном, примирением с потерпевшим и возмещением причиненного вреда, изменением обстановки), предусмотренное ст. 28 УПК РТ. Данные основания объединяют некоторые условия для прекращения уголовного дела, которые в совокупности с различными формами позитивного посткриминального поведения позволяют принять решение о нецелесообразности назначения уголовного наказания виновному лицу. Именно по указанному признаку — особого проявления позитивного постпреступного поведения — к этой группе следует отнести и специальный вид освобождения от уголовной ответственности, когда закон ориентирует на необходимость прекращения дела в случае установления обстоятельств, предусмотренных конкретной статьей Особенной части УК РТ (ч. 2 ст. 72 УК РТ). Примечания к данным статьям содержат регламентацию конкретной модели постпреступного поведения лица, проявление которой позволяет освободить его от уголовной ответственности.

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (в действ. ред.) // Централизованный банк правовой информации Республики Таджикистан «Адлия». URL: <http://www.adlia.tj> (дата обращения: 07.02.2022).

Отдельным основанием абз. 2 ч. 1 ст. 234 УПК РФ определяет возможность прекращения уголовного дела при недоказанности участия подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления.

Прежде чем осветить условия прекращения уголовного дела применительно к каждой обозначенной нами группе, необходимо кратко определиться с указанным термином. Считаем, прав А. Д. Смир, полагающий, что это «закрепленные в соответствующих статьях Общей и Особенной частей уголовно-процессуального закона обстоятельства, наличие которых позволяет правоприменителю принять решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования» [3, с. 13]. Данные обстоятельства устанавливаются совокупностью надлежаще собранных, должным образом проверенных и оцененных доказательств. Несколько иначе трактует данный термин О. В. Волынская: «Условия прекращения уголовного дела — это явления, факты, обстоятельства, сопутствующие принятию решения о прекращении уголовного дела» [4, с. 117]. Полагаем, что условия не просто «сопутствуют» принятию решения, они являются необходимой предпосылкой его принятия — без этих обстоятельств данное решение невозможно. По сути, подобное понимание вытекает и из традиционного толкования термина «условия» в русском языке: «обстоятельство, от которого что-нибудь зависит», «данные, требования, из которых следует исходить»¹. Именно по этой причине подход А. Д. Смира видится нам более предпочтительным.

Проанализируем отдельные основания прекращения уголовного дела. Условием для принятия такого решения при отсутствии события преступления являются обстоятельства, свидетельствующие о том, что уголовная ответственность не может быть реализована. Отсутствие события означает отсутствие деяния как такового, например: смерть человека от естественных причин; несчастный случай, повлекший причинение телесных повреждений, не связанный с действиями других лиц; умышленные действия самого пострадавшего (самоубийство, нанесение вреда своему здоровью, неосторожное обращение с огнестрельным оружием, взрывчатыми веществами); заблуждение заявителя относительно какого-либо юридического факта; заведомо ложный донос о преступлении, например с целью получения страхового возмещения.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33352> (дата обращения: 20.01.2022).

Условие для принятия решения при отсутствии в деянии состава преступления образуют уголовный и процессуальный аспекты. Понятие элементов состава преступления дано в общей части УК РФ, и отсутствие одного из них и есть процессуальное условие для применения положений абз. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Оба основания, предусмотренные абз. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, носят реабилитирующий характер, играя важную роль в реализации уголовной политики государства, ориентированной на недопущение «незаконного ограничения права и безосновательных преследований по уголовному делу»². Вместе с тем эти основания «не являются — с точки зрения оценки фактических обстоятельств, лежащих в их основе, и возможных последствий — тождественными основаниями прекращения уголовного дела и поэтому не могут подменять друг друга»³. Практическая значимость разграничения рассматриваемых положений выражается в том, что при отсутствии в деянии состава преступления не исключается возможность привлечения лица к иному виду ответственности, в том числе дисциплинарной, позволяющей применять нормы трудового законодательства. Своеобразным выходом для разрешения конкуренции обозначенных оснований могло бы быть разъяснение Генеральной прокуратурой Республики Таджикистан понятий «отсутствие события преступления» и «отсутствие признаков состава преступления» и классификация конкретных условий для применения соответствующего основания при вынесении постановления о прекращении уголовного дела. В частности, обоснованно ли использовать абз. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в случае неустановления конкретного лица, когда отсутствует один из элементов, содержащих признаки состава преступления? Думается, что положительное официальное толкование этого условия позволило бы ориентировать должностных

² О Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018—2028 гг..

³ По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. И. Тихомоловой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2021 г. № 13-П. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104160011> (дата обращения: 30.01.2022).

лиц правоохранительных органов на правильное применение закона.

Одним из условий для прекращения уголовного дела при отсутствии в деянии состава преступления, исходя из действующего законодательства, служит декриминализация. Собственно, это явление, когда было начато производство о событии, которое на момент возбуждения уголовного дела признавалось законодателем преступным, а новый закон устранил преступность деяния. Вытекает ли из данного условия, что наступает реабилитация? Безусловно, нет, так как ч. 5 ст. 461 УПК РФ определяет, что правила возмещения вреда при прекращении уголовного дела по основанию абз. 2 ч. 1 ст. 461 УПК РФ при принятии закона, устраняющего уголовную ответственность, не применяются. Создается противоречие: преступления нет, но нет и условия возникновения права на возмещение вреда. Существующий механизм такого нормативного регулирования несколько сложен и не исключает двоякого понимания. Раз декриминализация не влечет реабилитацию, то необходимо устранить данную нечеткость нормативной регламентации: на законодательном уровне образовать самостоятельное основание прекращения уголовного дела. Для этого, на наш взгляд, требуется изменить содержание ч. 4 ст. 27 УПК РФ, представив ее в следующем виде: «4. В случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость деяния были устранены новым законом, производство по уголовному делу подлежит прекращению с освобождением лица от уголовной ответственности в связи с вступлением в силу нового закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния.»

Определяющим условием освобождения лица от уголовной ответственности при истечении срока давности привлечения к уголовной ответственности является его отношение к решению о прекращении уголовного дела по данному основанию. Часть 3 ст. 27 УПК РФ не допускает прекращения дела, если обвиняемый против этого возражает. Лицо, осуществляющее досудебное производство, после разъяснения уголовно-правовых последствий прекращения дела обязано выяснить, согласен ли подозреваемый (обвиняемый) с принятием такого решения. Другим материально-правовым условием такого освобождения являются конкретные сроки давности, предусмотренные ч. 1 ст. 75 УК РФ. В то же время допускается исчислять давность заново, если тем же лицом совершено новое умышленное преступление, за исключением деяний небольшой тяжести. Отметим, что в рос-

сийском законодательстве такой порядок исчисления сроков отсутствует.

Уголовный закон предусматривает приостановление течения сроков давности на период уклонения лица, вовлеченного в досудебное производство, от следствия. На наш взгляд, под уклонением следует понимать любые умышленные действия с целью избежать уголовной ответственности, а также бездействие, выразившееся в неинформировании компетентных лиц о невозможности прибытия в орган расследования по объективным причинам (например, помещение в стационарное лечебное учреждение, призыв на военную службу, направление в длительную командировку, экспедицию, помещение в спецучреждение за совершение административного проступка и т. п.). А. М. Крепышев так трактует уклонение: «Скрывшимся от следствия и суда признается лицо, которое, являясь *подозреваемым* или обвиняемым в совершении преступления, предпринимает действия, направленные на то, чтобы избежать задержания, что обуславливает необходимость проведения его розыска правоохранительными органами. Именно *такое поведение виновного свидетельствует о повышенной опасности его личности и приостанавливает течение срока давности* (курсив наш. — Ш. А.)» [5, с. 355]. Обосновывая нашу позицию с точки зрения законодательства, необходимо сослаться на абз. 2 ч. 1 ст. 230 УПК РФ, из которого следует, что одним из оснований, препятствующих продолжению и окончанию предварительного следствия, служит случай, когда обвиняемый скрылся от следствия или суда, либо когда по иным причинам не установлено его местонахождение. В соответствии с ч. 2 ст. 232 УПК РФ розыск обвиняемого может быть объявлен как во время предварительного следствия, так и одновременно с приостановлением производства по делу. Думается, что нельзя ограничиваться только рамками розыскного дела при исчислении срока уклонения от расследования, иначе злостно уклоняющиеся от следствия лица могут быть «незаслуженно» освобождены от ответственности. Следует различать юридическое и фактически значимое уклонение от следствия. Основанием прекращения розыскного дела является обнаружение местонахождения разыскиваемого лица, но если оно продолжает игнорировать явку к месту расследования, то такое поведение свидетельствует о продолжении уклонения.

Возникает также вопрос: уклоняться от проведения следственных действий и иных мероприятий может только обвиняемый? Закон об этом ничего не говорит. Согласно ч. 1 ст. 46 УПК РФ одним

из самых ранних этапов появления в уголовном процессе подозреваемого является принятие решения о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, следовательно, с этого момента подозреваемый вовлечен в производство и уже не может произвольно решать вопрос о своем свободном перемещении. По нашему мнению, было бы рационально для предотвращения споров в определении наступления срока давности укрепить позиции второго условия освобождения по данному основанию — дополнить ст. 32 УПК РТ отдельной частью второй следующего содержания: «2. В случае нарушения подозреваемым или обвиняемым данных ими обязательств являться по вызову органа, ведущего уголовное судопроизводство, и сообщать о перемене места жительства, а также условий примененной к нему меры пресечения, либо объявления обвиняемого в розыск, течение срока давности приостанавливается.».

Далее проанализируем основание, предусмотренное п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РТ. В Республике Таджикистан законы об амнистии принимались нижней палатой Парламента и затем подписывались Президентом страны Эмомали Рахмоном. Так, последний Закон Республики Таджикистан «Об амнистии» от 7 сентября 2021 г. № 1803 принят в честь 30-летия Государственной независимости Республики¹. Принятие этих законов и является главным условием прекращения уголовных дел на основании абз. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РТ. Исходя из текста Постановления об амнистии, составленного Палатой представителей, а также документа о порядке ее применения, следователь определяет возможность реализации статей этого закона на стадии предварительного расследования и делает ссылку на конкретные нормы при вынесении постановления о прекращении дела.

Следует обратить внимание, что в каждом акте амнистии указывается обязательным условием ее применения к лицам, совершившим экономические преступления, полное возмещение причиненного ущерба. Это обстоятельство является дополнительным условием, требующим своей фиксации в материалах дела в виде справки, свидетельствующей о погашении задолженности. Прекращение дела по исследуемому основанию также требует согласия лица на применение к нему акта об амнистии — и это обязательное условие.

Что касается основания, предусмотренного абз. 7 ч. 1 ст. 27 УПК РТ, то условием прекращения уголовного дела является факт смерти человека, и это событие должно быть либо установлено достоверно свидетельством о смерти, выдаваемым государственным органом, либо зафиксировано в решении суда об объявлении гражданина умершим. Другим условием должно служить обстоятельство, когда вина покойного в совершении преступления доказана и не требуется продолжать производство для установления его невиновности.

В. А. Лазарева и Ю. О. Максимихина подтверждают необходимость соблюдения данного условия: «В случае смерти подсудимого рассмотрение уголовного дела происходит в отсутствие субъекта, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Конституционное же право на охрану достоинства личности распространяется не только на период жизни человека, оно обязывает государство создавать правовые гарантии для защиты чести и доброго имени умершего. В целях реализации этого права необходимо обеспечение близким родственникам умершего доступа к правосудию и судебной защиты» [6, с. 113].

На наш взгляд, данное условие будет соблюдено в следующих случаях: умершее лицо в ходе досудебного производства имело статус подозреваемого или обвиняемого, допрошено в этом качестве в присутствии защитника и полностью признало свою вину в совершенном преступлении. Если же у лица было иное правовое положение либо оно свою вину отрицало, но в деле имеется достаточно доказательств, требующихся для вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, то необходимо ознакомить с имеющимися в деле материалами одного из его совершеннолетних близких родственников и выяснить, нет ли возражений против прекращения уголовного дела в отношении умершего. Письменно оформленное согласие будет означать выполнение предусмотренного УПК РТ условия. Помимо этого считаем, что формулировка, указанная в абз. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РТ, недостаточно четко обозначает, какой умерший имеется в виду. Для обеспечения непротиворечивого нормативного регулирования следует анализировать абзац изложить в следующей редакции: «— в отношении умершего лица, подлежащего уголовному преследованию» и далее — по тексту.

Условием прекращения уголовного дела по абз. 8 и 9 ч. 1 ст. 27 УПК РТ является наличие вступившего в законную силу приговора суда по тому же обвинению, судебного постановления о прекращении уголовного дела по тому же основанию; а также

¹ Закон Республики Таджикистан от 7 сентября 2021 г. № 1803 «Об амнистии». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32285393 (дата обращения: 07.02.2022).

должным образом заверенные: постановление о прекращении уголовного дела, вынесенное органом уголовного преследования, и постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Прекращать уголовные дела по этим основаниям приходится, как правило, из-за отсутствия слаженности между различными правоохранительными органами (например, когда заявление потерпевшими поданы и в милицию, и в прокуратуру или орган дознания отказал в возбуждении уголовного дела и материал находится на проверке в надзорном органе, а следователь, не зная об этом, возбудил уголовное дело). Главное правило для применения указанного основания — в соблюдении тождественности событий в предыдущем деле и идентичности последствий (материальный ущерб, количество и характер телесных повреждений у пострадавшего и т. п.).

При принятии решения о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным в абз. 1—3 ч. 1 ст. 28 УПК РТ (раскаяние в совершенном, примирение с потерпевшим и возмещение причиненного вреда, изменения обстановки), необходимо выполнить три обязательных условия освобождения от уголовной ответственности: преступления должны быть небольшой и средней тяжести, совершены впервые и подозреваемый или обвиняемый полностью соглашается с таким прекращением. Ввиду универсального характера этих условий для рассматриваемой группы оснований прекращения уголовного дела их обоснованно именуют общими условиями [3, с. 178].

Категории преступлений указаны в ст. 18 УК РТ, где они разделены в зависимости от характера и степени общественной опасности. К небольшой тяжести относятся умышленные преступления, максимальное наказание за которые не превышает двух лет лишения свободы, и неосторожные деяния, если наказание за них не превышает пять лет лишения свободы. Преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых наказание не превышает пяти лет лишения свободы, и все остальные преступления, совершенные по неосторожности.

Совершение преступления впервые по уголовному законодательству Таджикистана означает отсутствие судимости вообще либо отсутствие рецидива преступлений. Часть 4 ст. 21 УК РТ не позволяет учитывать судимость за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет, а также погашенную и снятую судимость в порядке ст. 84 УК РТ. Таким образом, юридически несудимые участники уголовного процесса могут подпадать

под действие ст. 28 УПК РТ. Лицо, вовлеченное в досудебное производство, должно добровольно согласиться на прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию, предусмотренному ст. 29—31 УПК РТ. Л. В. Черепанова, говоря о выборе решения этими лицами, поясняет: «Подозреваемый (обвиняемый), соглашаясь с прекращением уголовного дела в отношении него по нереабилитирующим основаниям, избегая уголовно-правового наказания, негативных последствий судимости, добровольно отказывается от своего права на справедливое судебное разбирательство и соглашается со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями» [7, с. 139]. И еще одно общее условие: посткриминальное поведение освобожденных от уголовной ответственности лиц должно быть позитивное, что может выражаться в различных формах, индивидуализированных для каждого из оснований прекращения уголовного дела.

Раскаяние от совершенного — это деятельное раскаяние, которое в первую очередь означает полное признание вины в содеянном, активное содействие раскрытию преступления и помощь в сборе доказательственной базы по выявлению лиц, причастных к преступлению. Это предусматривает и заглаживание нанесенного морального вреда путем принесения извинений, желательно публично, возможно и в средствах СМИ, интернет-пространстве. При условии, если потерпевший или его законный представитель не желают примириться с лицом, совершившим преступление, возмещение материального ущерба требует проведения оплаты в денежном эквиваленте или в натуральном виде в счет погашения предъявленного или возможного гражданского иска, что должно быть зафиксировано в материалах дела участниками, осуществляющими уголовное преследование.

Условием разрешения конфликтной ситуации и прекращения уголовного дела на основании ст. 30 УПК РТ является примирение потерпевшего и обвиняемого с одновременным возмещением вреда. Соответствующим образом может возмещаться любой причиненный вред (имущественный, физический, моральный). С заявлением о прекращении дела может обратиться не только сам потерпевший, но и его законный представитель. И еще одно, на наш взгляд, важное условие — прекращаться по данному основанию могут только такие дела, где преступные действия направлены непосредственно против потерпевшего и его прав. При двубъектных составах последствия преступления, связанные с основным объектом, не устраняются,

следовательно, дела в таких случаях по основанию примирения сторон прекращены быть не могут.

Условиями прекращения дела в связи с изменением обстановки служат два фактора: утрата общественной опасности лицом, совершившим преступление, и потеря определенной опасности самого деяния. Конечно, общественная опасность личности — понятие, скорее, криминологическое в плане дальнейших рисков поведения, но с процессуальной точки зрения должно быть доказано, что лицо утратило такую опасность, которая была ему присуща на момент совершения преступления, и эти обстоятельства дают право обоснованно предполагать, что виновное лицо потеряло эту общественную опасность. К ним могут относиться: призыв на военную службу, вступление в брак с потерпевшей, тяжелая болезнь (например, онкологическое заболевание, постковидные изменения и т. д.), истечение не менее половины срока давности привлечения к уголовной ответственности за преступления средней тяжести при удовлетворительном поведении лица. Обстоятельства потери общественной опасности деяния, думается, должны учиты-

ваться при изменении социально-экономических и иных условий жизни общества (экономические реформы, внесение законопроектов, оптимизирующих уголовную ответственность, прекращение режима чрезвычайной ситуации), изменении подходов государства к решению той или иной проблемы (отдельные правительственные решения, касающиеся создания определенных льгот, изменение соответствующего отраслевого законодательства при действии бланкетной уголовно-правовой нормы, либерализация правового режима предмета преступления).

Таким образом, проведенный нами в настоящей статье анализ некоторых оснований прекращения уголовного дела по УПК РФ позволяет прийти к выводу о целесообразности дальнейшего совершенствования нормативной регламентации правового института прекращения уголовного дела в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан. Предложенные нами варианты норм могут быть использованы для разработки соответствующего законопроекта.

---

1. Рахмаджонзода Р. Р. Уголовно-процессуальная политика Республики Таджикистан // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 4 (95). С. 104—115.

2. Володина Л. М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 74—79.

3. Смыр А. Д. Модернизация оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования в законодательстве Российской Федерации и Республики Абхазия: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019. 241 с.

4. Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования (теоретические и организационно-правовые проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. 462 с.

5. Крепышев А. М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Доклады Башкирского университета. 2017. Т. 2, № 2. С. 353—359.

6. Лазарева В. А., Максимихина Ю. О. Практика прекращения уголовного дела и уголовного преследования в связи со смертью подсудимого // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 2 (28). С. 111—115.

---

1. Rakhmadzhonzoda R. R. Criminal procedural policy of the Republic of Tajikistan. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 104—115, 2020. (In Russ.)

2. Volodina L. M. New problems of termination of criminal cases on non-rehabilitating grounds. Judicial power and criminal process, 74—79, 2017. (In Russ.)

3. Smyr A. D. Modernization of the grounds for termination of a criminal case and criminal prosecution in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Abkhazia. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2019: 241. (In Russ.)

4. Volynskaya O. V. Termination of a criminal case and criminal prosecution (theoretical and organizational and legal problems). Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2007: 462. (In Russ.)

5. Krepyshev A. M. Exemption from criminal liability in connection with the expiration of the statute of limitations. Reports of the Bashkir University, 353—359, 2017. (In Russ.)

6. Lazareva V. A., Maksimikhina Yu. O. The practice of terminating a criminal case and criminal prosecution in connection with the death of the defendant. Vector of Science of Togliatti State University, 111—115, 2014. (In Russ.)

7. Черепанова Л. В. О новом нереабилитирующем основании прекращения уголовного дела (уголовного преследования) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 1 (36). С. 138—141.

Азимзода Шухрат Джурамурод,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
sazimzoda@mail.ru

7. Cherepanova L. V. On a new non-rehabilitating basis for terminating a criminal case (criminal prosecution). Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 138—141, 2019. (In Russ.)

Azimzoda Shukhrat Juramurod,
associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
sazimzoda@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.04.2022; одобрена после рецензирования 19.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 13.04.2022; approved after reviewing 19.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

***

УДК 343.9

doi: 10.25724/VAMVD.JJJJ

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ,
СВЯЗАННОЙ С ОКАЗАНИЕМ УСЛУГ
ПО УПРАВЛЕНИЮ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ**

Виктория Алексеевна Аммалайнен

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

Ammalayne@yandex.ru

Аннотация: Несовершенство сферы жилищно-коммунального хозяйства привело к обострению криминогенной обстановки в данной области общественных отношений, которая входит в число социально ориентированных отраслей экономики и является весьма уязвимой для различных противоправных посягательств. Жилищно-коммунальное хозяйство состоит из комплекса подотраслей, призванных обеспечить условия нормальной жизнедеятельности населения и функционирования городских структур. Одним из ключевых направлений жилищно-коммунального хозяйства выступает оказание услуг по управлению многоквартирными домами. Это новый незащищенный вид экономической деятельности, связанный с трудностью установления круга потерпевших, владельца денежных средств и ущерба, возникающего при их нецелевом расходовании. Цель исследования — рассмотреть статистические показатели, отражающие уровень преступности в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами, определить ее тенденции и закономерности. Это позволит спрогнозировать криминогенную ситуацию в данной сфере, выработать систему мер предупреждения и профилактики соответствующих видов уголовно наказуемых деяний.

Ключевые слова: хищения, преступность, статистика, динамика, многоквартирный дом, услуги, управление, жилищно-коммунальное хозяйство

Для цитирования: Аммалайнен В. А. Современное состояние преступности, связанной с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 90—95. doi: 10.25724/VAMVD.JJJJ

**THE CURRENT STATE OF CRIME
RELATED TO THE PROVISION OF SERVICES
FOR THE MANAGEMENT OF APARTMENT BUILDINGS**

Victoria Alekseevna Ammalainen

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

Ammalayne@yandex.ru

Abstract. The imperfection of the housing and communal services sector has led to an aggravation of the criminogenic situation in this area of public relations. This sphere is one of the most socially oriented branches of the economy, very vulnerable to various illegal encroachments. Housing and communal services consists of a complex of sub-sectors designed to provide conditions for the normal functioning of the population and the functioning of urban structures. One of the key areas of housing and communal services is the provision of services for the management of apartment buildings. This direction is a new unprotected type of economic activity, due to the difficulty of establishing the circle of victims, the owner of funds and the damage caused by their misuse. The purpose of the research is to consider statistical indicators reflecting the official crime rate in the provision of services for the management of apartment buildings and to determine its trends and patterns. This will make it possible to predict in more detail the criminogenic situation in this area, to determine the system of measures for the prevention and prevention of relevant types of criminally punishable acts. This scientific work is based on statistical and analytical information of the Prosecutor's Office of the Russian Federation and the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia from 2017 to 2021.

Keywords: embezzlement, crime, statistics, dynamics, apartment building, services, management, housing and communal services

For citation: Ammalainen V. A. The current state of crime related to the provision of services for the management of apartment buildings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 90—95, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.JJJJ

Преступления, совершаемые в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами, представляют повышенную опасность, поскольку несут в себе угрозу как непосредственному объекту — праву собственности, так и иным охраняемым законом общественным отношениям — жизни и здоровью людей, общественной безопасности, экономическому развитию страны.

Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному собранию Российской Федерации 20 февраля 2019 г. в ходе рассмотрения проблемы, связанной с жилищно-коммунальным хозяйством (далее — ЖКХ), отметил, что «люди должны видеть, за что они платят немалые деньги и какие реальные изменения происходят. Нужно навести порядок в этой сфере, избавиться от мутных структур, которые не несут никакой ответственности, а только получают сверхприбыли»¹.

Сфера ЖКХ уязвима для различных противоправных посягательств. Например, нарушения в работе предприятий, осуществляющих техническое обслуживание многоквартирных домов, с учетом климатических особенностей России потенциально могут привести к гуманитарным катастрофам, которые способны создать угрозу жизни и здоровью значительного числа людей, подорвать стабильность в государстве и доверие народа к власти.

Большое количество денежных средств поступает в сферу оказания услуг по управлению многоквартирными домами из различных бюджетов, включая денежные средства, зачисляемые от населения в качестве оплаты за оказанные жилищно-коммунальные услуги. Часто это сопряжено с недостаточным уровнем контроля за их расходованием, что привлекает внимание преступников.

Сфера услуг по управлению многоквартирными домами — новый вид экономической деятельности, не защищенный по причине трудности установления круга потерпевших, владельца денежных средств и ущерба, возникающего в результате их нецелевого расходования. Увеличение последнего причиняет не только имущественный ущерб поставщикам услуг, но и моральный вред собственникам

жилья, дезорганизует работу государства и общества по созданию комфортной и безопасной среды для проживания граждан. Вред от нецелевого расходования денежных средств руководителями организаций, обслуживающих жилые дома, сложен по своей структуре и определению.

Преступления, совершаемые в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами, различны, имеют свои особенности, качественные и количественные характеристики.

Преобладающее число преступлений в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами это хищения (мошенничество, присвоение, растрата). Как правило, они совершаются руководителями управляющих компаний, товариществ собственников жилья. Одним из способов хищения денежных средств является составление фиктивных договоров подряда без фактического выполнения работ. Сложность в выявлении такого рода преступлений возникает в связи с тем, что имеет место проблема ненадлежащего контроля за данной сферой из-за ее объема и качества фактически выполненных работ, кроме того, деятельность по управлению средствами жильцов нередко осуществляется вопреки законодательству и целевому назначению. Распространена практика необоснованных расходов, которые не подтверждаются документально.

В соответствии с данными, размещенными на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, в России было начислено (предъявлено) жилищно-коммунальных платежей населению в 2010 г. — 1 384,3 млрд руб., в 2015 г. — 2 126,6 млрд руб., в 2016 г. — 2 337,4 млрд руб., в 2017 г. — 2 501,1 млрд руб., в 2018 г. — 2 632,7 млрд руб.² Ежегодно Правительство Российской Федерации увеличивает жилищно-коммунальные платежи, и 2022 г. не стал исключением. Это связано в первую очередь с тем, что рост тарифов не может превышать уровня инфляции. Согласно информации с сайта Министерства экономического развития Российской Федерации предварительная оценка потребительской инфляции по итогам 2021 г. находилась на уровне 8,39 % г/г

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).

(на 12.01.2022), а на первой неделе 2022 г. (с 1 по 10 января) инфляция составила 0,56 %¹. В распоряжении Правительства Российской Федерации от 30 октября 2021 г. № 3073-р² прописано, что во втором полугодии 2022 г. индексация платы за коммунальные услуги будет варьироваться от 2,9 до 6,5 % в зависимости от субъекта Федерации.

Мониторинг средств массовой информации показал увеличение количества публикаций, касающихся протестной активности населения. Причинами прошедших акций среди прочего стали несогласие с действиями федеральных и региональных властей, повышение тарифов на услуги ЖКХ, точечная застройка городской инфраструктуры и т. д.

Граждане России проявляют больший интерес к ситуации в сфере услуг по управлению многоквартирными домами, чем к политическим и экономическим проблемам.

С учетом изложенного можно сказать, что сфера услуг по управлению многоквартирными домами, как и сфера ЖКХ, подвержена криминализации, в связи с этим нам важна статистическая база, которая позволит не только спрогнозировать развитие преступности, но и выработать систему мер по ее предупреждению и профилактике с использованием сил и средств оперативно-разыскной деятельности.

К сожалению, как свидетельствуют результаты проведенного исследования, официальная статистика не содержит полных данных обо всех видах совершаемых преступлений в рассматриваемой сфере. Здесь представлена информация об отдельных видах преступлений, совершаемых в сфере ЖКХ, связанных с экономической и коррупционной преступностью. Для анализа структуры экономической преступности необходимо обратиться к статистическим отчетам Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее — ГИАЦ МВД России) формы «5-БЭП», утвержденной приказом МВД России «О результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации» от 28 февраля 2012 г. № 134.

Рассмотрим данные, приведенные в диаграмме 1 (рис. 1), где показана динамика преступлений в сфере ЖКХ с 2017 по 2021 г. согласно сборникам Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О состоянии преступности в стране», подготовленным на основании формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС и ведомственного отчета МВД России формы 1-А. Несмотря на незначительный удельный вес рассматриваемых преступлений в общей структуре преступности по стране, они наносят существенный материальный ущерб. Проблема заключается в том, что раскрывается только 50 % зарегистрированных преступлений.

Как видно на рис. 1, динамика зарегистрированных преступлений в сфере ЖКХ нестабильна, характеризуется скачками. С 2017 по 2019 г. наблюдается положительная динамика, количество преступлений к 2019 г. снизилось до 1 710. В 2020 г. наблюдался незначительный рост числа анализируемых преступлений, а в 2021 г. по отношению к 2019 г. прирост составил 25,96 %. В 2019 г. снизилось количество выявленных в сфере ЖКХ преступлений на 12,5 %, но в 2020 г. произошел их рост на 16,5 %, что составило 1 993 преступления. Кратное увеличение таких деяний зафиксировано в г. Москве (в 3,5 раза, 357), Калужской области (в 4,9 раза, 39) и Удмуртской Республике (в 11 раз, 44)³.

Рассмотрим сведения о преступлениях экономической направленности, следствие по которым обязательно, выявленных подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации в приоритетных сферах экономической деятельности с 2017 по 2021 г.

¹ См.: Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).

² См.: Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/all/137241/> (дата обращения: 17.01.2022).

³ См.: О состоянии преступности в стране за январь — декабрь 2020 г.: сб. Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf> (дата обращения: 26.01.2022).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОРД

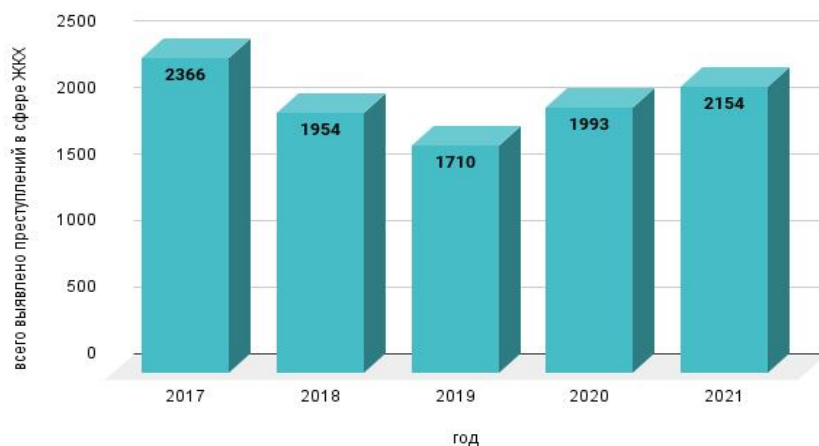

Рис. 1. Динамика преступлений в сфере ЖКХ

Таблица 1

Сведения о преступлениях экономической направленности, следствие по которым обязательно, выявленных подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации в приоритетных сферах экономической деятельности с 2017 по 2021 г.

Отчетный период	2017	2018	2019	2020	2021
Зарегистрировано преступлений в отчетном периоде	1 657	1 397	1 300	1 590	1 704
Против собственности	1 216	1 046	940	1 192	1 277
Мошенничество	571	495	478	940	905
В сфере экономической деятельности	64	56	42	44	27
Незаконное предпринимательство	33	23	13	19	15
Налоговые	1	3	4	2	2
Против государственной власти	211	168	239	230	271
Получение взятки	22	27	53	63	68
Дача взятки	9	4	25	26	21
Посредничество во взяточничестве	8	5	9	15	6
Предварительно расследовано	1 030	1 048	820	942	1 020
Совершенных группой лиц либо группой лиц по предварительному сговору	58	72	43	119	48
Совершенных организованной группой либо преступным сообществом (преступной организацией)	8	4	21	48	194
Направлены в суд	885	893	683	806	905
Размер причиненного ущерба (тыс. руб.)	3 317 465	5 529 574	2 636 226	1 953 113	1 583 177
Выявлено лиц, совершивших преступления	831	758	683	645	678

Из приведенных данных следует, что к 2021 г. значительно возросло число преступлений, совершенных организованной группой либо преступным сообществом (преступной организацией), показатель прироста в 2021 г. по отношению к 2020 г. составил 304,17 %, а к 2017 г. — 2 325 %. Напротив, размер причиненного ущерба в 2021 г. значительно меньше по сравнению с другими годами. Удельный вес взяточничества увеличивается, а если принять во внимание, что преступления в сфере ЖКХ имеют высокую латентность, то показатель выше в несколько раз.

За январь — февраль 2022 г. зарегистрировано 466 преступлений, связанных с ЖКХ (наибольший прирост в Ульяновской (500 %), Тамбовской (300 %) областях, Республике Крым (250 %)). Против собственности — 351 преступление, мошенничеств — 258, в сфере экономической деятельности — 9 (незаконное предпринимательство — 5, налоговые — 2). Расследовано в отчетном периоде 222 преступления. В суд направлено 212 уголовных дел. Выявлено лиц, совершивших преступления, — 105.

В 2013 г. начальник отдела Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Главного управления МВД России по Волгоградской области (далее — УЭБ и ПК ГУ МВД России по Волгоградской области) В. Чеботарев в своем выступлении отметил, что «в нашем регионе сто управляющих компаний, и руководство трети из них уже привлечено к уголовной ответственности. В этом году они украли свыше ста миллионов рублей, и если не остановить это воровство, то в один прекрасный день жители региона просто останутся без тепла и света, так как задолженность управляющих компаний перед ресурсоснабжающими организациями уже превышает четыре миллиарда рублей»¹. Данные слова были сказаны с целью обратить внимание на сферу ЖКХ. Фактически сразу после этого был сформирован первый в России 8-й отдел УЭБ и ПК ГУ МВД России по Волгоградской области, основной задачей которого стало выявление преступлений в сфере ЖКХ и строительства². Результаты работы названного подраз-

деления свидетельствуют о необходимости создания во всех субъектах Федерации аналогичных отделов (отделений) для повышения эффективности противодействия преступности в сфере ЖКХ, в том числе хищениям при оказании услуг по управлению многоквартирными домами. Неслучайно Генеральный прокурор Российской Федерации И. Краснов, 16 ноября 2021 г. выступая с докладом о состоянии законности в России и соблюдении социальных гарантий и прав граждан на пленарном заседании в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, отметил, что проведена значительная работа по поддержанию законности в сфере ЖКХ. Им был сделан особый акцент на том, что в Волгоградской, Саратовской областях и еще 15 регионах страны приняты меры к искоренению практики оказания предприятиями ЖКХ услуг по нерегулируемым ценам, неправомерному их утверждению органами местного самоуправления³.

Разумеется, официальная статистика чрезвычайно важна, однако следует принимать во внимание, что количество преступлений, совершаемых в сфере ЖКХ, иное. Соответственно, несправедливо делать вывод о стабилизации состояния преступности в общем и в сфере ЖКХ в частности, так как реальное число преступлений должно определяться не только исходя из данных, нашедших отражение в официальных документах, сюда же необходимо включать и те преступления, которые по факту совершены или совершаются, но правоохранительными органами еще не выявлены и не раскрыты.

Таким образом, можно констатировать, что преступность в сфере ЖКХ имеет отчетливый латентный характер. Причин сложившейся ситуации множество. Отрасль ЖКХ достаточно обширна, однако это не учитывается при сборе статистических данных: нет разделения на то, какие именно преступления совершаются (нет постатейного разделения); отсутствует отдельная информация о хищениях, связанных с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами; не наблюдается межведомственного взаимодействия с подразделениями правоохранительных и контролирующих органов, функционирующих на территории субъекта; нет должного материально-технического обеспечения и нормативно-правового регулирования оперативно-разыскной деятельности; в подразделениях

¹ См.: В Волгоградской области хищениями в сфере ЖКХ теперь занимается специальный отдел полиции. URL: https://www.1tv.ru/news/2013-11-27/54699-v_volgogradskoy_oblasti_hischeniyami_v_sfere_zhkh_teper_zanimaetsya_spe_tzialnyy_otdel_politsii (дата обращения: 26.01.2022).

² См.: Официальный сайт Главного управления МВД России по Волгоградской области. URL: <https://34.mvd.pf/> (дата обращения: 26.01.2022).

³ См.: Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения: 26.01.2022).

экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России не хватает квалифицированных кадров и т. д. Вместе с тем на правоохранительные органы, включая оперативные подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, возложена задача своевременного предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия соответствующих преступлений для обеспечения эффективной работы системы ЖКХ.

1. Гладких В. И., Казаков В. В., Шумов Р. Н. Противодействие преступлениям, совершаемым в жилищно-коммунальной сфере: моногр. Москва: Междунар. юрид. ин-т, 2011. 185 с.

2. Загайнов В. В., Кузнецов Е. В., Ступницкий А. Е., Загайнов В. В. Борьба с преступлениями экономической направленности, совершаемыми в сфере жилищно-коммунального хозяйства: учеб.-практ. пособие. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2015. 76 с.

3. Ступницкий А. Е. Особенности выявления хищений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4 (75). С. 81—93.

Аммалайнен Виктория Алексеевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
Ammalaynen@yandex.ru

В завершение отметим, что в настоящее время в России ЖКХ, в том числе оказание услуг по управлению многоквартирными домами, переживает кризис, что тормозит экономическое развитие и служит причиной роста социальной напряженности в государстве, тем самым нанося ущерб национальной безопасности России в целом.

1. Gladkikh V. I., Kazakov V. V., Shumov R. N. Countering crimes committed in the housing and communal sphere. Monograph. Moscow: International Law Institute; 2011: 185. (In Russ.).

2. Zagainov V. V., Kuznetsov E. V., Stupnitsky A. E. The fight against economic crimes committed in the sphere of housing and communal services. An educational and practical guide. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2015: 76. (In Russ.).

3. Stupnitsky A. E. Features of identification of thefts committed in the sphere of housing and communal services. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 81—93, 2015. (In Russ.).

Ammalainen Victoria Alexeevna,
associate adjunct of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
Ammalaynen@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2022; одобрена после рецензирования 14.03.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 02.03.2022; approved after reviewing 14.03.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.14

doi: 10.25724/VAMVD.KKKK

**ВОПРОСЫ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С РАССЛЕДОВАНИЕМ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Вячеслав Юрьевич Батурич*, Сергей Германович Еремин**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* v.u.baturin@yandex.ru; ** sg-eremin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам, возникающим у правоприменителя в процессе доказывания по уголовным делам, связанным с преступлениями экономической направленности. Авторы выявляют ряд особенностей данного процесса, связанных с использованием документов в качестве одного из основных источников доказательств, а также рассматривают специфику получения информации с электронных устройств. Предлагается алгоритм действий правоприменителя по изъятию и изучению документов в целях придания им формы доказательства и проведению осмотра информации на электронных устройствах в ходе производства отдельных следственных действий. В статье также обозначаются отдельные проблемы правоприменения в процессе расследования преступлений экономической направленности, такие как разграничение гражданско-правового спора и преступного деяния; сложности, возникающие при назначении и производстве разного вида судебных экспертиз; определение статуса лиц, участвовавших в рассматриваемых правоотношениях, в том числе вопросы установления точного размера причиненного преступлением ущерба.

Ключевые слова: доказывание, экономические преступления, предварительное расследование, документы, источники доказательств, финансово-хозяйственная деятельность

Для цитирования: Батурич В. Ю., Еремин С. Г. Вопросы процесса доказывания по уголовным делам, связанным с расследованием преступлений экономической направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 96—102. doi: 10.25724/VAMVD.KKKK

**SPECIFICATION OF PROVING PROCEDURE
ON CRIMINAL CASES RELATED TO ECONOMIC CRIMES**

Vyacheslav Yuryevich Baturin*, Sergey Germanovich Eremin**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,

Volgograd, Russia

* v.u.baturin@yandex.ru; ** sg-eremin@mail.ru

Abstract. The given article deals with issues a law enforcer faces while proving on criminal cases related to economic crimes. The author of the article analyzed the features while proving on criminal cases related to economic crimes, namely, using documents as one of the main sources of evidence in a criminal proceeding. Also the author examined specification of establishing the intent of a guilty person to commit a crime in a certain way as well as solving mechanism of committing such criminal actions. As a result of the analysis the author of the article offered the algorithm aimed at a comprehensive study, seizure of documents to give them the form of evidence and their usage in the examinations related to this category of crimes for a law enforcer. Also the authors of the article identified certain problems law enforcers face while investigating crimes related to economic crimes, such as: distinction between a civil law dispute and a criminal act; difficulties that appear while commissioning and making various kinds of examinations; determining the status of persons involved in these legal relations including problems to establish the exact damage caused by a crime to be committed. At the same time the author considers possible ways to solve a number of the mentioned problems.

Keywords: proving procedure, economic crimes, preliminary investigation, documents, sources of evidence, financial and economic activity

For citation: Baturin V. Yu., Eremin S. G. Specification of proving procedure on criminal cases related to economic crimes. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 96—102, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.KKKK

Отношения, складывающиеся в экономической сфере, являются базисом для жизнедеятельности общества и государства, при этом любые негативные тенденции в данной сфере могут отрицательно влиять как на их функционирование, так и на дальнейшее развитие. В связи с этим одной из основных задач государства будет формирование уголовно-правовой политики в указанной области с учетом современных реалий и имеющихся преступных звеньев. В то же время даже ведущие мировые эксперты отмечают крайне низкую защищенность экономических процессов в России [1].

Невысокая эффективность противодействия экономической преступности может объясняться следующими обстоятельствами:

— участвовавшее в последнее время внесение изменений в законодательство, регулирующие рассматриваемые отношения (уголовное и уголовно-процессуальное законодательство);

— отсутствие единообразных методических рекомендаций по расследованию экономических преступлений, которые бы учитывали сложившуюся судебную и следственную практики;

— сложность процесса доказывания по уголовным делам, вызывающая множество проблем у правоприменителя.

Вопросы, относящиеся к процессу доказывания по делам экономической направленности, всегда возникали и были актуальными среди ученых, занимающихся данной проблемой. Накопленный опыт и современные реалии, в которых совершаются такие преступления, послужили стимулом к реформированию уголовно-процессуального законодательства и вместе с тем вызвали интерес исследователей к указанной области.

В юридической литературе до сих пор нет единства взглядов на категорию «доказательства». В уголовно-процессуальном законодательстве, а именно в ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), содержится дефиниция, трактующая доказательства как сведения, позволяющие определить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Одной из главных отличительных черт рассматриваемой категории дел является то, что в качестве основных доказательств выступают документы, причем, по мнению И. В. Александрова, особенность заключается именно в правильном их использовании [2, с. 200]. На наш взгляд, точнее было бы говорить о процедуре облачения их в форму доказа-

тельств, что в большей степени актуально для правоприменителей на стадии возбуждения уголовного дела ввиду встречающихся на практике нарушений при изъятии документов, касающихся финансово-хозяйственной деятельности организаций.

К другой особенности доказывания можно отнести трудности, возникающие при установлении вины лица, совершившего преступление экономической направленности, в форме умысла определенным способом и раскрытии механизма тех преступных действий, которые использовались лицом, подозреваемым в совершении такого преступления.

Под умыслом следует понимать субъективное (психическое) отношение лица к совершенному им преступлению, то, насколько оно осознавало общественную опасность в совершении им противоправного деяния и какие последствия могли наступить. Для доказывания умысла по рассматриваемой категории дел целесообразно привлекать специалиста в области бухгалтерского и налогового учета. В связи с тем что экономического и финансового учета как разновидностей учета не существует, этот пробел нужно восполнить, так как данная категория документов часто встречается в деятельности организаций.

Помощь специалистов востребована и в процессе обыска или выемки, проводимых при расследовании преступлений экономической направленности. С их участием проводится беглое «сканирование», т. е. документы быстро просматриваются в целях оказания помощи следователю (дознавателю), не обладающему достаточным уровнем знаний в этой области — в изъятии только тех документов, которые имеют «погрешности» финансового характера, свидетельствующие о явных или скрытых следах преступления. Привлечение такого рода специалистов становится необходимым, поскольку статистика раскрытия экономических преступлений неутешительна. Следует согласиться с видением указанной проблемы И. В. Александровым, который объясняет отсутствие высокого процента «своевременного» раскрытия преступлений такой категории тем, что «почти треть уголовных дел возвращалась на дополнительное расследование из-за недоброкачественного исследования и использования документов» [2, с. 202]. К такому выводу автор пришел довольно давно, однако он актуален и в настоящее время.

В общей динамике преступлений деяния экономической направленности имеют тенденцию к повышению. Так, за период с 2017 г. по 2021 г. число экономических преступлений увеличилось на 10,7 %. Всего выявлено 117,7 тыс. преступлений данной

категории, их удельный вес в общем числе зарегистрированных составил 9,5 % (рис. 1). Материальный ущерб от указанных преступлений

(по окончанным и приостановленным уголовным делам) — 101,6 млрд руб.

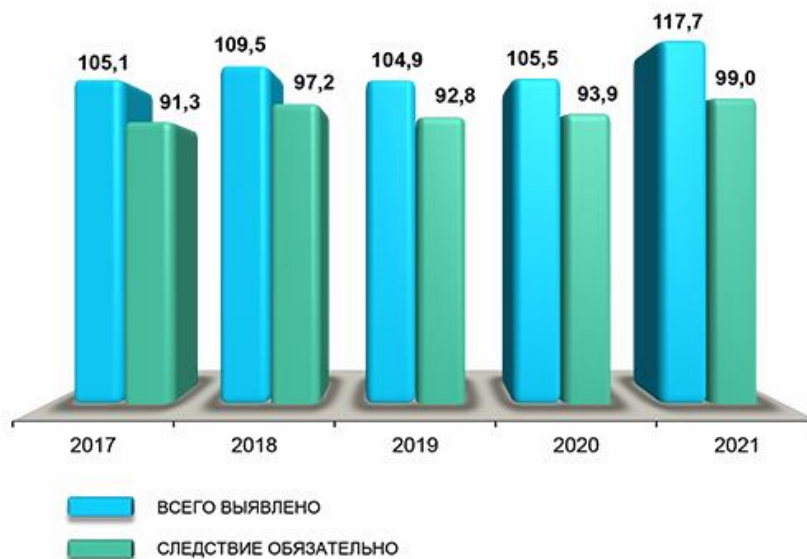

Рис. 1. Динамика преступлений экономической направленности¹

Только за 2021 г. на дополнительное расследование по преступлениям экономической направленности было возвращено 6,3 % уголовных дел². Причинами такого возврата стали также ошибки при составлении документов. На несовершенство существующего уголовно-правового механизма расследования уголовных дел о преступлениях экономической направленности указывает и В. Б. Шерстнев [3].

При анализе процесса совершения рассматриваемой категории преступлений улавливается следующая закономерность: как бы злоумышленники ни готовились к совершению преступного деяния, скрывая или вуалируя его, следы их противоправной деятельности неминуемо найдут свое отражение, как в подлинных, так и в сфальсифицированных документах. Сказанное свидетельствует о важности для правоприменителя тщательного изучения документов при расследовании. Данная процедура должна иметь несколько составляющих: правильное определение разновидностей документов, содержащих сведения, необходимые для расследования,

а также соблюдение процедуры изъятия, осмотра и приобщения их к материалам уголовного дела, т. е. придания им формы доказательства.

Особое внимание при расследовании преступлений экономической направленности следует обращать на такое следственное действие, как осмотр изъятых предметов и документов. В процессе такого осмотра проводится анализ, который рекомендуется строить следующим образом:

- 1) документы оцениваются формально, проверяется наличие реквизитов (выясняется, нет ли среди них сомнительных);
- 2) сравниваются документы, содержащие аналогичные операции;
- 3) проводится сравнение документов, в которых имеются различные составляющие одной операции;
- 4) анализируются расчетные операции в рамках финансово-хозяйственной деятельности организации.

После проведения процедуры изъятия документы рекомендуется осматривать в определенной последовательности: изначально это документы, подтверждающие прием лица в качестве работника, далее это внутренние локальные документы работодателя, содержащие сведения обо всех перемещениях его сотрудников, которые гипотетически могли бы быть причастны к совершению преступления. Следующим видом документов, которые необходимо изъять следователю (дознавателю), —

¹ См.: Официальный сайт министерства Внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 21.01.2022).

² См.: Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 21.01.2022).

документы, содержащие различные формы отчетности, такие как выписки по расчетному счету, отчетность «1С: Бухгалтерия», позволяющие визировать перемещение денежных средств, после чего необходимо обратиться к осмотру первичной документации по кассовым операциям — приходные и расходные ордера, журнал их регистрации, кассовая книга и платежные ведомости.

При осмотре финансовых документов и документов, подтверждающих трудоустройство работников, следует не только выявлять недочеты технического характера, но и акцентировать внимание на подлогах интеллектуального характера, что в последнее время особенно распространено при совершении преступлений экономической направленности.

Отметим, что сегодня наряду с бумажными особую актуальность имеют электронные документы, в которых в том числе содержится информация о финансово-хозяйственной деятельности организации. В связи с этим остановимся на проблемных вопросах, возникающих в ходе изъятия такого рода документов.

Особую сложность представляет процедура получения и осмотра информации с изъятых электронных устройств (ноутбуков, моноблоков, планшетов, мобильных устройств и т. д.), что обусловлено существующими средствами защиты электронной информации, позволяющими ее либо удалить, либо зашифровать. В отдельных случаях при проведении следственных действий правоприменитель вообще лишен возможности копирования информации с электронных устройств, так как требуются специальные средства, которые у следователя (дознателя) или у привлеченного специалиста могут отсутствовать. Соответственно, в этих случаях будет утрачена информация, которая могла быть использована в качестве доказательства, что может негативно сказаться на ходе расследования.

Один из путей решения обозначенной проблемы предложил в своем исследовании Е. И. Свежинцев [4, с. 148—150], который указал на необходимость предоставления правоприменителю возможности проведения в ходе производства таких следственных действий, как осмотр места происшествия, выемка и обыск, полноценный осмотр электронных устройств, в том числе имеющейся на них информации, в целях недопущения ее дальнейшей утраты.

В то же время нельзя согласиться с тезисом Е. И. Свежинцева о том, что нет необходимости получения судебного решения при осмотре мобильного устройства. Здесь стоит уточнить, что мы разделяем понятия компьютерной техники и мобильного устройства, которые автор объединил в единую

категорию «мобильное электронное устройство». По нашему мнению, осмотр именно мобильного телефона возможен только по судебному решению, так как могут быть изъяты сведения о переписке и телефонных переговорах гражданина с другими лицами, которые имеют особый режим охранения в связи с тем, что затрагиваются конституционные права граждан. В остальном же считаем указанный Е. И. Свежинцевым путь решения проблемы получения электронной информации весьма перспективным и продуктивным для эффективного расследования различных видов преступлений, особенно экономической направленности, что обусловлено ведением бухгалтерского учета в электронном документообороте.

Следующую интересную особенность доказывания данного вида преступлений хотелось бы раскрыть через изучение обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Так, в п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ предусмотрено, что одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию, является событие преступления, включающее место, время, способ и иные обстоятельства его совершения. Указанные составляющие преступления обуславливают специфику предмета доказывания по уголовным делам экономической направленности. Законодатель не ограничился исчерпывающим перечнем составляющих для доказывания события преступления, включив такое оценочное понятие, как «другие обстоятельства». И это не случайно и объясняется тем, что у правоприменителя возникает возможность определять их самостоятельно, основываясь на внутреннем убеждении и принадлежности к совершенному преступлению. Под внутренним убеждением принято понимать такое состояние чувств и сознания правоприменителя, при котором он считает все собранные доказательства достаточными и безошибочно проверенными относительно причастности виновного лица, уверен в правильности сделанных им выводов и готов к принятию решений.

Соответственно, предмет доказывания различен для каждого из преступлений экономической направленности. И все имеющиеся в ст. 73 УПК РФ обстоятельства должны входить в предмет доказывания по каждому уголовному делу и устанавливаться с учетом специфики данного рода преступлений. С таким утверждением согласны многие авторы [5, с. 20].

Процесс доказывания по уголовным делам, связанным с расследованием преступлений экономической направленности, может быть представлен поэтапно.

Первый этап, направленный на формирование доказательств, должен завершаться аргументированным предположением о том, что в действиях лица, совершившего преступление, усматривается состав преступления. Только состав преступления и образует ту цель, на достижение которой направлены усилия субъектов доказывания. Иначе говоря, уполномоченное лицо должно принять решение о начале расследования.

Второй этап формирования доказательств связан с производством следственных действий после возбуждения уголовного дела. В данном случае речь идет о следственных действиях, ограничивающих конституционные права и свободы граждан. Для их производства следователь (дознатель) должен предоставить судье такую совокупность фактических данных, которые убедят судью в обоснованности подозрения конкретного лица в совершении преступления.

Третий этап связан с достижением стандарта «высокой степени вероятности», т. е. стандарта совокупности доказательств, которые позволяют делать вывод о возможности предъявления лицу обвинения и убеждают следователя (дознателя) в том, что при отсутствии их опровержения обвинительный приговор будет вынесен с высокой степенью вероятности [6, с. 11].

Необходимо констатировать, что в настоящее время на досудебных стадиях уголовного судопроизводства при расследовании преступлений экономической направленности формирование доказательств в окончательном виде не может реализовываться, таким образом, доказательства, представленные следователем (дознателем) в материалах уголовного дела, являются лишь фактическим (исходным) материалом для формирования доказательств в суде.

Отметим, что анализируемые проблемные аспекты по преступлениям экономической направленности, безусловно, негативным образом отражаются на процессе доказывания, но в то же время нельзя не отметить тот факт, что среди ученых нет единства мнений даже относительно самого предмета доказывания. Изучение различных источников в рамках рассматриваемой темы свидетельствует о том, что позиции авторов расходятся даже в терминологии. Некоторые говорят об «обстоятельствах, подлежащих доказыванию и выявлению» [7, с. 89], другие — о «предмете и пределах доказывания при расследовании» [1, с. 14]. Например, В. А. Лазарева пишет: «Предмет доказывания по уголовному делу — это совокупность имеющих значение для правильного разрешения уголовного

дела юридически значимых обстоятельств, которые нужно доказать или опровергнуть» [8, с. 302]. Данный факт отрицательно сказывается на понимании правоприменителями самого предмета доказывания, что приводит к путанице в процессе сбора необходимых доказательств в рамках уголовного дела.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что процесс доказывания по экономическим преступлениям отличается от других видов преступлений следующими особенностями и специфическими чертами.

1. Сложностью разграничения нерешенных гражданско-правовых отношений (спора) между физическими и юридическими лицами и деятельностью лиц, изначально направленной на хищение денежных средств и иных материальных благ в экономической сфере. Причем в правоприменительной деятельности возникают ситуации, когда гражданско-правовые споры квалифицируются как уголовные преступления или наоборот, что свидетельствует об отсутствии четкого алгоритма действий физических и юридических лиц, включающего в себя изначальные действия, предпринимаемые в гражданско-правовом порядке, после проведения которых может быть инициировано производство процессуальной проверки в уголовно-процессуальной сфере [9].

2. Следует признать, что в сложившейся правоприменительной практике России по данному виду преступлений следователям, дознавателям и органам дознания приходится анализировать огромное количество нормативных правовых актов различных отраслей права (причем иногда противоречащих друг другу) в целях правильной квалификации деяния, а также документов для поиска тех из них, которые содержат необходимую информацию для принятия итогового решения по делу.

3. Для установления предмета доказывания по рассматриваемым категориям преступлений необходимо устанавливать модели неправомерного поведения лица в зависимости от норм регулирующего законодательства и обстоятельств совершенных преступлений.

4. Выявлен специфический путь решения проблемы получения информации с электронных устройств, что позволяет обеспечить ее сохранность и возможность использования в качестве доказательства по уголовному делу.

5. При выявлении, раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности правоприменителям приходится испытывать существенное негативное воздействие и противодействие со стороны лиц, совершивших или причастных

к совершению преступлений, так как специфичность данного вида преступлений обуславливает применение имеющихся у правонарушителей средств давления и влияния на различные государственные структуры, что весьма негативно сказывается на ходе расследования и принятии итогового решения по делу.

В настоящее время наиболее актуально всестороннее и объективное изучение возникших в следственно-судебной практике проблем, имеющих отношение к доказыванию по уголовным делам экономической направленности, в целях адаптации для нужд уголовного процесса современных дос-

тижений научно-технического прогресса, формирования процессуальных норм и процедур, направленных на обеспечение достоверности и сохранности представляемой суду доказательственной информации, в особенности такой специфической ее разновидности, как электронная информация.

Выявленные в статье проблемы позволяют утверждать, что только их решение позволит сформировать основные положения системы противодействия экономическим преступлениям и положительным образом скажется на доказывании по уголовным делам, связанным с их расследованием.

---

1. Александров И. В. Криминалистические проблемы расследования экономических преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 14—17.

2. Александров И. В. Особенности доказывания при расследовании экономических преступлений // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 200—205.

3. Шерстнев В. Б. Оптимизация процедуры прекращения уголовного дела (преследования) в связи с возмещением ущерба в полном объеме // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1 (51). С. 103—105.

4. Свежинцев Е. И. Реализация права на доступ к информации в досудебном производстве по уголовным делам: монография / под ред. Е. А. Зайцевой. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 198 с.

5. Грачев С. А. Особенности доказывания по уголовным делам об экономических преступлениях на досудебных стадиях судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. 25 с.

6. Хмельницкая Т. В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 30 с.

7. Кручинина Н. В. О криминалистическом обеспечении расследования преступлений в сфере экономики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 5 (33). С. 76—89.

8. Лазарева В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие. Самара: Самарский университет, 2007. 303 с.

9. Лелетова М. В., Хмельницкая Т. В. К вопросу об особенностях формирования доказательств

---

1. Alexandrov I. V. Forensic problems in the investigation of economic crimes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 14—17, 2015. (In Russ.).

2. Alexandrov I. V. Features of proof in the investigation of economic crimes. Problems of strengthening the rule of law and law and order: science, practice, trends, 200—205, 2010. (In Russ.).

3. Sherstnev V. B. Optimization of the procedure for terminating a criminal case (prosecution) in connection with compensation for damage in full. Legal Science and Law Enforcement Practice, 103—105, 2020. (In Russ.).

4. Svezhintsev E. I. Realization of the right to access to information in pre-trial proceedings in criminal cases. Monograph. Ed. by E. A. Zaitseva. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2020: 198. (In Russ.).

5. Grachev S. A. Features of proof in criminal cases on economic crimes at the pre-trial stages of legal proceedings. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2001: 25. (In Russ.).

6. Khmel'nitskaya T. V. Problems of formation of evidence in the course of pre-trial proceedings in a criminal case. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2016: 30. (In Russ.).

7. Kruchinina N. V. On the forensic support of the investigation of crimes in the field of economics. Bulletin of the University named after O. E. Kutafin, 76—89, 2017. (In Russ.).

8. Lazareva V. A. Problems of proof in the modern criminal process in Russia. Textbook. Samara: Samara University; 2007: 303. (In Russ.).

9. Leletova M. V., Khmel'nitskaya T. V. On the issue of the features of the formation of evidence in the course of pre-trial proceedings in criminal

в ходе досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (80). С. 104—107.

Батурин Вячеслав Юрьевич,
начальник кафедры
тактико-специальной подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
v.u.baturin@yandex.ru

Еремин Сергей Германович,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
sg-eremin@mail.ru

cases on economic crimes. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 104—107, 2018. (In Russ.).

Baturin Vyacheslav Yuryevich,
head of the department
of special tactical training
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences,
associate professor;
v.u.baturin@yandex.ru

Eremin Sergey Germanovich,
professor at the preliminary investigation
department of the educational
and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
sg-eremin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.04.2022; одобрена после рецензирования 19.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 19.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.121(597)
doi: 10.25724/VAMVD.LLLL

**ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
НА СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОБВИНЯЕМОГО
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ ВЬЕТНАМА**

Буй Конг Фу

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
Buicongphut37@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассмотрен вопрос о влиянии международного права и уголовно-процессуального права зарубежных стран на становление правового положения обвиняемого в уголовно-процессуальном праве Вьетнама. Основываясь на изучении международного и уголовно-процессуального права зарубежных стран, конкретизации этих положений в Конституции Социалистической Республики Вьетнам 2013 г., автор проанализировал и оценил положения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс 2015 г. Применяя сравнительно-правовые методы исследования, автор приходит к закономерному выводу о том, что международно-правовые нормы и стандарты, регламентирующие различные аспекты правового статуса обвиняемого, нашли постепенное закрепление в Конституции, Уголовно-процессуальном кодексе и других законодательных актах Вьетнама. Становление правового положения обвиняемого в уголовном процессе находилось под влиянием не только международно-правовых норм и стандартов, но и уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран. Вместе с тем отмечается огромное влияние советской, а после распада СССР — российской модели уголовно-процессуального законодательства. В то же время автор оценил степень прогресса уголовного судопроизводства Социалистической Республики Вьетнам в части гарантий прав обвиняемого.

Ключевые слова: обвиняемый, правовое положение, уголовный процесс, международное право, Социалистическая Республика Вьетнам

Для цитирования: Буй Конг Фу. Влияние международного права и уголовно-процессуального права зарубежных стран на становление правового положения обвиняемого в уголовно-процессуальном праве Вьетнама // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 103—109. doi: 10.25724/VAMVD.LLLL

**INFLUENCE OF INTERNATIONAL LAW
AND THE CRIMINAL PROCEDURAL LAW
OF THE FOREIGN COUNTRIES ON THE FORMATION
OF THE LEGAL STATUS OF THE ACCUSED PERSON
IN THE CRIMINAL PROCEDURAL LAW OF VIETNAM**

Bui Cong Phu

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
Buicongphut37@gmail.com

Abstract. The article presents a review of international law and foreign criminal procedural law on the formation of the legal status of the accused in Vietnamese criminal procedural law. The author analyzed and evaluated the provisions amended into the Criminal Procedure Code of 2015 based on a study of human rights provisions in international law and the specification of these provisions in the Constitution of the Socialist Republic of Vietnam of 2013. Using comparative legal research methods, the author concludes that international legal norms and standards governing various aspects of the legal status of the accused have gradually been enshrined in the Vietnamese Constitution, Criminal Procedure Code, and other legislative acts. The formation of the accused's legal status in the criminal process was influenced not only by international legal norms and standards, but also by foreign criminal procedural laws. The USSR has had a massive influence, and after the collapse of the USSR, the Russian model of criminal procedure legislation has prevailed. At the same time, the author focused on progress that demonstrates the guarantees of the accused's rights in Vietnam's criminal process.

Keywords: accused person, legal status, criminal process, international law, the Socialist Republic of Vietnam

For citation: Bui Cong Phu. Influence of international law and the criminal procedural law of the foreign countries on the formation of the legal status of the accused person in the criminal procedural law of Vietnam. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 103—109, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.LLLL

Юридическая наука (в том числе уголовный процесс) во Вьетнаме развивается медленно по сравнению с другими науками и находится под влиянием множества различных юридических школ мира, в основном западных стран. Выделяется три вида влияния права зарубежных стран на вьетнамское право: «во-первых, влияние стороны влияния на принимающую сторону; во-вторых, активный прием принимающей стороной; и, наконец, влияние естественного влечения, поскольку людей часто притягивают друг к другу их собственные ценности» [1]. К примеру, в период французского колониального господства право и вьетнамская юридическая наука находились под влиянием права и французской правовой мысли. После обретения Вьетнамом независимости наблюдается «активный прием прогрессивных правовых идей» (как это показано в Декларации независимости президента Хо Ши Мина или в Конституции 1946 г.), а также естественная имплементация правовых ценностей через процесс сотрудничества в рамках правового обеспечения французского правительства.

Влияние школы естественного права на становление и отдельные аспекты правового положения обвиняемого в уголовном процессе Вьетнама

Школа естественного права в определенной степени повлияла на мысли вьетнамских строителей Конституции. Неслучайно президент Хо Ши Мин процитировал взгляды Томаса Джефферсона (Thomas Jefferson) — великого просветителя в истории освободительной борьбы американского народа и изложил их в Декларации независимости Вьетнама: «Все люди рождаются с равными правами. Они наделены их Творцом неотъемлемыми правами; к числу этих прав относятся право на жизнь, свободу и стремление к счастью»¹.

Проявления идеи естественного права можно найти во вьетнамских конституциях 1946, 1959 и 1980 г. в главах об основных правах и обязанностях граждан. Особенно в Конституции 1992 г., где впервые официально был использован термин «права человека». Конституция 1992 г. гласит: «В Социалистической Республике Вьетнам права человека в политике, гражданские, экономические,

культурные и социальные права соблюдаются, отражаются в правах граждан и регулируются, предусмотренные Конституцией и законом»². Конституция Вьетнама 2013 г. выделяет целую главу, признающую права человека, основные права и обязанности граждан, в которой утверждается: «В Социалистической Республике Вьетнам права человека, общественные права, политические, гражданские, экономические, культурные и социальные вопросы признаются, уважаются, охраняются и гарантируются в соответствии с Конституцией и законом. Права человека и права гражданина могут быть ограничены только в соответствии с законом в случае необходимости по соображениям обороны страны, безопасности, общественного порядка и безопасности, общественной нравственности или здоровья населения»³. Это отражает постепенное влияние естественного права, идеи естественного права на становление не только норм вьетнамского конституционного права, но и норм других отраслей права (в том числе уголовно-процессуального).

Влияние французского уголовно-процессуального права на становление правового положения обвиняемого в уголовном процессе Вьетнама

Рене Давид утверждал, что римско-германская юридическая семья распространилась по миру двумя способами: во-первых, после колониальных вторжений в страны континентальной Европы; во-вторых, путем добровольного присоединения из-за необходимости модернизации или стремления к вестернизации права стран, не являющихся колониями континентальной Европы [2, р. 22]. Таким образом, французское право, относящееся к романо-германской правовой семье, распространялось во Вьетнаме по первому пути — начиная с 1858 г. (французские и испанские войска начали применять силу для вторжения во Вьетнам) [3,

² Конституция Социалистической Республики Вьетнам 1992 г. Изд. Государственная политика, 1993. URL: https://moj.gov.vn/vbpq/Lists/Vn%20bn%20php%20lut/View_Detail.aspx?ItemID=11243 (дата обращения: 09.02.2022).

³ Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2013 г. // Офиц. газета. 2013. 29 дек. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phapnam-2013-215627.aspx> (дата обращения: 09.02.2022).

¹ Декларация независимости 1945 г. и Конституции Вьетнама. Ханой: Национальная политика, 2012. С. 1.

с. 481] до 1867 г. (французские войска завершили вторжение во все шесть южных провинций, превратив это место во французскую колонию), и окончательно до 1884 г. (мир, подписанный между Вьетнамом и Францией, привел к тому, что Вьетнам полностью утратил статус юридически независимой страны, став протекторатом Франции) [4, с. 433]. До этого во Вьетнаме существовала иная правовая система, правовая техника которой отличалась от романо-германской правовой семьи [5, с. 116]. Можно сказать, что до того, как Вьетнам был вынужден действовать по французскому законодательству, он следовал дальневосточной правовой традиции [6, с. 287].

В этом контексте уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама также находилось под влиянием французского уголовно-процессуального законодательства. Что касается влияния французского уголовно-процессуального права на становление правового положения обвиняемого, то анализ норм уголовно-процессуального кодекса Вьетнама показывает, что фигура обвиняемого в уголовном процессе в то время существовала, однако понятие обвиняемого определено не было. Некоторые права обвиняемого были закреплены — к примеру, право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, право ознакомиться с протоколом допроса, право обжаловать процессуальные решения компетентных лиц и органов и др.¹, что корреспондировалось с положениями французского кодекса уголовного расследования 1808 г.

Таким образом, следует сделать вывод о несомненности влияния французского уголовно-процессуального законодательства на становление правового положения обвиняемого относительно положений, касающихся прав обвиняемого в уголовно-процессуальном кодексе.

Влияние советского (российского) уголовно-процессуального права на становление правового положения обвиняемого в уголовном процессе Вьетнама

Влияние советской теории права на правовую систему и юридическую науку Вьетнама исторически очевидно. Влияние советского права на правовую систему Вьетнама обусловлено экономической, политической помощью и поддержкой, которую Советский Союз оказывал Вьетнаму в течение войны с Америкой и строительства социализма. Теоретические вопросы юридической науки Вьетнама находились под влиянием советской юриди-

ческой науки. Это выражается в учебниках юридических дисциплин, особенно публично-правовых, таких как административное, уголовное, уголовно-процессуальное право, в которых структура глав и разделов учебной программы и многое из содержания похожи на учебник бывшего советского права и современной России.

В 1959 г. Вьетнам изменил конституцию с демократическими особенностями на новую конституцию с советскими чертами. С этого момента имплементация советского права стала иметь место во Вьетнаме. Высказывалось мнение, что советское право влияет не только на юридическую науку, но и на вьетнамское право, прежде всего на вьетнамские конституции, начиная с Конституции 1959 г., Конституции 1960, 1980, 1992 г. Новая Конституция 2013 г. также находится под влиянием советской конституционной науки.

Что касается уголовного судопроизводства, здесь влияние советской модели уголовного процесса выражается в нормах, закрепляющих основные принципы уголовного судопроизводства; систему органов, уполномоченных осуществлять уголовный процесс, и участников уголовного судопроизводства; порядок осуществления определенной процессуальной деятельности и др.

Нормы, определяющие статус обвиняемого в уголовном процессе Советского Союза и Социалистической Республики Вьетнам (СРВ), имеют много общих черт. Так, в ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР 1960 г. дано следующее понятие обвиняемого: «Обвиняемым признается лицо, в отношении которого в установленном настоящим Кодексом порядке вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Обвиняемый, дело в отношении которого принято к производству судом, именуется подсудимым»². Данное положение обвиняемого потом воспроизводилось в ст. 34 УПК СРВ 1988 г. Похожие основные права обвиняемого наблюдались в УПК и РСФСР, и СРВ, такие как право знать, в чем обвиняемый обвиняется, право давать объяснения по предъявленному ему обвинению; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; приносить жалобы на действия и решения следователя, прокурора; защищать свои права и законные интересы лично либо с помощью защитника и т. д.

¹ См.: Законы Аннама. Ханой: Изд-во Донгзыонг, 1922. 473 с.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. URL: https://www.democracy.ru/library/laws/federal/up_kodex/page3.html (дата обращения: 09.02.2022).

Влияние международного права на становление правового положения обвиняемого в уголовном процессе Вьетнама

Одной из целей принятия нового УПК СРВ 2015 г. является приведение национального уголовно-процессуального законодательства в соответствие с признанными международным сообществом стандартами в области защиты прав и свобод человека и гражданина. Стоит отметить, что осуществление судебно-правовой реформы в СРВ с 2005 г., принятие нового УПК 2015 г., на наш взгляд, свидетельствует о заботе законодателя о правах и законных интересах всех участников уголовного процесса, в том числе обвиняемого. Попытка изменения уголовно-процессуального законодательства в последние годы во Вьетнаме приносит новое обновление, позволяющее приблизить вьетнамское уголовное судопроизводство к стандартам процесса демократических государств. В то же время следует согласиться с мнением о том, что «без такого реформирования трудно реализовать требования и рекомендации международно-правовых документов о соблюдении прав обвиняемого, других участников уголовного судопроизводства...» [7, с. 107].

Как известно, нормы международного права могут иметь различные формы выражения: международный договор, международно-правовой обычай, решение межгосударственной организации, если оно имеет, согласно уставу организации, обязательный характер (см.: [8]). Эти нормы в конечном счете влияют на становление и развитие внутреннего законодательства каждого государства, в том числе Вьетнама.

Нормы международно-правовых актов реализуются на национальном уровне законодательства, в первую очередь в Конституции. Впервые в Конституции СРВ 2013 г. разграничиваются понятия «права человека» и «права гражданина». Тот факт, что Конституция СРВ 2013 г. добавляет ряд новых прав человека и гражданина (в том числе в сфере уголовного судопроизводства), демонстрирует новый шаг в расширении и развитии прав человека в соответствии с международными стандартами и отражает результаты почти 30-летнего процесса перестройки в нашей стране. Признание этих новых прав полностью согласуется с международными договорами, подписанными Социалистической Республикой Вьетнам, что свидетельствует о растущем понимании прав человека и подтверждает твердую приверженность Вьетнама в области прав человека и их осуществления.

С 2014 по конец ноября 2019 г. Национальное Собрание внесло изменения, дополнения и обнародовало более 100 новых законов и постановлений, касающихся обеспечения прав человека и прав граждан в соответствии с Конституцией 2013 г. Среди них можно назвать основные и важные законы, такие как Уголовный кодекс 2015 г., Уголовно-процессуальный кодекс 2015 г., Закон о принудительном заключении под стражу и др. В 2019 г. Национальное Собрание продолжало принимать множество законов, касающихся прав человека и прав граждан, таких как Закон об исполнении наказаний, Трудовой кодекс, Закон о выезде и въезде вьетнамских граждан и т. д.

Содержание норм вышеуказанных международно-правовых актов в определенной степени нашло отражение во внутреннем законодательстве Социалистической Республики Вьетнам. В первую очередь они были закреплены в Конституции Вьетнама 2013 г. (ст. 14, 16, 19, 20 и др.)¹, в Уголовно-процессуальном кодексе Вьетнама и других законах, регулирующих отдельные аспекты уголовного судопроизводства.

Наиболее значимые международные стандарты защиты прав человека (в том числе обвиняемого), которые установлены во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах, нашли свое отражение в Конституции СРВ — Основном законе страны. Так, ст. 14 Конституции СРВ гласит, что «в Социалистической Республике Вьетнам права человека и права граждан в политической, гражданской, экономической, культурной и социальной областях признаются, уважаются, защищаются и гарантируются в соответствии с Конституцией и законом. Права человека и права граждан не могут быть ограничены, если это не предусмотрено законом, исключительно в случае необходимости по причинам национальной обороны, национальной безопасности, общественного порядка и безопасности, социальной морали и благополучия общества»².

Другие положения Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах впервые подробно конкретизируются в Конституции СРВ. К примеру, право на достойное обращение, запрет пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство обращения и наказания (ст. 5 Декларации и ст. 7

¹ См.: Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2013 г.

² Там же.

Международного пакта) реализовано в ст. 20 Конституции СРВ, согласно которой «каждый имеет право на неприкосновенность своего тела и на защиту законом его здоровья, чести и достоинства; никто не должен подвергаться пыткам, насилию, принуждению, телесным наказаниям или любой форме обращения, причиняющей вред его или ее телу и здоровью, или оскорбляющих его или ее честь и достоинство». Право каждого быть равным перед законом и судом (ст. 7 Декларации и ст. 14, 26 Международного пакта) закреплено в ст. 16 Конституции СРВ, которая гласит: «Все равны перед законом. Никто не подвергается дискриминации в политической, гражданской, экономической, культурной или социальной жизни». Указанные положения в дальнейшем закреплены в УПК СРВ в качестве принципа уголовного судопроизводства. Это принцип обеспечения права равенства перед законом (ст. 9 УПК СРВ), принцип неприкосновенности личности (ст. 10 УПК СРВ).

Другие основные права и свободы личности, такие как право на неприкосновенность жилища, право на жизнь и др., встречаются и в действующем Основном законе СРВ 2013 г. Кроме того, те стандарты, регламентирующие положение обвиняемого в уголовном процессе, найдены и в Конституции СРВ 2013 г., и в УПК СРВ 2015 г. Так, право на презумпцию невиновности (ст. 8, 11 Декларации и ст. 14 Международного пакта) закреплено в ч. 1 ст. 31 Конституции СРВ и ст. 13 УПК СРВ, согласно положениям которых «лицо, обвиняемое в совершении уголовного преступления, считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке и приговор суда не вступит в законную силу». Что касается права на судебную защиту, то это право закреплено в ч. 2 ст. 31 Конституции Вьетнама в такой форме: «Лицо, обвиняемое в совершении преступления, должно быть немедленно, объективно и публично рассмотрено судом в установленный срок». Согласно закону в случае закрытого судебного разбирательства решение должно быть обнародовано. Никто не может быть судим дважды за одно и то же преступление. Данные положения реализуются в УПК СРВ не только через принцип своевременного, справедливого, открытого рассмотрения дела судом, но и другие нормы, регламентирующие судебную стадию уголовного судопроизводства.

Право обвиняемого на достойное обращение, запрет пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих его достоинство обращение или наказание, гарантированное ст. 5 Декларации и ст. 7

Международного пакта, реализуется и в других законах, определяющих те или иные аспекты уголовного судопроизводства. Так, ст. 4 «Принципы осуществления временного задержания или содержания под стражей» Закона о временном задержании или содержании под стражей 2015 г. гласит, что обеспечивается гуманность, отсутствие пыток, принуждения, телесных наказаний и любых других форм обращения, ущемляющих законные права и интересы лица, содержащегося под стражей или временным задержанием¹. Кроме того, данный закон также включает стандарты ряда международных правовых актов, регулирующих обращение с лицами, обвиняемыми, находящимися под стражей, такие как Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, основные принципы обращения с заключенными, декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка.

В указанном законе сформулированы основные запреты при обращении с обвиняемыми, а именно:

— на применение пыток, принуждения, телесных наказаний и форм жестокого и негуманного обращения и наказания, а также унижения человеческого достоинства или иных форм ущемления законных прав и интересов лиц, содержащихся под стражей или задержанных;

— незаконное задержание или освобождение лиц, содержащихся под стражей, или временное задержание; нарушения в управлении, охране и конвоировании лиц, содержащихся под стражей или временным задержанием;

— препятствование лицам, содержащимся под стражей или задержанным, в осуществлении их прав на свидание, адвоката, консульский контакт, жалобу, донос, права человека и другие права и обязанности граждан согласно настоящему Закону и другим соответствующим законам;

— осуществление или организацию, возбуждение, подстрекательство, заманивание, соблазнение, помощь, сокрытие или принуждение других

¹ См.: Закон об опеке и задержании от 25 ноября 2015 г. № 94/2015/QH13. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thutuc-To-tung/Luat-thi-hanh-tam-giu-tam-giam-2015-298373.aspx> (дата обращения: 09.02.2022).

к совершению нарушения закона о принудительном применении временного задержания или содержания под стражей; мечь, посягательство на жизнь, здоровье, честь, достоинство или имущество других лиц при осуществлении временного задержания или содержания под стражей.

Как видим, все указанные международные стандарты, содержащиеся в международно-правовых актах, в настоящее время закрепляются в качестве принципов — основополагающих начал во вьетнамском уголовном судопроизводстве, что явно свидетельствует о существенном влиянии международного права на становление национального правового положения обвиняемого в уголовном процессе. Кроме того, постепенное совершенствование норм, регламентирующих статус обвиняемого, направлено на приведение норм уголовно-процессуального законодательства Вьетнама в соответствие с международными стандартами в области прав и свобод человека.

Следует также отметить, что процесс импле-

ментации международно-правовых норм во вьетнамское уголовно-процессуальное законодательство происходил достаточное длительное время. Некоторым принципам не было отведено место во вьетнамском уголовном судопроизводстве до принятия Конституции 2013 г.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, можно прийти к некоторым выводам:

1) международно-правовые нормы и стандарты, регламентирующие различные аспекты правового статуса обвиняемого, нашли постепенное закрепление в Конституции СРВ, УПК СРВ и других законодательных актах Вьетнама;

2) становление правового положения обвиняемого в уголовном процессе находилось под влиянием не только международно-правовых норм и стандартов, но и уголовно-процессуального права зарубежных стран. Вместе с тем отмечается огромное влияние советской, а после распада СССР — российской модели уголовно-процессуального права.

---

1. Влияние французской правовой традиции на вьетнамское право / А. Д. Раулен, Ж. П. Пасорель, К. Т. Чинь, Х. А. Нгуен. Ханой: Изд-во Ханойского национального университета, 2016.

2. Рене Д., Брайерли Дж. Э. К. Основные правовые системы в современном мире — введение в сравнительное изучение права. 2-е изд. Нью Йорк; Лондон; Торонто; Сидней; Токио; Сингапур: Свободная пресса, 1978.

3. Чан К. Ч. История Вьетнама. Генеральный издатель Хо Ши Мин, 2008.

4. Ву К. Т. Юридическая история Вьетнама. Сайгон, 1973.

5. Ву В. М. Древний закон Вьетнама. Т. 1. Сайгон, 1974.

6. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. 3-е изд. Оксфорд: Clarendon Press, 1998.

7. Махов В. Н. Соотношение функций прокурора по уголовному преследованию и надзору за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8. С. 103—107.

8. Тиунов О. И. Влияние международных договоров и международно-правовых обычаев на национальное законодательство // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2009. № 11. С. 269—286.

---

1. Raoulen A. D., Pasrorel J. P., Chin K. T., Nguyen H. A. Influence of the French legal tradition on Vietnamese law. Hanoi: Hanoi National University Press; 2016.

2. René D., Briyerley J. E. C. Major legal systems in the modern world — Introduction to the comparative study of law. 2nd ed. New York; London; Toronto; Sydney; Tokyo; Singapore: The Free Press; 1978.

3. Chan K. Ch. History of Vietnam. General publisher Ho Chi Minh; 2008.

4. Wu K. T. Legal history of Vietnam. Saigon; 1973.

5. Wu V. M. Ancient law of Vietnam. Vol. 1. Saigon; 1974.

6. Zweigert K., Koetz H. Introduction to comparative law. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press; 1998.

7. Makhov V. N. Ratio of the functions of the prosecutor for criminal prosecution and supervision of execution of laws by bodies making inquiry and preliminary investigation. Vestnik of the Moscow University of the Interior Ministry of Russia, 103—107, 2012. (In Russ.).

8. Tiunov O. I. Influence of international contracts and international legal customs on national legislation. Vestnik of the Russian State University for the Humanities. Series "Economics. Control. Right", 269—286, 2009. (In Russ.).

Буй Конг Фу,

аспирант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов;
Buicongphut37@gmail.com

Bui Cong Phu,

postgraduate student at the department
of the criminal law, criminal procedure
and criminalistics
of the Peoples' Friendship University of Russia;
Buicongphut37@gmail.com

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 23.03.2022; approved after reviewing 31.03.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.985.7:343.7

doi: 10.25724/VAMVD.MMMM

**УГОН ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА:
УГОЛОВНЫЙ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Николай Сергеевич Диденко**, *Любовь Владимировна Кокорева,
*Роман Александрович Кокорев******

* Ростовский юридический институт МВД России, Ростов, Россия, Nsd.1982@yandex.ru

** Московский областной филиал Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
Москва, Россия, kokoreva80@mail.ru

*** Московский областной филиал Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
Москва, Россия, kokoreva80@mail.ru

Аннотация. Рассматривая актуальные вопросы правоприменительной практики, в статье авторами проанализировано современное состояние расследования угонов транспортных средств; на основе обобщения научной литературы, уголовно-процессуального законодательства, практики его применения и других источников смоделированы оптимальные модели следственных ситуаций; разработан алгоритм по взаимодействию сотрудников правоохранительных органов; научно обоснованы предложения по дальнейшему совершенствованию расследования рассматриваемых преступлений. Авторы приходят к выводу, что проблема противодействия угонам транспортных средств актуальна практически для каждого региона Российской Федерации. Уяснение механизма проникновения в транспортное средство и последующих действий угонщика позволяет правильно определить мотив и умысел виновного. Накопленный в рассматриваемой области практический опыт свидетельствует о том, что только в результате слаженных и профессиональных действий всех сотрудников органа внутренних дел при организующей роли следователя или дознавателя возможна планомерная и результативная борьба с преступлениями данного вида.

Ключевые слова: угон, транспортное средство, типичные следственные ситуации, проблемы правоприменительной практики, криминалистическая характеристика, механизм преступления, взаимодействие, уголовно-правовая характеристика

Для цитирования: Диденко Н. С., Кокорева Л. В., Кокорев Р. А. Угон транспортного средства: уголовный, уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 110—116. doi: 10.25724/VAMVD.MMMM

**VEHICLE THEFT: CRIMINAL, CRIMINAL PROCEDURAL
AND CRIMINALISTIC ASPECTS**

Nikolay Sergeevich Didenko**, *Lyubov Vladimirovna Kokoreva***, *Roman Aleksandrovich Kokorev***

* Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov, Russia, Nsd.1982@yandex.ru

** Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, kokoreva80@mail.ru

*** Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, kokoreva80@mail.ru

Abstract. Considering topical issues of law enforcement practice, the authors analyzed the current state of the investigation of vehicle thefts in the article; based on the generalization of scientific literature, criminal procedure legislation, the practice of its application and other sources, the optimal models of investigative situations were modeled; an algorithm for the interaction of law enforcement officers was developed; proposals for further improvement of the investigation of the crimes in question were scientifically substantiated. It is concluded that the problem of countering vehicle theft is relevant for almost every region of the Russian Federation. The practical

experience accumulated in the field under consideration indicates that only as a result of coordinated and professional actions of all employees of the internal affairs body with the organizing role of the investigator (inquirer), a systematic and effective fight against crimes of this type is possible.

Keywords: hijacking, vehicle, typical investigative situations, problems of law enforcement practice, criminalistic characteristics, crime mechanism, interaction, criminal law characteristics

For citation: Didenko N. S., Kokoreva L. V., Kokorev R. A. Vehicle theft: criminal, criminal procedural and criminalistic aspects. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 110—116, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.MMMM

Деятельность по расследованию угонов транспортных средств занимает важное место в борьбе с преступными посягательствами на транспортные средства, количество которых ежегодно остается стабильным. Вопросы, связанные с раскрытием и расследованием неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон), отнесены к разным отраслям права и юридической науки (уголовно-процессуальное и уголовное право, криминалистика). Организация предварительного расследования обусловлена спецификой конкретного вида преступления, обстоятельствами события преступления и сложившейся следственной ситуацией.

В соответствии со ст. 166 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) угон — это неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения. Знание уголовно-правовой характеристики угона позволяет определить основные элементы рассматриваемого преступления, предмет доказывания по ним [1, с. 5]. Отметим, что отличительной чертой угона выступает кратковременное использование транспортного средства, в основном в целях удовлетворения заинтересованности в вождении.

Результаты проведенного в 2020—2021 гг. анализа практики Главного управления МВД России по Московской области, Главного управления МВД России по Ростовской области, управления МВД России по Смоленской области, управления МВД России по Приморскому краю по расследованию преступлений, предусмотренных ст. 166 УК РФ, обобщения научной литературы позволяют утверждать, что в правоприменительной практике выделяются три основных этапа, связанных с неправомерным завладением транспортного средства: непосредственное проникновение в автомобиль; нейтрализация (отключение и преодоление) действия противоугонных устройств, систем, комплексов; перемещение транспортного средства в другое место.

Уяснение механизма проникновения в транспортное средство и последующих действий угонщика позволяет правильно определить мотив

и умысел виновного¹. Как правило, подготовка к угону практически отсутствует. Невнимательность потерпевшего, а зачастую и халатное отношение к противоугонным мерам способствуют совершению рассматриваемых преступлений.

Соккрытие следов преступления, так же как и подготовка к его совершению, для угонов транспортных средств, не связанных с хищением, не является обязательным элементом.

Угон транспортных средств из гаража или иного обособленного и специального помещения для его хранения скорее исключение, чем закономерность для неправомерного завладения, поскольку в такой ситуации требуются дополнительные усилия, связанные с преодолением преграды, что говорит об определенной целенаправленности действий преступника, а не о внезапно возникшем мотиве. Такие действия характерны именно для хищения транспортного средства, а не для угона, но не исключаются и иногда встречаются в следственной и судебной практике.

Неоценимую помощь следователю (дознавателю) в своевременности раскрытия и дальнейшего расследования указанных преступлений оказывают знания, полученные в ходе рассмотрения следующих следственных ситуаций.

Так, при проверке сообщения о преступлении следственная ситуация в наибольшей степени зависит от содержания первичных материалов. Угон не является исключением. Одним из основных факторов, определяющих содержание складывающейся ситуации, выступают источники получения первоначальных сведений о событии угона.

Анализ материалов правоприменительной практики позволяет утверждать, что информация об угоне может поступить в правоохранительные органы посредством личного обращения заявителя (ситуация 1), при обнаружении транспортного средства (ситуация 2). Чаще всего встречаются случаи,

¹ См.: Мусеилов А. Г. Особенности квалификации и расследования хищений автотранспортных средств. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/44174-osobennosti-kvalifikacii-rassledovaniya-khishhenij-avtomototransportnykh-sredstv> (дата обращения: 28.04.2022).

когда именно потерпевший обращается с заявлением об угоне [1, с. 18].

В данных ситуациях действия сотрудников полиции направлены на установление оснований для возбуждения уголовного дела. Выясняется событие преступления. На этом этапе очень важным представляется получение подробной информации о том, что конкретно имело место: кража транспортного средства или его угон. Необходимо принять меры к исключению инсценировки угона в целях получения страховки.

Традиционными версиями по ситуации 1 являются: 1) угон автомобиля или транспортного средства (информация подтверждается осмотром места происшествия, а также результатами опроса заявителя, который надлежащим образом не позаботился об охранной сигнализации, забыл закрыть транспортное средство и т. д.); 2) кража автомобиля или транспортного средства (подтвердить данную версию возможно материалами осмотра места происшествия, объяснениями очевидцев, видеосъемкой с камер наблюдения и др.); 3) угона не было (заявитель заблуждается либо инсценирует преступление по различным причинам). Отметим, что последняя версия очень редко выдвигается лицом, производящим проверку. Причинами выступает желание получить страховку или скрыть факт совершения дорожно-транспортного происшествия.

При обнаружении транспортного средства (ситуация 2) версии выдвигаются от наличия или отсутствия информации о лице, совершившем угон. Наибольшую сложность представляют ситуации, когда личность угонщика неизвестна. В данном случае версии носят общий характер.

При получении информации о лице, совершившем угон, наиболее традиционными выступают следующие версии о задержанном водителе: он является владельцем транспортного средства, а документы не взял по различным причинам (забыл, спешил, потерял, остались в другой одежде и др.); он не имеет водительских прав, но пользуется транспортным средством с разрешения владельца либо без его разрешения, находясь с ним в родственных или приятельских отношениях; он действительно совершил угон либо кражу.

По мнению ученых, доказывание того, что задержанным совершена именно кража, а не угон, представляет значительные трудности, которые обусловлены, скорее, не субъективными, а объективными причинами [2]. Как правило, задержанные утверждают, что умысла на тайное хищение не имели, а неправомерно завладели автомоби-

лем или иным транспортным средством в целях удовлетворения заинтересованности в вождении.

Свои особенности имеются и на *первоначальном этапе расследования угона* транспортного средства. Очень важную роль играет своевременное взаимодействие следователя (дознателя) с другими подразделениями органов внутренних дел [2; 3, с. 178].

Первый этап взаимодействия, как правило, начинается с момента поступления в правоохранительные органы заявления об угоне. На место происшествия направляется дежурная следственно-оперативная группа (СОГ). Руководство СОГ возлагается на следователя (дознателя), который по прибытии на место происшествия обязан наиболее рационально организовать взаимодействие всех ее участников.

Отметим, что информация об угоне транспортного средства проверяется в соответствии с уголовно-процессуальным законом и ведомственными нормативными правовыми актами¹.

Наиболее типичными следственными ситуациями выступают следующие: обнаружен автомобиль или транспортное средство, известно лицо, совершившее угон (ситуация 1); обнаружен автомобиль или транспортное средство, лицо, совершившее угон, неизвестно (ситуация 2); не обнаружен автомобиль или транспортное средство, лицо, совершившее угон, неизвестно (ситуация 3); лицо, совершившее угон, было задержано после совершения преступления при сбыте похищенных из транспортного средства вещей, принадлежащих потерпевшему (ситуация 4).

Для *ситуации 1* характерны две разновидности: а) угонщик задержан в похищенном транспортном средстве; б) угонщик задержан во время преступления в момент проникновения.

В целях установления умысла и выявления следов преступления при ситуации 1 производится осмотр места происшествия для выявления и закрепления следов преступной деятельности. Например, изъятие следов пальцев на рулевом колесе, микрочастиц в салоне транспортного средства, обнаружение орудий преступления. Одновременно проводится личный обыск задержан-

¹ См.: Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 (ред. от 09.10.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ного подозреваемого, чтобы найти ключи от иных транспортных средств, орудия и следы преступления, а также изымаются образцы для сравнительного исследования. Кроме того, осуществляется освидетельствование подозреваемого в целях обнаружения следов преступления, телесных повреждений (к примеру, характерных следов ожога пальцев рук при соединении проводов зажигания). Допрос подозреваемого производится в кратчайшие сроки после возбуждения уголовного дела, тактические особенности которого подробно изложены в криминалистической литературе.

Главной целью при следственной *ситуации 2* является установление угонщика. В правоприменительной практике встречаются две ее разновидности¹:

1. Транспортное средство обнаружено на месте его оставления угонщиком (на заброшенных стройках, в лесопосадках, оврагах и т. п.). В данном случае целесообразно привлечение кинолога со служебно-разыскной собакой. Найденные при этом следы, микрочастицы и предметы незамедлительно направляются на экспертизу. Принимаются меры по установлению очевидцев, которые могли видеть лицо, покинувшее место происшествия. Следует составить примерную (предполагаемую) схему движения данного транспортного средства от места угона до места обнаружения, установить наличие фотовидеофиксирующей аппаратуры (камеры наружного наблюдения и т. п.) по данному маршруту, просмотреть информацию, содержащуюся на носителях, на предмет фиксации данного транспортного средства, времени, места его движения, возможности назначения портретной экспертизы и идентификации водителя (угонщика).

2. Факт подделки документов или перебития номеров устанавливается при постановке угнанного транспортного средства на учет в ГИБДД. Основными задачами являются установление законного владельца автомашины и преступника, поскольку, как правило, лица, ставящие автомашину на учет, выступают в качестве добросовестных покупателей.

В *ситуации 3* расследование и раскрытие осуществляется по двум направлениям — поиск транспортного средства и выявление лиц, совершивших угон. Для этого необходимо: отправить на место происшествия сотрудника полиции для охраны места происшествия до приезда СОГ, своевременно осуществлять координацию действий

остальных нарядов и служб органов внутренних дел; передать ориентировку о розыске транспортного средства; определить возможные направления движения транспортного средства; дать поручение на обследование тупиков, заброшенных мест, установление очевидцев преступления (в основном это могут быть владельцы транспортных средств, припаркованных рядом с местом преступления; владельцы собак; дворники); в необходимых случаях привлечь общественность через средства массовой информации; своевременно назначить судебные экспертизы; проверить криминалистические учеты; постоянно отслеживать поступающую информацию, на основе которой корректировать работу задействованных подразделений и служб. Район поисков не ограничивается территорией совершения преступления. Если с момента угона транспортного средства прошло не более одного часа, оценивается возможность введения плана поисково-заградительных мероприятий.

Ситуация 4 с позиций процесса доказывания представляет наибольшую сложность в правоприменительной практике. Следует установить причинную связь между изъятыми у задержанного предметами (вещами) и исчезновением их из угнанного транспортного средства.

Доказать причастность такого лица к совершению угона исключительно сложно, поскольку задержанный заявляет, что не знает о том, что вещи из похищенного транспортного средства. Либо он их нашел, либо его попросил знакомый продать принадлежащие последнему предметы или вещи [1, с. 25—26].

Второй этап взаимодействия начинается, когда работа на месте совершения преступления не принесла ожидаемых результатов. После возвращения с места происшествия следователь (дознатель) обязан оставаться руководителем и координатором деятельности всех сотрудников, участвующих в розыске транспортного средства и угонщиков (если уголовное дело осталось в его производстве). Совместно с представителями других служб территориального органа разрабатывается план следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, в котором наряду с производством предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) проверочных и первоначальных следственных действий надлежит уделить особое внимание проверке оперативно-разыскной информации.

Следователь (дознатель) вправе координировать деятельность сотрудников территориаль-

¹ См.: Мусеибов А. Г. Указ. соч.

ных органов путем вынесения поручений о производстве отдельных следственных действий [4]. В целях получения достаточных данных для принятия законного решения следователь (дознатель) письменно направляет руководителям структурных подразделений, а при их отсутствии непосредственно начальнику территориального органа поручение о выполнении мероприятий. К примеру, о проверке шиномонтажных сервисов и станций технического обслуживания транспортных средств, а также постоянно действующих и стихийно возникших стоянок на предмет обнаружения угнанного транспортного средства либо его деталей; информировании сотрудников частных охранных предприятий, несущих службу около гостиниц, магазинов, спортивных учреждений, работников автозаправочных станций о приметах угнанного транспортного средства; проверке показаний владельца транспортного средства путем опроса его родственников и знакомых на предмет обнаружения признаков дачи ложных показаний об обстоятельствах угона транспортного средства или о ложном сообщении об угоне; и др. Для детализации имевшейся первоначальной информации могут направляться повторные, более конкретные поручения. О выполнении поручений следователь (дознатель) должен своевременно и письменно информироваться (с приложением подтверждающих документов).

Третий этап взаимодействия начинается с момента приостановления производства по уголовному делу. Данное взаимодействие зависит от основания приостановления производства по уголовному делу. В части 1 ст. 208 УПК РФ указано четыре: в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, когда подозреваемый (обвиняемый) скрылся от следствия, его место нахождения не установлено по другим причинам или оно известно, однако отсутствует реальная возможность его участия в уголовном деле, в случае временного тяжелого заболевания указанных лиц, задержанных в предварительном расследовании, препятствующего их участию в следственных и иных процессуальных действиях (удостоверенного медицинским заключением).

По данным статистики, количество приостановленных производств по уголовным делам данной категории преступлений каждый год уменьшается. Вместе с тем, как правило, основанием для приостановления производства по уголовному делу является неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1

ст. 208 УПК РФ). Так, в 2018 г. согласно п. 1 ч. 1 указанной статьи приостановлено производство по 4 282 уголовным делам, по п. 2 — по 226 уголовным делам, по п. 3 — по 85 уголовным делам и по п. 4 — по 20 уголовным делам; в 2019 г. — 4 017, 243, 35 и 12 уголовных дел; в 2020 г. — 3 087, 197, 89 и 17 уголовных дел; в 2021 г. — 2 223, 174, 39 и 17 уголовных дел соответственно.

В соответствии со ст. 209 и ч. 1 ст. 223 УПК РФ следователь (дознатель) после приостановления предварительного расследования уполномочен предпринять меры, направленные на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (подозреваемого), при этом производство следственных действий запрещено (ч. 3 ст. 209 УПК РФ). Более того, как справедливо указала М. С. Егорова [5, с. 171—180], производство ранее инициированных следственных действий (например, производство судебной экспертизы) должно быть прекращено. По нашему мнению, сказанное можно отнести и к производству таких следственных действий, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку (ст. 185 УПК РФ), а также контроль и запись переговоров (ст. 186.1 УПК РФ). Применение такой меры принуждения, как наложение ареста на имущество, также имеет свои ограничения (ч. 2 ст. 115.1 УПК РФ).

В связи со сказанным деятельность упомянутых властных субъектов уголовного судопроизводства специфична. В случае приостановления предварительного следствия в связи с розыском подозреваемого или обвиняемого законодатель в ст. 210 УПК РФ достаточно детально регламентирует необходимые действия уполномоченных лиц. Деятельность следователя (дознателя) по приостановленному предварительному расследованию не получила четкой процессуальной регламентации и фактически сводится к инициированию производства оперативно-разыскной деятельности, направленной на раскрытие преступления. Например, выносятся отдельные поручения на установление лица, совершившего преступление, и возможных очевидцев преступления.

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что проблема противодействия угону транспортных средств актуальна практически для каждого региона Российской Федерации. В целях своевременного и эффективного раскрытия и дальнейшего расследования неправомерного завладения транспортным средством без цели хищения (угон) целесообразно опираться на знания уголовного и уголовно-процессуального законодательства,

а также учитывать криминалистическую характеристику и механизм рассматриваемых преступлений. Выявление и анализ следственных ситуаций, возникающих при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 166 УК РФ, бесспорно, способствуют эффективности их расследования. Знания типичных следственных ситуаций позво-

ляют полно и объективно оценить произошедшее событие, способствуют принятию верного и соответствующего моменту решения по уголовному делу. Важная роль отводится своевременному взаимодействию следователя (дознателя) со всеми заинтересованными службами.

---

1. Особенности квалификации и расследования преступления, предусмотренного частью первой статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации: метод. рекомендации / под общ. ред. А. В. Мироновой. Москва: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2021. 106 с.

2. Колосович М. С. Нормативная регламентация взаимодействия подразделений дознания с другими подразделениями органов внутренних дел при расследовании преступлений // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2019. С. 186—193.

3. Кокорева Л. В., Кокорев Р. А. О взаимодействии подразделений органов внутренних дел при раскрытии и расследовании преступлений // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы (к 50-летию со дня образования следственного аппарата в системе МВД России): сб. материалов всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Москва: Академия управления МВД России, 2013. Ч. 1. С. 175—179.

4. Диденко Н. С., Торков А. А. О некоторых процессуальных аспектах исполнения участковым уполномоченным полиции письменного поручения следователя (дознателя) о проведении отдельных следственных и процессуальных действий // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями. 2021. № 21-1. С. 83—86.

5. Егорова М. С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 250 с.

---

1. Features of the qualification and investigation of a crime provided for by the first part of Article 166 of the Criminal Code of the Russian Federation. Method. recommendations. Ed. by A. V. Mironova. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot; 2021: 106. (In Russ.).

2. Kolosovich M. S. Regulatory regulation of the interaction of investigation departments with other departments of internal affairs bodies in the investigation of crimes. In: Actual problems of criminal law at the present stage. Collection of scientific works of International scientific-practical conference. Volgograd; 2019: 186—193. (In Russ.).

3. Kokoreva L. V., Kokorev R. A. On the interaction of departments of internal affairs bodies in the detection and investigation of crimes. In: Preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: history, modernity, prospects (to the 50th anniversary of the formation of the investigative apparatus in system of the Ministry of Internal Affairs of Russia): Collection of materials of All-Russian scientific-practical conference. In 2 parts. Part 1. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2013: 175—179. (In Russ.).

4. Didenko N. S., Torovkov A. A. On some procedural aspects of the execution by the district police officer of the written order of the investigator (interrogating officer) on the conduct of certain investigative and procedural actions. Actual problems of combating crime and other offenses, 83—86, 2021. (In Russ.).

5. Egorova M. S. Institute of suspension of proceedings in a criminal case and ensuring the rights and legitimate interests of participants in the criminal process in the implementation of its norms. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2003: 250. (In Russ.).

Диденко Николай Сергеевич,

начальник кафедры уголовного процесса
Ростовского юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук;
Nsd.1982@yandex.ru

Кокорева Любовь Владимировна,

профессор кафедры уголовного процесса,
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя;
кандидат юридических наук, доцент;
kokoreva80@mail.ru

Кокорев Роман Александрович,

старший преподаватель
кафедры криминалистики
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;
kokoreva80@mail.ru

Didenko Nikolay Sergeevich,

head of the department of criminal procedure
of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
Nsd.1982@yandex.ru

Kokoreva Lyubov Vladimirovna,

professor at the department of criminal procedure
of the Moscow Regional Branch
of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot,
candidate of juridical sciences, docent;
kokoreva80@mail.ru

Kokorev Roman Aleksandrovich,

senior lecturer at the department of criminology
of the Moscow Regional Branch
of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot,
candidate of juridical sciences;
kokoreva80@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

***

УДК 343.985.7:343.711.4
doi: 10.25724/VAMVD.NNNN

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВЕРШЕНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЯ
ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКСПРЕСС-ДОСТАВКИ
ТОВАРОВ И ГРУЗОВ ПО РОССИИ И МИРУ**

Светлана Сергеевна Домовец

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
s.domovets@yandex.ru

Аннотация. В статье автор приводит перечень основных способов совершения краж и мошенничеств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов. Рассматриваемые преступления совершаются как сотрудниками соответствующих организаций, так и третьими лицами. Автором исследуется специфика выявления хищений в данной отрасли и предлагается алгоритм действий в каждой конкретной ситуации. Кроме того, в статье указывается, какие следственные действия и судебные экспертизы необходимо назначить и произвести в первую очередь для установления обстоятельств совершения преступления. Автор, представляя обзор основных способов хищения чужого имущества при осуществлении деятельности по отправке, перевозке и доставке товаров, изучает различные ситуации, в которых возможно совершение вышеназванных преступлений, исследует особенности хищений в данной сфере. В статье рассматриваются обстоятельства, способствующие совершению преступлений, а также основные проблемы выявления преступлений и возможные варианты их преодоления. Автором подробно описывается тактика отдельных следственных действий, даются практические рекомендации по их производству.

Ключевые слова: экспресс-доставка, способ хищения, интернет-магазин, кража, мошенничество, подмена, фишинг

Для цитирования: Домовец С. С. Об особенностях совершения и выявления хищений в сфере экспресс-доставки товаров и грузов по России и миру // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 117—123. doi: 10.25724/VAMVD.NNNN

**ON THE FEATURES OF COMMITTING AND DETECTING
THEFT IN THE FIELD OF EXPRESS DELIVERY
OF GOODS AND CARGO IN RUSSIA AND THE WORLD**

Svetlana Sergeevna Domovets

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd, Russia, s.domovets@yandex.ru

Abstract. The article discusses the main ways of committing crimes against property, such as theft, fraud in the delivery of goods and cargo in Russia and the world. The author provides a list of the main methods of stealing someone else's property sent using express delivery services for goods and cargo. In addition, the article contains information about the mechanism for detecting these crimes and the algorithm for further actions in order to establish the circumstances and persons who committed them, the author provides a list of the main ways of committing theft and fraud in the field of express delivery of goods and cargo. The author studies the specifics of theft detection in this industry and proposes an algorithm of actions in each specific situation. In addition, the article indicates what investigative actions and forensic examinations must be appointed and carried out in the first place to establish the circumstances of the crime. The author, presenting an overview of the main methods of stealing other people's property in the course of shipping, transportation and delivery of goods, studies various situations in which the above-mentioned crimes are possible, explores the specifics of theft in this area. The article discusses the main problems of detecting crimes and possible options for overcoming them. The author describes in detail the tactics of individual investigative actions, such as interrogation, search, and gives practical recommendations for their production.

Keywords: express delivery, method of theft, online store, theft, fraud, substitution, phishing

For citation: Domovets S. S. On the features of committing and detecting theft in the field of express delivery of goods and cargo in Russia and the world. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 117—123, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.NNNN

Сфера экспресс-доставки товаров на данный момент является быстроразвивающейся и пользуется большим спросом у потребителей. Особенно стремительно она начала набирать обороты в период пандемии коронавирусной инфекции, когда совершать покупки онлайн стало удобнее и безопаснее. Известно, что новые сферы экономической деятельности порождают новые способы совершения преступлений.

Ежегодно количество мошенничеств в экономической сфере растет, как и количество потерпевших от них. Преступники становятся более изобретательными, схемы — запутанными, все чаще кражи и мошенничества совершаются с использованием возможностей сети Интернет.

Так, не стала исключением и сфера экспресс-доставки товаров и грузов. Рассмотрим основные способы хищения чужого имущества и денежных средств в процессе осуществления вышеназванной деятельности на территории России и за рубежом.

1. Деятельность лжекурьеров.

Сотрудники компаний экспресс-доставки (как правило, бывшие), имеющие доступ к служебным базам данных о движении посылок и грузов, приезжают по заявленному отправителем адресу, чтобы забрать груз и отвезти на склад для отправки в пункт назначения. Лжекурьер не вызывает подозрений у отправителя, так как полностью осведомлен о порядке действий, персональных данных заказчика, количестве и весе отправляемых предметов. В результате заказчик, заполнив необходимые документы и оплатив пересылку груза, отдает его курьеру. Лжекурьер похищает имущество, сбывает или распоряжается иным образом. Стоит отметить, что факт хищения обнаруживается слишком поздно, когда получатель, не получив посылку или груз, связывается с отправителем. Тогда начинаются внутренние проверки возможности потери груза во время транспортировки, из-за ошибок сотрудников, курьеров и т. д. Только после того как будет установлено, что данное отправление вообще не поступало на склад для транспортировки, возникнет вопрос о возможном хищении на этапе приемки груза курьером.

При расследовании хищения, совершенного рассмотренным способом, необходимо установить личность и местонахождение лжекурьера, допросить его и выяснить:

— каким образом при увольнении у него остался доступ к базе данных клиентов;

— если доступ к служебным базам данных прекращен, от кого из сотрудников получает информацию о клиентах и грузе;

— по какому принципу выбирается клиент (территориальность, ценность имущества и пр.);

— однократность или регулярность преступных действий;

— один или с третьими лицами осуществлял преступную деятельность;

— куда/кому сбывал имущество или похищал для личного пользования;

— на каком транспортном средстве осуществлял перевозку похищенного имущества;

— места хранения похищенного имущества.

Необходимо также произвести обыски по месту жительства задержанного или по иным адресам, им названным, с целью обнаружения и изъятия похищенного имущества.

Помимо этого, обязательно должен быть допрошен сотрудник службы безопасности компании экспресс-доставки по вопросам, связанным с порядком предоставления сотрудникам доступа к электронным базам данных службы, ко всем рабочим программам, периодичностью смены паролей, порядком их подтверждения, прекращением доступа уволенным сотрудникам.

В ходе допроса потерпевшего необходимо установить:

— каким способом с ним связался лжекурьер (звонок, смс, рассылка в социальной сети или мессенджере);

— какое имущество планировалось отправить, какова его стоимость;

— кому, в какой регион отправлялась посылка;

— произведена ли оплата при отправке или эта обязанность лежит на получателе;

— признаки внешности лжекурьера, был один или с кем-то, на каком транспортном средстве приехал;

— особенности его поведения;

— оставлены ли лжекурьером какие-либо документы, подтверждающие факт приемки товара для транспортировки (акт, накладная). Если такие документы имеются, необходимо назначить и произвести судебно-почерковедческую и технико-криминалистическую экспертизы.

Сложность выявления и расследования кражи, совершенной таким способом, заключается в том, что с момента совершения до момента выявления проходит значительное количество времени.

2. Хищение при возврате имущества, совершенное сотрудниками пункта выдачи заказов.

В данном случае речь идет о деятельности сотрудника пункта выдачи заказов, который умышленно вносит в возвратные ведомости заведомо ложную информацию о возвращенном товаре, его стоимости, сроках и причинах возврата. Сотрудник нарушает установленный порядок возврата товара и документального оформления этого действия. Товар, подлежащий возврату отправителю, похищается, хищение маскируется записями в документах учета.

Если хищение совершено именно таким способом, необходимо произвести допрос сотрудника и выяснить:

— порядок учета и хранения товаров, в том числе возвратных;

— порядок и сроки транспортировки товара обратно продавцу или отправителю — физическому лицу;

— перечень документов, которые в обязательном порядке должны быть составлены в момент возврата товара для его дальнейшего хранения и транспортировки;

— порядок работы видеокамер в помещении пункта выдачи заказов;

— порядок и регулярность проведения внутренних и внешних проверок, таких как инвентаризация, документальная ревизия.

Безусловно, возникает необходимость в назначении и производстве технико-криминалистической экспертизы документов для установления факта внесения в документ поправок, чисток, затирок и т. д., а также судебной почерковедческой экспертизы для установления авторства рукописных записей в документе.

Похищенные товары могут храниться в том же пункте выдачи заказов или по месту жительства сотрудника. Обнаружение похищенного имущества на складе пункта выдачи вместе с другими посылками преступник может объяснить тем, что этот товар возвращен получателем и хранится для отправки адресату. Однако отсутствие данных о заказе в материалах инвентаризации или иных документах учета свидетельствует о том, что имущество хранится незаконно и не является объектом дальнейшей пересылки.

3. Неизвестное лицо приобретает дорогостоящий товар за рубежом (например, в Германии), после

оплаты товар отправляется в Россию. В процессе транспортировки покупатель отказывается от заказа. Интернет-магазин осуществляет возврат денежных средств, но посылка уже в пути и в определенное время мошенник ее получает, вынимает содержимое и отправляет обратно. В итоге возврат происходит уже без товара. Интернет-магазин предъявляет претензии перевозчику. Такая ситуация становится возможной из-за халатности сотрудников пунктов выдачи заказов, которые должным образом не следят за действиями получателей, допускают бесконтрольное изъятие предметов из посылки, не проверяют возвращенную посылку на предмет наличия в ней товара.

Алгоритм действий в данном случае включает обязательный допрос сотрудника службы экспресс-доставки об обстоятельствах получения товара клиентом, признаках внешности и поведения преступника, регламенте выдачи товара и его возврата (например, проверяется ли содержимое посылки перед тем, как забрать ее у клиента), о наличии камер видеонаблюдения в пункте выдачи заказов и пр. Часто сотрудники, принявшие обратно пустую посылку, объясняют отсутствие проверки тем, что заказчик выглядел прилично, вел себя вежливо и подозрений не вызывал. Исследователи-психологи утверждают, что свойства личности влияют на процесс и эффективность общения. Например, экстравертированность, мобильность, толерантность, эмпатийность будут способствовать более успешному установлению контакта между людьми [1, с. 45].

Если лицо, совершившее хищение, задержано, незамедлительно следует произвести допрос для установления следующей информации:

— какой товар был приобретен в зарубежном интернет-магазине, какова его стоимость;

— порядок оплаты и получения, оговоренные продавцом;

— какие банковские карты были использованы для оплаты;

— на какие банковские карты был осуществлен возврат денежных средств;

— в каком пункте выдачи заказов было осуществлено его получение, когда именно и где было совершено изъятие товара из упаковки;

— проверял ли сотрудник содержимое посылки при ее возврате;

— где в настоящее время находится изъятое из посылки имущество.

Факт извлечения и хищения товара из посылки может быть зафиксирован камерами видеонаблюдения, установленными в пункте выдачи заказов

в зоне получения посылок клиентами, поэтому в кратчайшие сроки необходимо изъять записи и просмотреть.

Как правило, о совершенном преступлении становится известно, когда отправитель получает обратно пустое отправление или когда в ходе внезапных проверок деятельности пунктов выдачи заказов выявляется недостача товара на складе.

4. Приобретение товаров в лжеинтернет-магазинах (на фишинговых сайтах, имитирующих сайты известных продавцов), повлекшее за собой хищение денежных средств.

Этот вид кибермошенничества достаточно распространен, поскольку имитация визуального образа сайта известного продавца внушает покупателю доверие. Как правило, схема проста: потенциальный покупатель по ссылке, выданной интернет-поисковиком, попадает на фишинговый сайт, выбирает товар, вводит персональные и банковские данные для его оплаты, в результате остается без товара и денег.

При допросе потерпевшего необходимо выяснить ряд обстоятельств:

— какова была цена товара, насколько она соответствует рыночной (как правило, цена значительно ниже рыночной);

— адрес сайта, на котором осуществлялось общение с продавцом;

— предпринимались ли онлайн-продавцом попытки склонить к быстрому принятию решения о покупке товара;

— инициировал ли продавец переход покупателя по каким-либо ссылкам;

— требовалось ли введение персональных данных на сайте продавца, в том числе банковских реквизитов;

— возможно ли было отследить передвижения товара после совершения оплаты;

— был ли предоставлен продавцом какой-либо электронный документ, подтверждающий факт оплаты товара;

— поступали ли звонки или смс с просьбой подтвердить персональные данные (в том числе информацию о банковских реквизитах);

— были ли сомнения в достоверности сайта продавца, если да, обращался ли потерпевший в официальные представительства данного интернет-магазина.

Отличить фишинговые сайты от настоящих практически невозможно, как и бороться с их появлением. Однако интернет-продавцы регулярно мониторят интернет-рынок, сообщают в правоохранительные органы о существовании и активной

деятельности ложных сайтов. Последние по возможности блокируют, сокращая тем самым продолжительность их функционирования, но завтра появятся новые фишинговые сайты, и образуется замкнутый круг. Снизить риски попадания клиентов на фишинговые сайты с дальнейшей покупкой и оплатой товара на них возможно посредством регулярного и масштабного информирования населения о таких способах мошенничества.

При расследовании подобного рода преступления возникает необходимость в назначении судебно-бухгалтерской или экономической экспертизы, целью которой является установление суммы материального ущерба. Кроме того, требуется консультация специалиста в области программирования, компьютерной информации и безопасности для разъяснения механизма функционирования фишинговых сайтов. В дальнейшем возможно назначение и производство судебной компьютерной экспертизы для установления подлинности или поддельности сайта (если он еще не прекратил своего существования).

По данным официального сайта МВД России, практически каждое четвертое преступление совершается с использованием IT-технологий. За первый месяц 2022 г. зарегистрировано на 4 % больше преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, по сравнению с январем 2021 г.¹

5. Хищение товаров, поступивших из интернет-магазинов.

Сотрудники пунктов выдачи заказов покупают товары в интернет-магазинах по несколько экземпляров сразу. После поступления товары лежат на складе до окончания срока хранения, ни один из них не выкупается. Во время хранения часть товаров похищается. При оформлении товаров на возврат сотрудники специально перекаладывают некоторые грузы из посылок между собой. Цель подобных действий — ввести в заблуждение интернет-магазин о том, что возникла путаница и недостающие грузы еще найдутся. Сотрудники пунктов выдачи заказов также намеренно не формируют возвратные ведомости, чтобы в интернет-магазине не знали точно, какое количество товаров им отправлено.

Эта ситуация является достаточно распространенной по причине того, что вносимая в документы ложная информация вместе с путаницей товаров

¹ URL: <https://мвд.рф/reports/item/28726056/> (дата обращения: 18.03.2022).

на складе значительно затрудняет выяснение причин отсутствия того или иного товара.

В случае если преступление все же выявлено, необходимо незамедлительно произвести допрос сотрудников пункта выдачи заказов и выяснить:

— в каком интернет-магазине были совершены покупки, их количество, наименование, общая стоимость;

— какие документы подтверждают покупку (как правило, электронные документы: чеки, квитанции);

— каков порядок хранения поступившего на склад и невыкупленного товара;

— каков порядок документального учета поступления, хранения и возврата товара;

— есть ли в пункте выдачи заказов камеры видеонаблюдения, в каких местах установлены;

— имел ли место факт демонтажа или временно-го отключения камер, если да, по каким причинам;

— если камеры видеонаблюдения на самом деле были неисправны, сообщалось ли об этом организации, занимающейся обслуживанием технического оснащения пункта выдачи заказов;

— самостоятельно ли осуществлялась преступная деятельность или с помощью третьих лиц;

— кто является материально ответственным лицом и каким документом эта ответственность закреплена.

Кроме того, необходимо запросить результаты инвентаризаций и ревизий за интересующий период, установить порядок и регулярность их проведения, а также лиц, в чьи должностные обязанности входит контроль за этой деятельностью. Как правило, подотчетные лица [2, с. 105], имеющие дело с наличными, безналичными денежными средствами и имуществом, могут фальсифицировать результаты проверочных мероприятий.

У владельца интернет-магазина следует выяснить, какой товар был возвращен, в каком количестве, в какие сроки, каков порядок оплаты товара клиентом — до получения или после. Вся полученная информация должна быть подтверждена (переписка, электронные чеки об оплате, накладные и т. д.).

Когда речь идет о подделке документов, необходимо назначить технико-криминалистическую и почерковедческую экспертизу (для установления авторства подписей и записей). Подлог в документах может быть материальным и интеллектуальным; разобравшись в этом, следователь должен определить вид назначаемой экспертизы.

Для выявления данного преступления оперативному сотруднику отдела экономической безопасности и противодействия коррупции или следователю нужно инициировать документальную

ревизию и инвентаризацию и поручить их производство соответствующим специалистам.

6. Имитация мошенником получения «пустой» посылки и предъявление претензий на компенсацию.

Заказчик (клиент) при получении груза имитирует отсутствие вложения, предварительно удалив содержимое посылки. В этих случаях заказчик заранее оговаривает с продавцом оплату посылки при получении, однако, получив «пустую» посылку, платить отказывается. Факт изъятия содержимого посылки может зафиксировать камера видеонаблюдения (кроме помещения примерочных). Заметить факт извлечения товара из посылки может сотрудник клиентского отдела, зная начальный вес отправления. Разница в весе выдаваемой посылки и возвращаемой клиентом может навести сотрудника на предположение о преступной деятельности заказчика.

В данном случае основным источником получения информации будут допрос подозреваемого и установление следующих фактов:

— какой товар был заказан и получен;

— какова его стоимость;

— была ли нарушена упаковка товара при получении;

— была ли произведена оплата полученного товара;

— где было осуществлено изъятие товара из упаковки;

— где сейчас находится этот товар;

— каков был порядок обращения за компенсацией или было ли это обращение принято сотрудником пункта выдачи товаров.

Для установления местонахождения и изъятия похищенного имущества необходимо произвести обыск и выемку по месту проживания подозреваемого. Кроме того, следует допросить сотрудника пункта выдачи заказов и установить обстоятельства получения посылки клиентом и изъятия из нее товара.

Наличие записей с камер видеонаблюдения, фиксирующих факт изъятия товара из посылки, значительно упростит процесс установления истины.

7. Подмена товара в процессе примерки.

Так, курьер прибывает на место жительства клиента для вручения отправлений (техника, одежда, часы). В ходе примерки недобросовестный клиент осуществляет подмену дорогостоящего товара. Курьер при возврате вещей не проявляет бдительности, не проверяет возвращаемые от клиента вещи (в данном случае не исключен сговор курьера и заказчика), в итоге мошенник похищает оригинал. В примерочных пунктах выдачи заказов также

возможно осуществить подмену товара, перевести ярлыки, ценники и т. д.

В данном случае алгоритм действий таков: допрос курьера, допрос клиента (заказчика), допрос сотрудника пункта выдачи заказов, обыск, выемка по месту доставки товара.

Перечень вопросов курьеру зависит от конкретных обстоятельств, однако нижеперечисленные вопросы должны быть заданы в обязательном порядке:

— каков порядок выдачи товара заказчику для примерки и его возврата;

— всегда ли осуществляется проверка возвращаемого товара;

— была ли она осуществлена в данном случае, если нет, по какой причине;

— заметил ли особенности поведения заказчика (скрытность, торопливость, излишняя разговорчивость, агрессивность, отвлечение внимания, иное поведение, которое повлияло на нарушение обычного порядка проверки возвращаемого товара);

— знаком ли с заказчиком, если нет, помнит ли признаки его внешности;

— производилась ли заказчиком оплата товара, если да, то какого конкретно (иногда преступник оплачивает какую-нибудь недорогую вещь для отвлечения внимания курьера);

— когда и кем была выявлена подмена товара.

В ходе допроса недобросовестного заказчика нужно получить от него информацию о заказанном товаре, его стоимости, оплате, обстоятельствах подмены и возможном сговоре с курьером.

Обязательным является и допрос сотрудника пункта выдачи заказов, если подмена товара была осуществлена в примерочной или помещении пункта выдачи заказов. Необходимо выяснить: каков порядок выдачи и приемки возвратного товара, почему не была проведена проверка возвращаемого товара, имеются ли записи с камер видеонаблюдения, подтверждающие факт подмены.

Для установления местонахождения похищенного товара необходимо произвести обыск по месту жительства подозреваемого независимо от того, где было совершено хищение.

8. Махинации сотрудника пункта выдачи заказов с наличными денежными средствами.

Так, недобросовестный сотрудник выдает отправления клиентам только за наличный расчет, ссылаясь на неисправность кассового оборудования. Деньги в кассу не вносит. В ведомости проставляет дату приемки товара, делает муляж посылок и выкладывает на склад, обставляя ситуацию так, будто бы клиенты за ними не приходили.

В данном случае важно своевременно произвести инвентаризацию денежных средств в кассе пункта выдачи (до их инкассации), а также товаров на складе. Грамотно проведенная инвентаризация поможет установить фактическое количество товара на складе и количество денежной наличности в кассе.

Кроме того, допрос сотрудника пункта выдачи (менеджера клиентского отдела) должен помочь установить следующие обстоятельства:

— порядок внесения в кассу наличных денежных средств;

— порядок и сроки инкассации денежной наличности;

— по какой причине оплата принималась только в форме наличных платежей;

— на протяжении какого периода времени имитировалась неисправность аппарата безналичного приема платежей (терминала);

— если неисправность имела место на самом деле, по какой причине об этом не сообщалось и не предпринимались меры по устранению неполадок;

— какой банк обслуживает имеющийся в пункте выдачи заказов терминал, арендован ли он у банка или находится в собственности пункта выдачи заказов;

— когда и кем в последний раз проводилась инвентаризация денежных средств в кассе и товаров на складе;

— какой товар, на какую сумму был выдан заказчиком за наличный расчет;

— кто из сотрудников знает или причастен к осуществлению данной незаконной деятельности.

Нарушение порядка ведения кассовых операций возможно установить с помощью производства документальной ревизии и аудита [3, с. 113], так как документы бухгалтерского учета содержат всю необходимую информацию о движении имущества и денежных средств в конкретном отделении выдачи заказов. Отсутствие данной информации также свидетельствует о возможных подлогах.

Безусловно, приведенный перечень способов хищения чужого имущества и денежных средств в сфере оказания услуг по перевозке товаров и грузов не является исчерпывающим, однако рассмотренные в данной статье способы являются достаточно распространенными. Владение информацией об этих способах совершения краж и мошенничеств поможет оперативным сотрудникам отдела экономической безопасности и противодействия коррупции и следователям грамотно, эффективно и своевременно выявлять и расследовать

преступления в данной сфере. Для того чтобы результативно бороться с преступлениями против собственности, особенно совершенными с помощью сети Интернет, сотрудникам полиции необходимо постоянно изучать, анализировать поступаю-

щую информацию, следить за внедрением преступниками новых схем мошенничества, оперативно реагировать на стремительно меняющиеся обстоятельства совершения экономических преступлений.

---

1. Прокурова С. В. Психология общения: эмоции, чувства, отношения: монография. Москва: Планета, 2021. 144 с.

2. Тришкина Е. А. Документальное оформление и способы хищения денежных средств подотчетными лицами // Теоретические и практические аспекты развития экономики и права на современном этапе: сб. тез. и ст. Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Сириус, 2019. С. 105—107.

3. Домовец С. С. Проверка оценочных значений при проведении аудита бухгалтерского учета субъектов экономической деятельности // Следственная деятельность: настоящее и будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Перископ-Волга, 2018. С. 113—116.

---

1. Prokurova S. V. Psychology of communication: emotions, feelings, relationships. Monograph. Moscow: Planeta; 2021: 144. (In Russ.).

2. Trishkina E. A. Documentation and methods of embezzlement of funds by accountable persons. In: Theoretical and practical aspects of the development of economics and law at the present stage. Collection of abstracts and articles of the international scientific and practical conference. Kazan: Sirius; 2019: 105—107. (In Russ.).

3. Domovets S. S. Verification of estimated values during the audit of accounting of economic entities. In: Investigative activity: present and future. Materials of the international scientific-practical conference. Krasnodar: Periskop-Volga; 2018: 113—116. (In Russ.).

Домовец Светлана Сергеевна,

доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел,
кандидат юридических наук;
s.domovets@yandex.ru

Domovets Svetlana Sergeevna,

associate professor at the criminalistic department
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
s.domovets@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 12.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.131(574)
doi: 10.25724/VAMVD.OOOO

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО
ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОГЛАШЕНИЯ
(В ФОРМЕ СДЕЛКИ О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ)
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Евгения Александровна Кудайбергенова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
Jane2909@mail.ru

Аннотация. Механизм соблюдения прав лиц, пострадавших от преступлений, в казахстанском уголовном судопроизводстве, на первый взгляд, является вполне определенным и не требует пристального внимания. Однако детальное исследование отдельных норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан показало, что законодательство не совершенно в части обеспечения прав потерпевшего, например при заключении процессуального соглашения в форме сделки о признании вины. В статье рассматривается роль потерпевшего при заключении процессуального соглашения с лицом, совершившим преступление, проанализирована сама процедура его заключения и особенности рассмотрения уголовного дела в судебном заседании, приведены аргументы несовершенства некоторых норм, касающихся обеспечения прав потерпевшего при заявлении ходатайства на возмещение причиненного вреда. В результате автор приходит к выводу о том, что для справедливого разбирательства по уголовному делу участие потерпевшего в судебном заседании является обязательным, а также признает необходимость предоставления потерпевшему права подавать ходатайство на изменение требований по возмещению причиненного вреда в момент ознакомления с материалами уголовного дела. На основании проведенного исследования предлагается внести дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан.

Ключевые слова: уголовный процесс, потерпевший, процессуальное соглашение, сделка о признании вины, сотрудничество, судопроизводство

Для цитирования: Кудайбергенова Е. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего при заключении процессуального соглашения (в форме сделки о признании вины) в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 124—129. doi: 10.25724/VAMVD.OOOO

**PROVING WITH THE RIGHTS AND LEGAL INTERESTS
OF THE VICTIM WHILE MAKING PROCEDURAL AGREEMENT
(IN THE FORM OF PLEA-BARGAINING ARRANGEMENT)
IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

Yevgeniya Alexandrovna Kudaybergenova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia
Jane2909@mail.ru

Abstract. The mechanism of observing the rights of the victims of the crimes in the criminal proceedings of the republic of Kazakhstan at first glance is quite definite and does not require close attention. However, detailed examination of the certain norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan has showed that the legislation is not perfect in terms of providing with the rights of the victim, in particular while making a procedural agreement in the form of a plea-bargaining arrangement. The author of the given article studies the role of the victim while making a procedural agreement with the person who has committed the crime, analyzes

the procedure for making and specifics of hearing criminal proceedings in the court as well as gives arguments for the imperfection of some norms in terms of providing with the rights of the victim when filing a petition for compensation for the harm to have been caused. As a result of the study, the author of the article concludes that in order to do a fair trial in a criminal case the participation of the victim in the court session is necessary. It is also important to give the victim the right to file a petition for changing the requirements for compensation for harm to have been caused while dealing with the materials of the criminal case. Based on the analysis, the author proposes to make additions to the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: criminal procedure, victim, procedural agreement, plea-bargaining arrangement, work with the investigation, legal proceedings

For citation: Kudaybergenova Ye. A. Proniving with the rights and legal interests of the victim while making procedural agreement (in the form of plea-bargaining arrangement) in the criminal proceedings of the Republic of Kazakhstan. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 124—129, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.OOOO

Глобализация, охватившая мир в настоящее время, неминуемо повлекла за собой принятие многими странами законодательных актов, ориентированных на упрощение и скоротечность расследования преступлений, сокращение его сроков. Не осталась в стороне от этого процесса и Республика Казахстан, в законодательстве которой в последние годы формируется тенденция к созданию оптимальных условий для эффективного функционирования системы уголовного судопроизводства. Одним из направлений такого развития является его оптимизация и доступность с обязательным соблюдением принципов, прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства. Модернизация уголовного процесса осуществляется в соответствии с нормами Конституции Республики Казахстан в целях упрощения процедуры расследования и рассмотрения уголовных правонарушений. Таким образом, для реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан¹ в январе 2015 г. в Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК РК) был введен новый правовой институт процессуальных соглашений в форме сделки о признании вины, который предполагает «соглашение между прокурором и стороной защиты на любой стадии уголовного процесса»². Его появление обусловлено необходимостью разумного исполнения функций уголовного преследования и достижения целей уголовного судопроизводства. Несмотря на положительные моменты использования института процессуальных согла-

шений при расследовании уголовных дел, в части устранения конфликтов и спорных вопросов, возникающих после совершения преступлений, имеются отдельные проблемы, которые касаются защиты прав и интересов потерпевшего. Это также отмечает и В. П. Божьев, который подчеркивает тот факт, что «нередко возникают вопросы, касающиеся диспозитивности, где предпочтение должно отдаваться защите интересов отдельных личностей, в нашем случае лиц, пострадавших от преступных посягательств»³.

Исходя из семантического толкования норм УПК РК, субъектом процессуального соглашения со стороны обвинения является прокурор, а со стороны защиты — подозреваемый (обвиняемый), подсудимый или осужденный. Необходимо учитывать, что к стороне обвинения относятся и властные участники уголовного судопроизводства, и «потерпевший (частный обвинитель), гражданский истец и их законные представители»⁴. Однако отметим, что права потерпевшего упоминаются в п. 3 ч. 1 ст. 613 УПК РК, устанавливая его право только на дачу согласия применения процедуры процессуального соглашения и определении суммы причиненного ущерба, т. е. дальнейшее участие потерпевшего в расследовании преступления и рассмотрении уголовного дела в судебном заседании не обязательно. Несмотря на тот факт, что в соответствии с требованиями Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью потерпевшие должны иметь право на доступ ко всем механизмам правосудия

¹ См.: О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г.: указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858> (дата обращения: 03.07.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: практ. пособие. Алматы: Норма-К, 2021. С. 29.

³ Божьев В. П. Принцип публичности // Уголовный процесс. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Спарк, 2002. С. 80. URL: <https://may.alleng.org/d/jur/jur245.htm> (дата обращения: 10.08.2021).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: практ. пособие. С. 26.

и получать компенсацию в полном объеме и в короткие сроки, т. е. государство должно обеспечить реализацию административных и судебных процедур, отвечающих потребностям потерпевшего¹.

Вместе с тем стоит согласиться с мнением ряда авторов (см.: [1, с. 9]) о том, что при осуществлении уголовного судопроизводства в равной мере правами и защитой должны быть наделены все участники процесса независимо от их процессуального статуса. Только после выполнения данного условия будет обеспечена состязательность уголовного процесса.

В казахстанском уголовном судопроизводстве потерпевший рассматривается как субъект, необходимый для дачи показаний, а защита его интересов при принятии процессуальных решений по уголовному делу считается второстепенной задачей, несмотря на закрепление в ч. 1 ст. 8 УПК РК положений о защите лиц, общества и государства от уголовных посягательств. Законодатель предоставляет потерпевшему процессуальные права, но при этом не разработал ни публичного механизма их реализации, ни возможности быть самостоятельным субъектом уголовного преследования, интерес которого должен не только предопределять ход расследования, но и влиять на его возможный результат. К тому же защита прав и законных интересов потерпевшего вовсе не возложена на прокурора (государственного обвинителя), невзирая на тот факт, что он выступает в уголовном судопроизводстве от имени государства.

Задачами уголовного процесса являются быстрое и полное раскрытие, расследование преступлений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство, а также защита лиц, общества и государства. Несовершенство правосудия обосновано выборочным обеспечением прав и законных интересов потерпевшего. Правоприменитель часто не проводит разграничений между понятиями наказания и восстановления социальной справедливости (обеспечение прав, законных интересов и т. д.), тем самым исключая принцип равенства сторон уголовного судопроизводства. При решении задачи по урегулированию интересов всех участников процесса необходимо помнить

о том, что «интересы государства защищают органы прокуратуры, подозреваемого (обвиняемого) — защитник, а интересы потерпевшего, как правило, отстаивает сам потерпевший либо представитель, оплачиваемый за свой счет» [2, с. 5]. Единой точки зрения по данному поводу в юридической науке пока нет. Например, А. В. Гричаниченко считает, что потерпевший заинтересован не только в возмещении материального ущерба, но и в привлечении к ответственности виновного лица [3, с. 64]. Другой позиции придерживается И. В. Овсянников, утверждая, что потерпевшие не должны выражать своего мнения в постановлении приговора лицу, выразившему согласие с предъявленным ему обвинением [4, с. 41]. В связи с этим вопрос вовлечения потерпевшего в процедуру заключения процессуального соглашения в форме сделки о признании вины и его участие в судебном разбирательстве остается актуальным и сегодня.

Так, ст. 613 УПК РК определяет обязательные условия, при которых может быть заключено процессуальное соглашение. В их число входит «согласие потерпевшего на заключение процессуального соглашения»². Обратившись к уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации, можно констатировать, что обвиняемый вправе только при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства³. Из этого следует, что законодательство Республики Казахстан и Российской Федерации при применении согласительной процедуры не только учитывает мнение потерпевшей стороны, но считает его обязательным. Только по российскому законодательству потерпевший дает согласие на вынесение приговора без проведения судебного заседания, а по казахстанскому — на применение процедуры соглашения, что влечет за собой определенные последствия: лишение права изменять требование о размере возмещения ущерба, участие в судебном заседании осуществляется только при необходимости⁴.

Многие не согласятся с тем, что такое последствие, как лишение права на внесение изменений

¹ См.: Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, Резолюция 40/34 Генеральной Ассамблеи, принятая 29 ноября 1985 г. С. 314. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf (дата обращения: 05.03.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: прак. пособие. С. 343.

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2021. С. 238.

⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: прак. пособие. С. 343, 348.

в соглашение о сумме ущерба, является нарушением прав потерпевшего, поскольку за ним остается право обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства¹. Законодатель действительно предоставляет потерпевшему данное право, но в итоге это приводит к новому судебному разбирательству, что неправильно по отношению к потерпевшему. В данном случае следует согласиться с Е. А. Зайцевой, которая отмечает, что «Потерпевший в уголовном процессе является „трижды потерпевшим“: первый раз — в результате преступления; второй раз — вследствие бездушия правоприменителей; третий раз — от несправедливых законов» [5, с. 36]. Аналогичной точки зрения придерживается и В. Н. Парфенов, который указывает на то, что негативные последствия в результате совершенного преступления наступают именно у потерпевшего, соответственно, только ему должна принадлежать возможность определять снижение срока или размера наказания для подсудимого, предусмотренного соответствующей нормой уголовного закона [6, с. 16]. Кроме того, законодателем не предусмотрена возможность потерпевшему отказаться от согласия на заключение процессуального соглашения, а вот подозреваемый (обвиняемый) наделяется таким правом на любой стадии уголовного судопроизводства². Считаем такой подход неверным. Например, рассмотрим ситуацию, когда подозреваемый после возбуждения уголовного дела на начальном этапе расследования подает ходатайство на заключение процессуального соглашения. Потерпевший, в свою очередь, дает согласие на применение данной процедуры, находясь в психологически неустойчивом состоянии после совершенного в отношении него преступления, не в полной мере осознавая последствия, которые наступают после подписания такого соглашения. Из этого следует прямое нарушение прав потерпевшего в части возмещения полной суммы причиненного ущерба, так как согласно УПК РК первоначально заявленная сумма, зафиксированная в соглашении, не подлежит корректировке. Выразим солидарность с точкой зрения Н. А. Колоколова, согласно которой, соглашаясь на сотрудничество с преступником, государство в то же время наносит ущерб интересам потерпевших, поскольку осужденных ждут минимальные наказания, возмещение ими ущерба весьма символично.

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: практ. пособие. С. 343.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: практ. пособие. С. 343.

Полагаем, что подобная ситуация является поводом для размышлений о необходимости создания компенсационного механизма, который позволит гарантировать потерпевшему соблюдение его интересов [7, с. 39]. Противоположную позицию занимает А. С. Александров. По его мнению, потерпевший не вправе участвовать в заключении договора в связи с тем, что цель института является публичной и состоит в борьбе с преступностью. Из сказанного следует, что жертвой этой цели выступают права и законные интересы потерпевшего, которые часто носят узкоэгоистический характер, а значит ставить достижение публичных задач в зависимость от них нельзя [8, с. 9].

Применение института процессуального соглашения в форме сделки о признании вины с соблюдением интересов потерпевшего, исключив при этом главную цель уголовного судопроизводства (*борьбу с преступностью*) ошибочно, поэтому на законодательном уровне необходимо предусмотреть такой механизм соглашения, которым будут обеспечены права и интересы потерпевшего и государства в полном объеме. В то же время нужно учитывать тот факт, что процессуальное соглашение направлено на восстановление прав и законных интересов потерпевшего, защиту чести и достоинства личности, возмещение материального и морального вреда. Но заинтересованность потерпевшего заключается не только в возмещении вреда, ему также важно, чтобы подозреваемый (обвиняемый) понес справедливое наказание за совершенное им деяние. Участие потерпевшего в судебном заседании при согласительном производстве осуществляется лишь в исключительных случаях, по решению судьи из личных убеждений³. Мы, в свою очередь, считаем, что приглашение потерпевшего на судебное заседание должно быть обязанностью судьи, а не его правом. Судья должен лично убедиться в том, что потерпевший понимает всю сущность института процессуального соглашения и выразил свое согласие добровольно и осознанно. Невыполнение данных требований судом в дальнейшем может привести к жалобам со стороны лиц, потерпевших от преступления.

Таким образом, анализ норм уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан выявил ряд проблем в применении института согласительных процедур по отношению к отдельным участникам уголовного процесса, в связи с чем предлагаем рассмотреть вопрос о внесении изме-

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: практ. пособие. С. 348.

нений и дополнений в отдельные нормы УПК РК, регламентирующие участие потерпевшего в ходе производства предварительного следствия, по которому заключено процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины. По нашему мнению, последнему необходимо предоставить возможность отказа от процессуального соглашения, изменения требований о размере возмещения вреда, а также наделить правом высказывать свое мнение, сообщать подробности совершенного преступления в судебном заседании.

На основании сказанного считаем целесообразным изложить п. 3 ч. 1 ст. 614 УПК РК в следующей редакции:

«3) потерпевший, давший согласие на заключение процессуального соглашения, имеет право подать ходатайство на изменение требований о возмещении ущерба при ознакомлении с материалами дела».

Кроме того, необходимо изложить ст. 624 УПК РК в следующей редакции:

«В судебном заседании при согласительном производстве участвуют прокурор, подсудимый и его

защитник, а также потерпевший или его законный представитель, за исключением случаев, когда потерпевшим дано согласие на рассмотрение дела без его участия».

С введением данных изменений в УПК РК участие потерпевшего при заключении процессуального соглашения будет не формальным, а права и законные интересы лиц, совершивших преступление и пострадавших от преступных действий, будут обеспечены полноценно. Кроме того, у него появится возможность в полной мере заявить и отстоять свои права, как на стадии предварительного следствия, так и в судебном заседании. Применяя институт согласительных процедур, суд должен учитывать мнение потерпевшего, рассматривать его как личность, пострадавшую от преступных деяний. В связи с этим отстранение последнего от участия в судебном заседании будет являться ограничением реализации его прав и законных интересов, что в итоге повлечет нарушение принципов уголовного законодательства.

---

1. Правовое положение и права потерпевшего в сделке о признании вины по уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан / И. М. Беляева, А. К. Кусаинова, Б. М. Нургалиев, К. С. Уалиев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18, № 4. С. 7—14.

2. Генералова А. С. Роль потерпевшего в уголовном судопроизводстве России: монография. Екатеринбург: Урал. юрид. ин-т МВД России, 2020. 135 с.

3. Гричаниченко А. В. Проблемы особого порядка судебного разбирательства в судебной практике и пути их решения // Уголовное право. 2005. № 4. 2005. С. 62—64.

4. Овсянников И. В. Постановление приговора в особом порядке судебного разбирательства: значение мнений участников процесса // Уголовный процесс. 2006. № 8 (20). С. 39—47.

5. Зайцева Е. А. Трехжды потерпевший // Законность. 2015. № 1. С. 34—38.

6. Парфенов В. Н. Проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при особом порядке принятия судебного решения в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский судья. 2009. № 11. С. 15—18.

7. Колоколов Н. А. Назначение наказания лицу, с которым заключено досудебное соглашение

---

1. Belyaeva I. M., Kusainova A. K., Nurgaliyev B. M., Ualiyev K. S. Legal status and rights of the victim in a plea bargain according to the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan. Vestnik of the South Ural State University. "Right" Series, 7—14, 2018. (In Russ.).

2. Generalova A. S. The role of the victim in the criminal proceedings in Russia. Monograph. Yekaterinburg: The Ural Law Institute of the Interior Ministry of Russia; 2020: 135. (In Russ.).

3. Grichanichenko A. V. Problems of a special order of trial in judicial practice and ways to solve them. Criminal Law, 62—64, 2005. (In Russ.).

4. Ovsyannikov I. V. Decision of the verdict in a special order of the trial: value of the opinions of the participants in the procedure. Criminal Procedure, 39—47, 2006. (In Russ.).

5. Zaytseva Ye. A. Three-timed victim. Legitimacy, 34—38, 2015. (In Russ.).

6. Parfenov V. N. Problems of ensuring the rights and legitimate interests of the victim with a special procedure for making a court decision in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement. Russian judge, 15—18, 2009. (In Russ.).

7. Kolokolov N. A. Punishment to the person with whom a pre-trial agreement on work has been made. Russian Judge, 38—41, 2010. (In Russ.).

о сотрудничестве // Российский судья. 2010. № 11. С. 38—41.

8. Александров А. С. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3—11.

8. Alexandrov A. S. Agreement on pre-trial work with the prosecution: legal essence and issues of interpretation of the norms to be included in chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Criminal Procedure, 3—11, 2009. (In Russ.).

Кудайбергенова Евгения Александровна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
Jane2909@mail.ru

Kudaybergenova Yevgeniya Alexandrovna,
associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
Jane2909@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 29.03.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 16.03.2022; approved after reviewing 29.03.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.12

doi: 10.25724/VAMVD.PPPP

**ПОЛНОМОЧИЯ НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ
И НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ
МВД РОССИИ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
ПОНЯТИЕ, ИСТОРИЯ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Эльдар Кяримович Кутуев*, **Фарход Мирзомахмад Розикзода****

Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург, Россия

* kutuev@inbox.ru, ** kutuev@inbox.ru

Аннотация. Начальник органа дознания и начальник подразделения дознания — участники уголовного судопроизводства на стороне обвинения, полномочия которых вызывают дискуссии и определенные сложности правоприменения. Тенденция происходящих реформ, положения Концепции судебной реформы 1991 г. требуют постоянного изучения теоретических основ и исторического опыта построения органов дознания. Игнорирование российского опыта уголовного судопроизводства и растущее число предложений по изменению законодательства могут серьезно повлиять на принцип верховенства права. Авторы при помощи историко-правового анализа рассматривают возникающие при расследовании вопросы в форме дознания после принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и на основе этого прогнозируют возможные варианты развития событий: отмена дознания как формы расследования при возвращении полицейского расследования; расширение полномочий по контролю за дознавателями и иными сотрудниками органа дознания начальника органа дознания и начальника подразделения дознания; возвращение протокольной формы досудебной подготовки материалов; сохранение дознания в сокращенной форме и его упразднение в общем порядке.

Ключевые слова: дознание, предварительное расследование, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания

Для цитирования: Кутуев Э. К., Розикзода Ф. М. Полномочия начальника органа дознания и начальника подразделения дознания МВД России в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: понятие, история, тенденции развития // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 130—135. doi: 10.25724/VAMVD.PPPP

**POWERS OF THE HEAD OF THE BODY OF INQUIRY
AND THE HEAD OF THE DEPARTMENT OF INQUIRY
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA
IN THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS:
CONCEPT, HISTORY, DEVELOPMENT TRENDS**

Eldar Karimovich Kutuev*, **Farkhod Mirzomakhmad Rozikzoda****

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Saint Petersburg, Russia

* kutuev@inbox.ru, ** kutuev@inbox.ru

Abstract. The head of the body of inquiry and the head of the unit of inquiry are participants in criminal proceedings on the side of the prosecution, whose powers cause discussions and certain difficulties of law enforcement. The trend of ongoing reforms, the provisions of the Concept of Judicial Reform in 1991 require constant study of the theoretical foundations and historical experience of building bodies of inquiry. Ignoring the Russian experience of criminal proceedings and the existing trends of increasing proposals for changing legislation can seriously affect the principle of the rule of law. The task in preparing the article: with the help of historical and legal analysis

to consider emerging issues in the investigation in the form of an inquiry after the adoption of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and on the basis of this to predict possible scenarios. The main ways identified are: the cancellation of the inquiry as a form of investigation, upon the return of the police investigation; the expansion of the powers to control the interrogators and other employees of the body of inquiry of the head of the body of inquiry and the head of the unit of inquiry; the return of the protocol form of pre-trial preparation of materials, and the preservation of only the inquiry in an abbreviated form, abolishing the inquiry in a general manner.

Keywords: inquiry, preliminary investigation, head of the body of inquiry, head of the department of inquiry

For citation: Kutuev E. K., Rozikzoda F. M. Powers of the head of the body of inquiry and the head of the department of inquiry of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the pre-trial stages of criminal proceedings: concept, history, development trends. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 130—135, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.PPPP

За расследованием уголовных дел осуществляется ведомственный и судебный контроль. Одной из форм расследования является дознание, в котором контроль за расследованием осуществляют начальник органа дознания (НОД) и начальник подразделения дознания (НПД).

Начальник органа дознания был известен как участник уголовного процесса еще в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (ст. 34). Первым закреплением процессуального положения данного должностного лица на современном этапе считается разъяснение Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России. На данный момент процессуальный статус как начальника органа дознания, так и начальника подразделения дознания закреплен в ст. 40.1 и 40.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

За столь короткое законодательное существование их статус неоднократно менялся. Так, было издано три федеральных закона, существенно изменивших полномочия на досудебных стадиях и учитывающих преобразования непосредственно в структуре органов дознания. Это делает имеющиеся дискуссии еще более острыми. Некоторые авторы говорят о сложностях в определении, несовершенстве законодательной нормы [1, с. 133], реформах органов внутренних дел [2, с. 116].

Изучение предложений, сформулированных в 30 диссертационных исследованиях с 2016 г., о формах предварительного расследования, полномочиях органа дознания, статусе начальника органа дознания, подразделения дознания показало, что наиболее частыми являются следующие:

Предложения	Количество предложений
Увеличить полномочия НОД, передав часть полномочий от прокурора	18
Увеличить полномочия НПД, передав часть полномочий от прокурора	14
Детализировать полномочия НОД и НПД в УПК РФ	4
Изменить досудебное производство путем введения протокольной формы	4
Детализировать субъекта, за которым осуществляется контроль со стороны НОД	2
Возложить полномочия по осуществлению контроля и руководства за расследованием уголовных дел на НПД	2
Ввести нового участника уголовного процесса — начальника вышестоящего органа дознания	2
Изменить процессуальный статус полиции как органа дознания	2
Смена парадигмы дознания преждевременна и недостаточно обоснована	2
Уменьшить объем полномочий НОД в отношении правомочного дознавателя специализированных подразделений	2
Увеличить полномочия прокурора за деятельностью органа дознания	2
Расширить права дознавателя, предусмотрев его процессуальную самостоятельность	2
Исключить дознание в общем порядке	2

В юридической литературе две формы расследования постоянно сравниваются, подвергаются критике, а также предлагается множество вариантов по их реформированию.

Одной из причин называется отсутствие резкого изменения в повышении качества расследования. Приводя статистические показатели количества оконченных уголовных дел с обвинительным актом

и возвращенных на дополнительное расследование, авторами ряда исследований приводится негативная картина [1, с. 132; 3, с. 3]. В защиту сотрудников органов уголовного преследования следует указать, что в изучаемые периоды не учитывались изменения в подследственности дознавателей, сложности в необходимости изучения большого количества материалов и методик расследования

различных видов преступлений, несмотря на загруженность и количество уголовных дел в производстве (по результатам реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности», опубликованном на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации).

Год	Находилось в производстве	Окончено производством	Направлено в суд с обвинительным актом (обвинительным постановлением)	Уголовное преследование прекращено в порядке ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ
2020	1,9 млн	383,7 тыс.	315,6 тыс.	30,45 тыс.
2019	1,124 млн	393,9 тыс.	323,8 тыс.	8,7 тыс.
2018	1,150 тыс.	412,6 тыс.	358,5 тыс.	3,9 тыс.
2016	1,341 тыс.	517,7 тыс.	410,6 тыс.	—

Как видно из таблицы, количество уголовных дел, находящихся в производстве, резко увеличилось. Это связано с тем, что с 2016 г. было принято 15 федеральных законов о внесении изменений и дополнений в ст. 150 УПК РФ. Ни один из них не уменьшал, а лишь увеличивал перечень добавляемых статей.

Так как НОД были фактически до внесения изменений в УПК РФ и лишь получили закрепление статуса в отдельных статьях УПК РФ, то резкого положительного изменения как качества расследования, так и уменьшения возвращения уголовных дел прокурором ожидать не стоило.

Происходящие реформы в ОВД, сокращение численности сотрудников органа дознания, изменение подследственности не могли не сказаться на количестве высказываемых предложений по возможному улучшению ситуации. Результаты нашего исследования юридической литературы позволили выявить три основные тенденции: возвращение протокольной формы подготовки материалов [4]; полный отказ от дознания и стадии возбуждения уголовного дела [5]; существенное расширение подследственности органов дознания, так как имеются на рассмотрении законопроекты о введении уголовного проступка. Каждый из этих путей непосредственно скажется на имеющихся полномочиях контролирующих должностных лиц.

При данном исследовании нами был избран исторический метод. Считаем, что любое предложение по реформированию или отстаиванию статки в развитии отдельных институтов должно быть детально исследовано теорией уголовного процесса, так как именно соответствие норм права действительным, социально значимым принципам и тради-

циям обеспечивает авторитет закона как нормативного правового акта, стоящего на вершине правовой системы. Поддерживаем позицию, что закон должен быть авторитетным и стабильным, обеспечиваться исполнением и гарантиями незамедлительного восстановления нарушенного права [6]. Многие, критикуя действующие нормы УПК РФ, забывают о вынужденных мерах законодателя соблюсти требования мирового сообщества при реформах, происходящих в России. Это приводит к поиску компромиссных решений, частому внесению изменений в действующее законодательство в результате решений по жалобам в Конституционный Суд Российской Федерации и Европейский Суд по правам человека. Именно об этом постоянно напоминают представители рабочей группы по подготовке УПК РФ [7], но, к сожалению, многие авторы уже столь сильно увлечены критическими рассуждениями и попыткой очередного реформирования норм УПК РФ, что настраиваются на исследования норм зарубежного законодательства, забывая о многовековой собственной практике. В таких реалиях представители науки уголовного процесса должны способствовать переходу на качественно иной уровень познания предмета теории, чтобы сохранить историческое наследие и выработать тенденции повышения эффективности уголовно-процессуального регулирования.

Несмотря на имеющиеся фундаментальные исследования реформ органов дознания (например, Е. Н. Арестова, Т. В. Вальковой, Б. Я. Гаврилова, А. П. Гуляева, А. М. Долгова, Т. Д. Дудуровой, М. В. Зотовой, В. М. Лукина, А. П. Рыжакова, В. М. Савицкого, А. В. Смирнова, О. В. Химичевой,

Г. П. Химичевой, С. Д. Шестаковой, В. В. Шимановского и др.), количество внесенных изменений в действующее законодательство и реформирование органов дознания оставляет тему дискуссионной и актуальной.

Первая дискуссия, имеющая не только теоретическое, но и непосредственно практическое значение, велась с момента вступления в действие УПК РФ. Основная причина спора состояла в трактовке органа дознания (милиции). В соответствии с Законом Российской Федерации «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 она подразделялась на милицию общественной безопасности и криминальную милицию. Каждая из них наделялась полномочиями органа дознания, поэтому никаких вопросов по субъекту, согласующему процессуальные решения, не возникало. Пункт 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания отнес не полицию, а органы внутренних дел. Сразу же встал вопрос: «Кто является начальником органа дознания?». В силу того, что начальник ОВД по своим должностным обязанностям не наделялся полномочиями по непосредственному контролю за расследованием уголовных дел, практика согласования оставалась прежней. Это приводило к возвращению из суда большого количества уголовных дел, расследуемых в форме дознания, в рамках которых обвинительный акт был согласован с начальником подразделения дознания. Ведь на тот период УПК РФ не содержал возможности рассматривать начальником органа дознания его заместителей (начальника милиции общественной безопасности и начальника криминальной милиции). Проблема была устранена лишь с вступлением в силу Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя» от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ.

С учетом объема полномочий начальника ОВД практиками также ставился вопрос о возможности делегирования соответствующих полномочий другим должностным лицам. Отсутствие четких положений и разъяснений приводило к разнообразной судебной практике. Ситуация усугублялась продолжением поиска путей совершенствования форм предварительного расследования, так как одобренная в 1992 г. Верховным Советом РСФСР Концепция судебной реформы диктовала путь реформ, при котором следовало полное исключение самостоятельного расследования преступлений органами дознания¹. До настоящего времени поло-

жения Концепции как находят своих сторонников, так и имеют рьяных противников.

Напомним, ст. 40.1 УПК РФ, имеющая название «Начальник подразделения дознания», была введена в УПК РФ в 2007 г.², а статья 40.2 УПК РФ, регламентирующая полномочия начальника органа дознания, появилась в УПК РФ только в 2015 г.³ Если статус начальника подразделения дознания стал новеллой российского законодательства и появился в результате процессуальной реформы в сфере прокурорского надзора и ведомственного контроля, то введение в УПК РФ в 2015 г. ст. 40.2 не стало для УПК РФ новым. Статус данного лица был закреплен в уголовно-процессуальном законе и раньше, однако полномочия этого участника были «разбросаны» по разным главам УПК РФ, что порождало вопросы как теоретического, так и практического характера. Поэтому законодатель принял решение унифицировать полномочия НОД, сконцентрировав их по примеру других участников в отдельной самостоятельной статье.

В соответствии с п. 24 ст. 5 УПК РФ орган дознания — это государственные органы и должностные лица, которые перечислены в ч. 1 ст. 40 УПК РФ, уполномоченные в соответствии с УПК РФ осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия.

Не вдаваясь в структуру МВД России на современном этапе, так как это не является предметом нашего рассмотрения в этой статье, отметим, что именно большой перечень полномочий НОД по контролю за расследованием позволяет исследователям проводить параллели между данным участником и руководителем следственного органа [2, с. 118].

Соотношение органа дознания и подразделения дознания позволит еще раз подчеркнуть функциональные положения рассматриваемых уголовно-процессуальных участников. Если органом дознания в уголовно-процессуальном смысле выступает орган внутренних дел (или иной орган, указанный в ст. 40 УПК РФ), то подразделением дознания считается специально выделенное подразделение, входящее в структуру данного органа, занимаю-

² См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

³ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федер. закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 60.

¹ См.: О концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

щееся производством дознания как формы предварительного расследования. Таким образом, орган дознания и подразделение дознания соотносятся как целое и часть.

Именно такое построение повлияло на распределение контрольных функций начальника подразделения дознания и начальника органа дознания.

Несмотря на наличие двух начальников, контролирующих работу органа дознания, приходится констатировать ограниченный характер их полномочий, так как большая часть процессуального контроля остается возложенной на прокурора. Право уполномочить на осуществление дознания порождает существенное расширение полномочий соответствующих лиц по проверке сообщения о преступлении, так как их начинают отождествлять с доз-

навателем, не видя различий на стадии возбуждения уголовного дела между процессуальной и административной деятельностью субъектов проверки информации.

Изменения форм предварительного расследования нуждаются в фундаментальных исследованиях, с тем чтобы не подорвать принцип верховенства права и выработать такую модель построения, которая бы соответствовала не только международным стандартам, но и современным реалиям Российской Федерации. Учитывая, что статус НОД и НПД не является новым, а лишь конкретизирован в соответствующих статьях УПК РФ, то делать выводы о нерезультативности соответствующих изменений не следует.

---

1. Кузнецов А. Н. О соотношении процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания на стадии расследования уголовного дела в форме дознания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 131—136.

2. Митюкова М. А. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника органа дознания // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2 (73). С. 115—123.

3. Стефанова Е. Ю. Процессуальный статус начальника органа дознания в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 30 с.

4. Насонова И. А., Зотова М. В. Протокольная форма досудебной подготовки материалов как базовая модель для дознания в сокращенной форме // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 47—53.

5. Савельев К. А., Трещева Е. А. Дознание как излишнее звено отечественного уголовного процесса // Юридический вестник Самарского университета. 2018. С. 107—112.

6. Бахта А. С. Механизм уголовно-процессуального регулирования как приоритетное направление развития уголовно-процессуальной теории // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 191—195.

7. Гаврилов Б. Я. О современном состоянии и авторской концепции досудебного производства в XXI веке: взгляд на проблему ученого и правоприменителя // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28 (1—4), № 4. С. 524—534.

---

1. Kuznetsov A. N. On the relationship between the procedural powers of the head of the body of inquiry and the head of the unit of inquiry at the stage of investigation of a criminal case in the form of inquiry. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 131—136, 2020. (In Russ.).

2. Mityukova M. A. On the issue of the procedural powers of the head of the body of inquiry. Siberian Legal Bulletin, 115—123, 2016. (In Russ.).

3. Stefanova E. Yu. Procedural status of the head of the body of inquiry in criminal proceedings. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2020: 30. (In Russ.).

4. Nasonova I. A., Zotova M. V. Protocol form of pre-trial preparation of materials as a basic model for inquiry in an abbreviated form. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 47—53, 2017. (In Russ.).

5. Savelyev K. A., Treshcheva E. A. Inquiry as an unnecessary link in the domestic criminal process. Legal Bulletin of Samara University, 107—112, 2018. (In Russ.).

6. Bakhta A. S. The mechanism of criminal procedure regulation as a priority direction for the development of criminal procedure theory. Gaps in Russian legislation, 191—195, 2011. (In Russ.).

7. Gavrillov B. Ya. On the current state and the author's concept of pre-trial proceedings in the 21st century: a look at the problem of a scientist and law enforcer. Man: crime and punishment, 524—534, 2020. (In Russ.).

Кутуев Эльдар Кяримович,

начальник кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
kutuev@inbox.ru

Розикзода Фарход Мирзомахмад,

адъюнкт кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета
МВД России;
kutuev@inbox.ru

Kutuev Eldar Karimovich,

head of the department of criminal procedure
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
kutuev@inbox.ru

Rozikzoda Farkhod Mirzomakhmad,

associate adjunct of the Department
of Criminal Procedure
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
kutuev@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 25.02.2022; одобрена после рецензирования 04.03.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 04.03.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.102

doi: 10.25724/VAMVD.QQQQ

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНЫХ
И СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ОРГАНИЗОВАННЫМ ГРУППАМ
(ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВАМ):
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

Эльвира Фаильевна Лугинец*, Евгений Александрович Лугинец,
Юрий Владимирович Третьяков*****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

elfik3000nn@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

evgeni-luginec@yandex.ru

*** Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

uriiopc2008@rambler.ru

Аннотация. В статье авторы освещают некоторые направления деятельности оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел по противодействию организованным группам (преступным сообществам); раскрывают проблемы ведомственного нормативного правового регулирования, организационно-тактического взаимодействия данных подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации по вопросам раскрытия и расследования преступлений рассматриваемой категории. Предлагаются возможные пути решения выявленных и исследованных проблем, в частности, меры, направленные на совершенствование ведомственного нормативного правового регулирования российского законодательства в указанном сегменте с учетом потребностей практической деятельности. Авторы приходят к выводу, что вопросы выявления, раскрытия и расследования преступных деяний, совершаемых членами организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций), не могут быть проигнорированы государством в силу их чрезмерной общественной опасности, они требуют к себе пристального внимания со стороны правоприменителей и научной общественности.

Ключевые слова: организованная преступность, организованная группа, преступное сообщество, предварительное следствие, оперативно-разыскная деятельность, следственные действия, оперативно-разыскные мероприятия, взаимодействие оперативных и следственных подразделений

Для цитирования: Лугинец Э. Ф., Лугинец Е. А., Третьяков Ю. В. Взаимодействие оперативных и следственных подразделений при противодействии организованным группам (преступным сообществам): актуальные проблемы и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 136—143. doi: 10.25724/VAMVD.QQQQ

**INTERACTION OF OPERATIONAL
AND INVESTIGATION DIVISIONS IN COUNTERACTION
TO ORGANIZED GROUPS (CRIMINAL COMMUNITIES):
CURRENT PROBLEMS AND SOLUTIONS**

Elvira Failyevna Luginets*, Eugeny Alexandrovich Luginets**, Yury Vladimirovich Tretyakov***

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

elfik3000nn@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

evgeni-luginec@yandex.ru

*** Volgograd State University, Volgograd, Russia

uriiopc2008@rambler.ru

Abstract. In the article the authors highlight some areas of activity of operational and investigative units of internal affairs bodies to counter organized groups (criminal communities). The problems of departmental regulatory legal regulation, organizational and tactical interaction of these units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the disclosure and investigation of crimes of the category in question are revealed. At the same time, possible ways of solving the identified and investigated problems are proposed. In particular, measures aimed at improving the departmental regulatory legal regulation of the current Russian legislation in the considered segment, taking into account the needs of practical activities. In conclusion, the authors come to the conclusion that the issues of identification, disclosure and investigation of criminal acts committed by members of organized groups or criminal communities (criminal organizations) cannot be ignored.

Keywords: organized crime; organized group; criminal community; preliminary investigation; operational-investigative activity; investigative actions; operational-investigative measures; interaction of operational and investigative units

For citation: Luginets E. F., Luginets Eu. A., Tretyakov Yu. V. Interaction of operational and investigation divisions in counteraction to organized groups (criminal communities): current problems and solutions. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 136—143, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.QQQQ

Анализ криминогенной обстановки в России, основанный на официальных статистических данных и информации о латентных масштабах и характере противоправной деятельности, свидетельствует, что организованная преступность сегодня угрожает не только общественной безопасности, законным правам и свободам граждан, но и национальной безопасности страны в целом. Активная деятельность преступных сообществ (преступных организаций) в настоящее время Стратегией национальной безопасности России, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400¹, отнесена к числу основных угроз Российской Федерации, ее государственной, общественной безопасности, а также мирового сообщества.

Опираясь на коррумпированные связи в органах власти и управления, организованная преступность оформилась в развитую систему, вторгшуюся в экономику, политику и нарушающую нормальное функционирование данных институтов. Преступные сообщества не только действуют на территории нашей страны, но и активно используют единое криминальное постсоветское пространство и территории других мировых держав для отмывания доходов от преступной деятельности, наркобизнеса, разворовывания национальных богатств и иной криминальной эскалации. По оперативной информации, российская организованная преступность, получившая в мировом сообществе наименование «русская мафия», поддерживает тесные преступные контакты более чем с 40 государствами ближнего

и дальнего зарубежья, в их числе США, практически все страны Евросоюза, Великобритания, Израиль, Турция и др.

Наиболее организованные, а также материально, информационно и интеллектуально обеспеченные преступные сообщества (преступные организации) сосредоточили свои усилия в сферах, позволяющих без особых затрат извлекать сверхкрупные и при этом трудновываемые криминальные доходы. Сегодня особым вниманием криминальных структур пользуются ортодоксально криминальная бизнес-среда незаконного оборота оружия и наркотиков, а также потребительский рынок, незаконный оборот алкогольной продукции, топливно-энергетический комплекс, автобизнес, фальшивомонетничество, операции с драгоценными металлами и др.

По статистическим данным последних лет, основными очагами деятельности преступных сообществ в Российской Федерации остаются Центральный, Приволжский, Северо-Западный, Сибирский, Уральский и Северо-Кавказский регионы. Так, в 2021 г. на территории нашей страны зарегистрировано 21 256 (+4 127) предварительно расследованных преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами (преступными организациями), из них: в Центральном федеральном округе — 7 454 преступления, в Приволжском — 3 356, Северо-Западном — 3 345, Сибирском — 1 602, Уральском — 1 510 и Северо-Кавказском — 1 273. Количество выявленных лиц, совершивших преступления в составе организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций), на территории нашей страны в 2021 г. составило 10 987 (+1 944) человек, из них: в Центральном федеральном округе — 1 236 чело-

¹ См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

век, в Приволжском — 1 838, Северо-Западном — 1 125, Сибирском — 1 285, Уральском — 698 и Северо-Кавказском — 675¹.

При положительной динамике выявления рассматриваемых преступлений необходимо учесть, что для деликтов данной категории характерны, во-первых, чрезвычайно высокая латентность, обусловленная, прежде всего, групповым высокоорганизованным характером совершения преступлений, сопряженным с глубокой конспирацией действий; во-вторых, вовлечение коррумпированных сотрудников правоохранительных и иных органов государственной власти. Поэтому необходимо резюмировать: проблема борьбы с преступностью организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций), к сожалению, продолжает оставаться сверхактуальной. Достигнутые успехи в этом направлении свидетельствуют о необходимости укрепления позиций правоохранительных органов, усиления принимаемых мер. На некоторых из них мы остановимся подробнее в данной статье.

Следует отметить, что в связи с форматом исследования в статье останется нерассмотренным ряд важных аспектов темы, в числе которых пресечение каналов легализации преступных доходов, защита участников уголовного процесса и др. Никим образом нельзя это воспринимать как отсутствие у авторов интереса к данным вопросам или свидетельство их незначительности. Внимание будет заострено на проблемах организационного уровня, а именно на взаимодействии оперативных и следственных подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В соответствии с утвержденным Правительством Планом реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» на очередной финансовый 2022 г. и плановый период до 2023 г. МВД России намечено проведение оперативно-профилактических мероприятий, в том числе направленных на выявление и пресечение деятельности преступных групп, а также транс-

граничной преступности (установленный срок — до 31 декабря 2023 г.)².

Начиная с 2019 г. законодателем сделаны определенные действенные шаги. Так, были внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ)³ и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ)⁴, непосредственно направленные на противодействие организованной преступности. В частности, была скорректирована норма ст. 210 УК РФ, предусматривающая ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней); введена новелла — ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии». В свою очередь Президент России в пояснительной записке обратил внимание на то, что организованными преступными сообществами совершаются наиболее опасные и тяжкие преступления.

Однако тенденция усиления противодействия организованной преступности не является принципиально новой, она берет начало еще задолго до названных изменений в уголовном законодательстве и является предметом множества научных исследований и дискуссий [1—6].

Для организованной преступности, безусловно, имманентно присуща высокая общественная опасность совершаемых преступлений, а также латентность. На это указал Верховный Суд Российской Федерации в судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации): «организованная преступность в ее различных проявлениях посягает на общественную безопасность, жизнь и здоровье граждан, собственность, нарушает нормальное функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объедине-

² См.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 (ред. от 26.11.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.04.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ См.: Форма статистической отчетности «Оперативная статистическая информация о состоянии преступности и результатах выявления и раскрытия преступлений» — Форма «1-А» (код 451), утв. приказом МВД России от 28 февраля 2012 г. № 134, за январь — декабрь 2021—2020 гг. // АИС «Портал ГИАЦ» (дата обращения: 02.05.2022).

ний»¹. Показательна в связи с этим точка зрения В. И. Третьякова о том, что «организованная преступность способствует снижению доходов государства, повышению расходов на уголовное преследование, а также значительно ускоряет построение замкнутой системы субкультуры с антиобщественными нормами и правилами поведения» [7, с. 261].

Таким образом, выявление и раскрытие преступлений корыстно-насильственной направленности по-прежнему являются одним из ключевых направлений деятельности всей правоохранительной системы нашего государства. Но все же меры, принимаемые органами внутренних дел по выявлению, раскрытию и расследованию рассматриваемых преступлений, продолжают оставаться недостаточно эффективными, своевременными, действенными.

Глубокий анализ статистических данных в совокупности с анкетированием и интервьюированием сотрудников оперативных и следственных подразделений, обращением к следственно-судебной практике, личным практическим опытом авторов в этом направлении свидетельствует о том, что существенная проблема заключается в снижении уровня профессионализма правоприменителей (следователей и оперативных сотрудников), которые не в состоянии надлежащим образом выявить, задокументировать и доказать особо квалифицированный признак преступлений «организованная группа (преступное сообщество)» либо составы преступлений, предусмотренные ст. 210 и 210.1 УК РФ. Показательно, что преступления, возбужденные по ст. 210 УК РФ, более чем в половине случаев вовсе не доходят до суда. По ним прекращается уголовное преследование за недоказанностью на стадии предварительного расследования, перед «окончательным» предъявлением обвинения участникам преступных групп. Не всегда правоприменители в состоянии отличить организованную группу от преступного сообщества (преступной организации), характеризующегося более сложной внутренней структурой и зачастую объединением нескольких организованных групп (либо являющегося структурированной организованной группой), консолидация которых имеет целью совместное совершение тяжких или особо тяжких преступлений для получения материальных

благ; «расписать» в обвинении преступные роли соучастников².

Изучение правоприменительной практики позволило сделать выводы, что действующие в настоящее время организованные группы (преступные сообщества) в подавляющем большинстве имеют межрегиональный характер своей противоправной деятельности. В современных условиях при совершении противоправных деяний преступный элемент активно и вполне успешно использует самые современные достижения научно-технического прогресса, специальную форменную и камуфлированную одежду, группы наблюдения и прикрытия, оружие, специальные средства и т. п.

Объективная необходимость повышения уровня противодействия организованной и «профессиональной» преступности определяется важным обстоятельством. С максимальной вероятностью, по нашему мнению, таковым обстоятельством является высокая степень организованности при подготовке и совершении преступлений. На это указали более половины интервьюированных респондентов. Довольно часто низкий уровень раскрываемости и последующего доказывания рассматриваемых деликтов может являться «итогом недостатков и упущений в оперативно-служебной деятельности служб и подразделений органов внутренних дел»³.

Ранее нами уже отмечено, что «обобщение опыта противодействия организованной преступности показывает, что умение сотрудника оперативного подразделения находить источники получения оперативно значимой информации, тактически и психологически продуманная работа с ними, грамотная оценка полученных от них сведений играют важную роль в документировании преступных действий участников организованных групп. Именно эта информация, дополненная данными, полученными в результате проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий, позволяет „проникнуть“ во многие процессы, происходящие в разрабатываемых криминальных структурах, в среде их организаторов и активных участников» [6, с. 156].

² См., напр.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Хакасия от 03.10.2017 и постановление Президиума Верховного Суда Республики Хакасия от 01.03.2018 // Архив Абаканского городского суда Республики Хакасия. Дело № 22-1168/2017.

³ См.: Результаты анкетирования и интервьюирования руководителей и сотрудников оперативных и следственных подразделений ГУ МВД России по Волгоградской и Нижегородской областям. Анкетирование проводилась в период с сентября 2019 г. по сентябрь 2021 г., в нем приняли участие 127 сотрудников.

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В последующем рассекречивание и предоставление данной информации органам предварительного расследования позволяют следователям не только возбуждать уголовные дела по преступлениям, предусмотренным ст. 210, 210.1 УК РФ, но и успешно их расследовать, доказывая вину причастных лиц.

Существенно осложняют оперативную работу в преступной среде присущие организованным группам закрытость, клановость, иерархия и строгая дисциплина. Поэтому оперативные сотрудники при сборе оперативно значимой информации в рамках документирования должны иметь в виду, что большая часть их усилий будет направлена на доказывание виновности организатора. Необходимо учитывать и фиксировать те ключевые моменты, которые в последующем будут использоваться в уголовном судопроизводстве. К таковым мы относим: определение преступных ролей, распределение средств между участниками организованной группы; построение и поддержание дисциплины, а также «системы безопасности» внутри формирования; конкретные указания организатора по совершению преступлений и т. п. Для этого требуются тщательно подготовленные, последовательные, активные наступательные действия со стороны оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступной деятельности организованных групп. Сотрудники оперативных подразделений при решении задач оперативно-разыскной деятельности по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, осуществляют оперативную разработку членов организованных групп (преступных сообществ). В связи с этим они наделены правом заведения дел оперативного учета¹.

Основной задачей оперативной разработки является документирование, представляющее собой непрерывный процесс выявления, закрепления и фиксации преступных действий лиц, причастных к преступлениям, осуществляемый сотрудниками оперативных подразделений в соответствии с оперативно-разыскным законодательством посредством разработки и проведения комплекса оперативно-разыскных мероприятий с привлечением (в случае необходимости) других подразделений МВД России, а также иных органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность в целях сбора фактических данных об обстоятельствах совершения пре-

ступлений для дальнейшего использования в процессе доказывания по уголовным делам.

Профессор М. П. Поляков верно заметил: «Сегодня уже никто не сомневается в том, что без средств и методов оперативно-разыскной деятельности современному уголовному судопроизводству не под силу подобраться к большинству серьезных преступлений и, в первую очередь, к организованной преступности» [8, с. 7]. Мы со своей стороны добавили, что не только «подобраться», но и задокументировать, а в последующем успешно доказать наличие организованной группы (преступного сообщества). Обратим внимание на следующее: довольно часто особо квалифицирующий признак «совершенное организованной группой», а также уголовные дела по составам преступлений, предусмотренным ст. 210, 210.1 УК РФ, возбуждаются следователями уже в процессе расследования основного уголовного дела и на длительных сроках предварительного расследования, что впоследствии сильно затрудняет их доказуемость.

В связи со сказанным необходимо особо выделить еще один проблемный вопрос: в ходе взаимодействия сотрудникам следственных и оперативных подразделений нужно составлять совместный план проведения следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, учитывающий не только следственные, но и розыскные версии. Данный план согласовывается с руководителями следственного и оперативного подразделений и утверждается у начальника соответствующего территориального органа внутренних дел. Это поможет предусмотреть на самых ранних этапах планирования совместной деятельности знание специфики доказывания фактов преступной деятельности не только сотрудником оперативного подразделения, но и, соответственно, следователем. Например, особенностей документирования, в том числе с использованием исключительно оперативно-разыскных сил, средств и методов. В связи с этим мы полностью разделяем точку зрения профессора В. Т. Томина о том, что «...в реальном уголовном судопроизводстве не бывает проблем уголовно-процессуальных или оперативно-разыскных. Бывают просто проблемы — жизненные проблемы раскрытия преступлений и создания доказательственной базы для направления дела в суд. А для их решения надобно привлекать инструментарий как уголовно-процессуальный, так и оперативно-разыскной» [8, с. 5]. К сожалению, 86 % опрошенных респондентов указали на отсутствие своевременного, грамотного, организованного на самых начальных этапах взаимодействия между следователями и оперативными сотрудниками.

¹ См.: Об оперативно-разыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В продолжение необходимо также отметить недостаточно эффективно организованное взаимодействие следственных и оперативных подразделений в процессе противодействия организованным группам (преступным сообществам), осуществляющим преступную деятельность на территории двух и более субъектов России. На это указали более 80 % опрошенных респондентов. Результатом подобного положения дел может являться не только негативное влияние на конечные результаты профессиональной деятельности правоприменителей, но и создание предпосылок возникновения угрозы для жизни и здоровья лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям. На данный негативный факт также обратили внимание более 48 % респондентов¹.

В настоящее время по-прежнему основными нормативными правовыми актами, регламентирующими вопросы взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных в составе организованных групп (преступных сообществ), являются Положение об организации межведомственного взаимодействия по противодействию преступлениям, совершаемым организованными группами и преступными сообществами², Инструкция по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел³.

Вместе с тем проведенное нами анкетирование свидетельствует, что в 76 % случаев изучение

на местах указанных нормативных правовых актов с личным составом не осуществляется⁴.

Наряду с этим существенной проблемой противодействия появлению организованной преступности в целом является фактическое отсутствие после неоднократных реорганизаций специализированных следственных подразделений органов предварительного следствия в системе МВД России, организационно-функционально сориентированных на расследование преступлений данной направленности, функционирующих по межрайонному (межрегиональному) принципу и фактически осуществляющих взаимодействие на данном уровне с заинтересованными оперативными подразделениями органов внутренних дел. Для оптимизации взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений территориальных органов МВД России на межрегиональном уровне необходимо проработать вопрос о создании межрегиональных следственных подразделений по расследованию организованной преступной деятельности на базе подразделений в составе следственных управлений либо главных следственных управлений территориальных органов МВД России на региональном уровне. Для этого нужно в дополнение к приказу МВД России от 9 января 2018 г. № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России»⁵ разработать Типовое положение и Типовую структуру межрайонного (межрегионального) следственного подразделения по расследованию преступлений, совершаемых организованными группами (преступными сообществами) и включить его в перечень приложений к рассматриваемому приказу МВД России. Эту инициативу поддержали более 80 % опрошенных респондентов⁶.

Подводя итог, отметим, что вопросы выявления, раскрытия и расследования преступных деяний,

¹ См.: Результаты анкетирования и интервьюирования руководителей и сотрудников оперативных и следственных подразделений ГУ МВД России по Волгоградской и Нижегородской областям. Анкетирование проводилось в период с сентября 2019 г. по сентябрь 2021 г., в нем приняли участие 127 сотрудников.

² См.: Об утверждении Положения об организации межведомственного взаимодействия по противодействию преступлениям, совершаемым организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями): приказ Генеральной прокуратуры РФ, ФСБ России, СКР России, ФСКН России, ФТС России, ФСИН России от 14 мая 2013 г. № 192/420/279/15/229/1071/293 // СТРАС «Юрист-Регион» (дата обращения: 02.05.2022).

³ См.: Об утверждении Инструкции по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел: приказ МВД России от 29 апреля 2015 г. № 495дсп.

⁴ См.: Результаты анкетирования и интервьюирования руководителей и сотрудников оперативных и следственных подразделений ГУ МВД России по Волгоградской и Нижегородской областям. Анкетирование проводилось в период с сентября 2019 г. по сентябрь 2021 г., в нем приняли участие 127 сотрудников.

⁵ См.: Об органах предварительного следствия в системе МВД России: приказ МВД России от 9 января 2018 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁶ См.: Результаты анкетирования и интервьюирования руководителей и сотрудников оперативных и следственных подразделений ГУ МВД России по Волгоградской и Нижегородской областям. Анкетирование проводилось в период с сентября 2019 г. по сентябрь 2021 г., в нем приняли участие 127 сотрудников.

совершаемых членами организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций), не могут быть проигнорированными со стороны государства в силу их чрезмерной общественной опасности, они требуют пристального внимания как со стороны правоприменителей, так и научной общественности. Разработка и принятие соответ-

ствующих управленческих решений руководством Министерства внутренних дел Российской Федерации по рассмотренным направлениям будут способствовать повышению эффективности достижения конечных целей и желаемых результатов в сфере противодействия исследуемым негативным явлениям.

---

1. Иванцов С. В. Организованная преступность: системные свойства и связи (криминологическая оценка): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2009. 446 с.

2. Виденькина Ж. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 27 с.

3. Попов В. А. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 27 с.

4. Якушева Т. В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 26 с.

5. Бондарев А. С. Оперативно-розыскное противодействие органов внутренних дел лидерам преступных сообществ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 284 с.

6. Лугинец Э. Ф., Лугинец Е. А., Тихонов В. В. Актуальные вопросы взаимодействия оперативных и следственных подразделений при противодействии организованным группам (преступным сообществам), действующим в сфере криминального автобизнеса // Юрист-Правоведъ. 2021. № 4 (99). С. 153—159.

7. Третьяков В. И. Организованная преступность и легализация криминальных доходов: криминологические взаимосвязи и проблемы предупреждения: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2009. 268 с.

8. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под науч. ред. проф. В. Т. Томина. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 262 с.

---

1. Ivantsov S. V. Organized crime: systemic properties and connections (criminological assessment). Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2009: 446. (In Russ.).

2. Videnkina Zh. V. Criminal responsibility for the organization of a criminal community or participation in it. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2012: 27. (In Russ.).

3. Popov V. A. Criminal community (criminal organization): questions of theory and practice. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2016: 27. (In Russ.).

4. Yakusheva T. V. Legislative regulation and practice of bringing to criminal responsibility for the organization of a criminal community (criminal organization). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2016: 26. (In Russ.).

5. Bondarev A. S. Operational and investigative counteraction of the internal affairs bodies to the leaders of criminal communities. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2022: 284. (In Russ.).

6. Luginets E. F., Luginets E. A., Tikhonov V. V. Topical issues of interaction between operational and investigative units in countering organized groups (criminal communities) operating in the field of criminal car business. Lawyer-Jurist, 153—159, 2021. (In Russ.).

7. Tretyakov V. I. Organized crime and legalization of criminal proceeds: criminological interrelations and problems of prevention. Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2009: 268. (In Russ.).

8. Polyakov M. P. Criminal procedural interpretation of the results of operational investigative activities. Monograph. Scientific ed. by prof. V. T. Tomin. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy; 2001: 262. (In Russ.).

Лугинец Эльвира Фаильевна,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
elfik3000nn@yandex.ru

Лугинец Евгений Александрович,
преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
evgeni-luginec@yandex.ru

Третьяков Юрий Владимирович,
доцент кафедры процессуального права
и криминалистики Волгоградского
государственного университета,
кандидат юридических наук,
uriiopc2008@rambler.ru

Luginets Elvira Failyevna,
associate professor at the department
of criminal procedure of the educational
and scientific complex for preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
elfik3000nn@yandex.ru

Luginets Eugeny Alexandrovich,
lecturer at the operational-investigative activity
and special equipment department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
evgeni-luginec@yandex.ru

Tretyakov Yury Vladimirovich,
associate professor at the department
of procedural law and criminalistics
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences;
uriiopc2008@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.19

doi: 10.25724/VAMVD.RRRR

**РОЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО
В УПРАВЛЕНИИ ХОДОМ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ
ПРИ КОЛЛЕГИАЛЬНОМ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Дмитрий Андреевич Лыков

lykov94@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы процессуальной деятельности председательствующего по управлению ходом судебного заседания. Реализуя соответствующие полномочия, председательствующий от имени всего состава суда вступает в правоотношения со сторонами, иными участниками уголовного процесса и публикой в зале суда. Отмечается нецелесообразность сохранения действующего в настоящее время порядка, при котором все решения, связанные с управлением ходом судебного заседания, принимаются составом суда путем совещания «на месте». Фигура председательствующего введена в процесс прежде всего для обеспечения оперативности принятия решений, в связи с чем предлагается предусмотреть в законе право председательствующего единолично принимать вопросы, не требующие вынесения определения, за исключением случаев возражения против принятого решения со стороны кого-либо из членов суда. Отдельное внимание уделено в статье порядку совещания коллегии судей при вынесении промежуточных судебных решений. Отмечается деструктивное значение института особого мнения судьи. Составление такого процессуального документа демонстрирует сторонам и публике в зале суда произошедший в составе суда раскол, что не может не подрывать доверия участников уголовного процесса и общества к правосудию.

Ключевые слова: коллегиальность, состав суда, председательствующий, особое мнение

Для цитирования: Лыков Д. А. Роль председательствующего в управлении ходом судебного заседания при коллегиальном рассмотрении уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 144—149. doi: 10.25724/VAMVD.RRRR

**THE ROLE OF THE PRESIDING JUDGE
IN MANAGING THE PROCESS OF THE COURT SESSION
DURING THE COLLEGIAL CONSIDERATION OF A CRIMINAL CASE**

Dmitry Andreevich Lykov

lykov94@mail.ru

Abstract. The article deals with certain issues of the procedural activities of the presiding judge in managing the course of the court session. By exercising the appropriate powers, the presiding judge, on behalf of the entire composition of the court, enters into legal relations with the parties, other participants in the criminal process and the public in the courtroom. It is noted that it is inexpedient to maintain the current order, in which all decisions related to the management of the course of the court session are made by the composition of the court through a meeting "on the spot". The figure of the presiding officer was introduced into the process primarily to ensure the promptness of decision-making, in connection with which it is proposed to provide for the right of the presiding officer to single-handedly take questions that do not require a ruling, with the exception of cases of objection to the decision by any of the members of the court. Special attention is paid in the article to the order of the meeting of the panel of judges when making interim judgments. The destructive significance of the institute of dissenting opinion of a judge is noted. The drafting of such a procedural document demonstrates to the parties and the public in the courtroom the split that has occurred in the composition of the court, which cannot but undermine the trust of the participants in the criminal process and society in justice.

Keywords: collegiality, composition of the court, presiding judge, dissenting opinion

For citation: Lykov D. A. The role of the presiding judge in managing the process of the court session during the collegial consideration of a criminal case. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 144—149, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.RRRR

Ключевая роль в организации судебного производства, независимо от того, какую стадию проходит уголовное дело — производства в суде первой, апелляционной, кассационной или даже надзорной инстанции, принадлежит председательствующему. Если принять во внимание то, с кем вступает в правоотношения в ходе осуществления своих полномочий председательствующий, то можно выделить два направления руководящей деятельности этого участника уголовного процесса:

— во-первых, организация рассмотрения судом уголовного дела: в данном аспекте ключевое значение приобретают властные полномочия председательствующего по управлению судебным разбирательством, реализуя которые он вступает в правоотношения со сторонами, иными участниками уголовного процесса, публикой в зале суда;

— во-вторых, организация работы судебной коллегии: в этом аспекте положение председательствующего раскрывается в первую очередь в системе правоотношений, складывающихся между ним и другими судьями, входящими в коллегию.

В настоящей статье основное внимание будет уделено процессуальной деятельности председательствующего по управлению ходом судебного заседания, в рамках которой рассматриваемый субъект от имени суда вступает в правоотношения со сторонами, иными участниками уголовного процесса и публикой в зале суда. Наибольший интерес при этом представляет собой специфика процессуального положения председательствующего судьи при рассмотрении уголовного дела коллегией профессиональных судей. В аспекте управления ходом судебного производства такая специфика выражена прежде всего в порядке собирания и исследования доказательств, а также принятия промежуточных процессуальных решений.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. определял процессуальное положение председателя суда следующим образом: «Председатель суда управляет ходом судебного следствия, наблюдает за порядком объяснений, возражений и замечаний, и устраняя в прениях все, что не имеет прямого отношения к делу, не допускает ни оскорбительных для чьей бы то ни было личности отзывов, ни нарушений должного уважения к религии» (ст. 611). На этом основании А. Ф. Кони следующим образом группировал основные полномочия председателя суда: 1) управление ходом заседания, установление

последовательности судебных действий; 2) наблюдение за порядком и содержанием самих судебных действий; 3) установление пределов исследования дела; 4) разрешение вопросов, касающиеся распределения времени (например, о перерывах заседания) [1, с. 80—81].

Действующий уголовно-процессуальный закон определяет полномочия председательствующего в ст. 243 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Наряду с обязанностями, сформулированными весьма широко (руководство судебным заседанием; принятие всех предусмотренных законом мер по обеспечению состязательности и равноправия сторон), указываются и конкретные полномочия (обеспечение соблюдения распорядка судебного заседания, ознакомление с ним участвующих в судебном заседании лиц, разъяснение участникам судебного разбирательства их прав и обязанностей, порядка их осуществления). Кроме того, целый ряд иных полномочий председательствующего закреплен в других статьях уголовно-процессуального закона (ст. 260, 271, 275, 291, 293 и др.).

В уголовно-процессуальном доказывании председательствующему отводится координирующая роль, поскольку именно он является тем представителем судебной коллегии, который управляет процессом собирания и исследования доказательств, а также определяет пределы доказывания. Как писал А. Я. Вышинский, сущность руководства председательствующего заключается в том, что именно он направляет ход судебного следствия в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины [2, с. 175—176].

Уголовно-процессуальный закон наделяет председательствующего полномочиями отклонять навязываемые вопросы и вопросы, не имеющие отношения к уголовному делу (ст. 275 УПК РФ), опрашивать стороны по окончании исследования представленных ими доказательств о том, желают ли они дополнить судебное следствие (ст. 291 УПК РФ). Председательствующий самостоятельно решает вопрос, вышел тот или иной участник процесса за пределы рассматриваемого дела, в полной ли мере выяснены те или иные вопросы [3, с. 21]. Он также вправе своим единоличным распоряжением устранять из судебного разбирательства все, что не имеет отношение к делу [4, с. 153—154].

Именно председательствующего имеет в виду законодатель, говоря в ч. 3 ст. 275 УПК РФ: «Суд задает вопросы подсудимому после его допроса сторонами». Но такое понимание вовсе не исключает из процесса доказывания других судей, входящих в коллегию.

В свое время М. С. Строгович обращал внимание на то, что возложение управления ходом судебного заседания на председательствующего вовсе «не означает, что он самолично производит все допросы и исследование доказательств...» [5, с. 374]. В современной юридической литературе отмечается, что суд, в отличие от сторон, «подсудимого не допрашивает, а лишь задает ему вопросы» [6, с. 216]. Впрочем, этот терминологический нюанс не влияет на общий смысл — в профессиональной коллегии каждый судья вправе участвовать в исследовании доказательств, в частности задавать допрашиваемым вопросы. Председательствующий при этом не вправе снимать вопросы или ограничить объем судебного следствия, если против этого возражают другие судьи [3, с. 22].

Право всех судей участвовать в допросах, а также иных судебных следственных действиях отражается на порядке ведения протокола судебного заседания. Следует согласиться с мнением Е. И. Фадеевой, что «в протоколе судебного заседания необходимо отражать не только вопросы, заданные допрашиваемым, но и то, кто именно из судей задает вопросы участникам судопроизводства и какие» [7, с. 106—107].

Соответственно, при коллегиальном рассмотрении уголовного дела подлежит расширительному толкованию норма ч. 3 ст. 243 УПК РФ: в протокол судебного заседания в обязательном порядке должны заноситься возражения любого участника судебного разбирательства против действий не только председательствующего, но и любого другого из судей, входящих в коллегию. Высказываемое в юридической литературе предложение фиксировать в протоколе еще и доводы судей, приведенные в обоснование признания (отклонения) таких возражений [7, с. 107], нам представляется спорным. Нельзя упускать из виду возможность злоупотребления сторонами правом заявлять возражения, в связи с чем закрепление громоздкой процедуры их разрешения всем составом суда могло бы приводить к затягиванию судопроизводства. Полагаем, что решение по поступающим от участников судебного заседания возражениям должен принимать председательствующий, и только в случае объявления кем-либо из судей несогласия с принятым председательствующим решением

данный вопрос должен выноситься на совещание судей.

Вообще порядок, при котором процессуальные решения, связанные с управлением ходом судебного производства, принимаются по общему правилу председательствующим единолично, было бы целесообразно законодательно закрепить в качестве общего условия судебного разбирательства. Необходимо понимать, что фигура председательствующего введена в процесс для обеспечения оперативности принятия решения, эффективности и эргономичности судопроизводства. Для того чтобы такая организация управления ходом судебного заседания оказалась работоспособной, должна действовать презумпция согласия и одобрения действий (решений) председательствующего всем составом суда до тех пор, пока кем-либо из судей не будут заявлены возражения. Как уже было сказано, только при наличии таких возражений возникший вопрос должен передаваться на разрешение судебной коллегии путем голосования.

Предлагаемый подход позволил бы отказаться от существующей с советских времен практики, когда совещание судей «на месте» производится путем «кивания председательствующего направо и налево». В юридической литературе неоднократно отмечалось, что такая форма «совещания» вызывает отрицательное впечатление с точки зрения судейской этики [8, с. 131]. А. С. Кобликов писал, что такая организация совещания порождает у присутствующих «сомнения и в объективности председательствующего, и в истинной роли народных заседателей» [9, с. 119].

Еще в советский период ученые-процессуалисты высказывались за то, чтобы при совещании «на месте» мнение каждого из судей внимательно выслушивалось, а решение принималось бы большинством голосов [9, с. 119]. Современные исследователи идут еще дальше, предлагая отражать принятое решение в протоколе судебного заседания с указанием оснований и мотивов [10, с. 126].

Такое усложнение процесса представляется бессмысленным. С одной стороны, разрешаемые судом «на месте» вопросы, как правило, не представляют собой особой сложности, так что потеря времени на заслушивание мнений всех судей (не будем забывать, что дело может рассматриваться и Президиумом Верховного Суда Российской Федерации) ничем не оправдана. С другой стороны, нет никаких оснований сомневаться в принципиальности судей, которые в случае их несогласия с принятым председательствующим решением могут в любой момент заявить свои возражения.

В связи с этим ч. 1 ст. 256 УПК РФ было бы целесообразно изложить в следующей редакции: «Вопросы, возникающие во время судебного заседания, разрешаются председательствующим, за исключением случаев, предусмотренных частью второй настоящей статьи. При возражении против вынесенного председательствующим решения кого-либо из судей, входящих в состав суда, вопрос подлежит разрешению в порядке, предусмотренном частью второй настоящей статьи».

Процессуальные решения, выносимые в совещательной комнате и оформляемые отдельным документом, законодатель выделил отдельно (ч. 2 ст. 256 УПК РФ). Коллегиальная форма рассмотрения уголовного дела придает порядку вынесения таких процессуальных решений специфику, поскольку предполагает необходимость организации и проведения совещания судей, соблюдения определенного порядка голосования и принятия решения. Помимо перечисленных в ч. 2 ст. 256 УПК РФ в условиях совещательной комнаты могут приниматься и другие процессуальные решения, требующие обсуждения или значительного времени на подготовку. В таком порядке, в частности, должны рассматриваться любые вопросы, выносимые по общему правилу путем совещания «на месте», если между судьями возникают разногласия.

Совещание судей при вынесении процессуальных решений в ходе судебного разбирательства подчиняется правилам, которые применяются при постановлении приговора (гл. 39 УПК РФ). В данном случае подлежит применению аналогия уголовно-процессуального закона. Понятно, что не все положения гл. 39 УПК РФ применимы к вынесению решений, указанных в ч. 2 ст. 256 УПК РФ. К числу таковых относятся, в частности, положения ст. 299 УПК РФ, где перечислены вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора, ст. 302 УПК РФ, определяющей виды приговоров, и др. Вопросы, подлежащие разрешению при вынесении определений суда о прекращении уголовного дела, о возвращении уголовного дела прокурору, об избрании, изменении или отмене меры пресечения в отношении подсудимого и т. д., формулируются и ставятся на разрешение коллегии судей председательствующим. В юридической литературе высказывается предложение закрепить в отдельных

статьях УПК РФ перечни вопросов, подлежащих разрешению судом, при вынесении определений о возвращении уголовного дела прокурору; о прекращении уголовного дела; об избрании, изменении, отмене меры пресечения в отношении подсудимого, продлении срока содержания подсудимого под стражей, залоге, домашнем аресте [10, с. 127—130, 140—141]. Как представляется, реализация такого предложения не вызвана практической необходимостью и привела бы к усложнению и избыточности уголовно-процессуальной регламентации судебной деятельности.

Поскольку вынесение решений, указанных в ч. 2 ст. 256 УПК РФ, предполагает проведение в совещательной комнате голосования, вполне вероятной является ситуация, когда голоса разделятся. Принятым в этом случае будет считаться решение, за которое подано большинство голосов. Что же касается судьи, оставшегося в меньшинстве, то, как мы полагаем, действующее законодательство допускает изложение им своего особого мнения. Специальной регламентации данного права применительно к порядку вынесения промежуточных решений, как это предлагается некоторыми авторами [11], по нашему мнению, не требуется.

Вместе с тем, как представляется, при коллегиальном рассмотрении уголовного дела отдельный судья является самостоятельным субъектом правоотношений только внутри коллегии (например, во время совещания судей, при голосовании), во взаимоотношениях же со сторонами и другими участниками уголовного процесса судебная коллегия должна оставаться единым, неделимым судебным органом. Дистанцирование судьи, оставшегося в меньшинстве, от состава суда с этим правилом никак не согласуется. По сути, наличие особого мнения демонстрирует окружающим (сторонам, публике в зале суда) произошедший в составе суда раскол, сознательное и демонстративное отречение одного из судей от принадлежности к судебной коллегии. Все это не может не подрывать доверия участников уголовного процесса и общества к правосудию. В связи с этим в теории уголовного судопроизводства следовало бы поставить в повестку дня вопрос о целесообразности сохранения в уголовно-процессуальном праве института особого мнения судьи.

---

1. Краткий конспект курса уголовного судопроизводства, читаемого воспитанникам I кл. Императорского Александровского лицея доктором уголовного права А. Ф. Кони. Санкт-Петербург.

---

1. A brief synopsis of the course of criminal proceedings, reading to pupils of class I of Imperial Alexander's Lyceum by the doctor of criminal law A. F. Kony. Saint Petersburg: Type-Lithography

бург: Типо-Литография С.-Петербургской Тюрьмы, 1907. 206 с.

2. Вышинский А. Я. Курс уголовного процесса. Москва: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1927. 222 с.

3. Выдря М. М. Участники судебного разбирательства и гарантии их прав: учеб. пособие. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 1979. 102 с.

4. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). Москва: Юрид. лит., 1971. 200 с.

5. Строгович М. С. Уголовный процесс: учеб. для юрид. ин-тов и фак. Москва: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1946. 512 с.

6. Судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации: практ. пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Карпова. Москва: Юрайт-Издат, 2008. 732 с.

7. Фадеева Е. И. Проблемы рассмотрения уголовных дел коллегией судей в свете положений статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Обеспечение права каждого на рассмотрение уголовного дела справедливым, беспристрастным, независимым судом, созданным на основании закона, в разумный срок: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Саранск, 11 декабря 2008 г.) / редкол.: Л. Д. Калинкина (отв. ред.), Н. Р. Мухудинова. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2009. С. 105—109.

8. Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. 160 с.

9. Кобликов А. С. Профессиональная этика военного юриста: учебник. Москва: Воен. ун-т, 1995. 178 с.

10. Фадеева Е. И. Коллегиальность состава суда в ходе судебного производства по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2014. 244 с.

11. Машинникова Н. О. Особое мнение судьи как исключительная форма выражения судебного усмотрения при осуществлении правосудия в уголовном судопроизводстве // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной Реформы: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуро-

of the St. Petersburg Prison; 1907: 206. (In Russ.).

2. Vyshinsky A. Ya. Course of criminal procedure. Moscow: Juridical Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR; 1927: 222. (In Russ.).

3. Vydrya M. M. Participants in litigation and guarantees of their rights. Tutorial. Krasnodar: Kuban State University; 1979: 102. (In Russ.).

4. Dobrovolskaya T. N. Principles of the Soviet criminal process (questions of theory and practice). Moscow: Legal Literature; 1971: 200. (In Russ.).

5. Strogovich M. S. Criminal procedure. Textbook for legal institutes and faculties. Moscow: Juridical Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR; 1946: 512. (In Russ.).

6. Judicial proceedings in the criminal process of the Russian Federation. A practical guide to the application of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. General ed. by A. I. Karpov. Moscow: Yurayt-Izdat; 2008: 732. (In Russ.).

7. Fadeeva E. I. Problems of consideration of criminal cases by a panel of judges in the light of the provisions of Article 6 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. In: Ensuring the right of everyone to consider a criminal case by a fair, impartial, independent court established on the basis of the law, within a reasonable time. Materials of the II International scientific-practical conference, 11 December 2008, Saransk. Editorial board: L. D. Kalinkina (ex. ed.), N. R. Mukhudinova. Saransk: Publishing House of Mordovian University; 2009: 105—109. (In Russ.).

8. Kokorev L. D. Participants in criminal justice. Voronezh: Voronezh University Publishing House; 1971: 160. (In Russ.).

9. Koblikov A. S. Professional ethics of a military lawyer. Textbook. Moscow: Military University; 1995: 178. (In Russ.).

10. Fadeeva E. I. The collegiality of the composition of the court in the course of judicial proceedings in criminal cases. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saransk; 2014: 244. (In Russ.).

11. Mashinnikova N. O. Dissenting opinion of a judge as an exceptional form of expression of judicial discretion in the administration of justice in criminal proceedings. In: Unity and differentiation of pre-trial and judicial proceedings in criminal proceedings: new conceptual approaches in the light of the legacy of the Great Judicial Reform. Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the 155th anniversary of the Judicial Statutes of 1864, dedicated

ченной к 55-летию Юго-Западного государственного университета (14—15 ноября 2019 г.); Юго-Зап. гос. ун-т. Курск: Университетская книга, 2019. С. 230—233.

Лыков Дмитрий Андреевич,
lykov94@mail.ru

to the 55th anniversary of Southwestern State University (14—15 November 2019); Southwest State University. Kursk: Universitetskaya kniga; 2019: 230—233. (In Russ.).

Lykov Dmitry Andreevich,
lykov94@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.122

doi: 10.25724/VAMVD.SSSS

**О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ ПОТЕРПЕВШИМ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА,
ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ)**

Льонг Чунг Киен

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

luongtrungkien0107@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассмотрен вопрос о возможности признания потерпевшим по уголовному делу публично-правового образования. Опираясь на судебную практику России и Вьетнама, автор обозначает существующие в настоящее время подходы к разрешению обозначенного вопроса, приводит мнения ученых и тонкости, которые следуют из правоприменительной практики. Особое внимание уделяется разрешению на практике споров, могут ли в постановлении следователя публично-правовое образование или его орган быть обозначены в качестве потерпевшего. Применяя сравнительно-правовые методы исследования, автор приходит к закономерному выводу о необходимости внесения в п. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации изменений, включив в перечень потерпевших публично-правовые образования. В заключение указано, что для Вьетнама в настоящее время является актуальной разработка положений Уголовно-процессуального кодекса Социалистической Республики Вьетнам, касающихся закрепления строгой процессуальной формы признания лица потерпевшим, а также принятия решения органами предварительного расследования о признании потерпевшим с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: потерпевший, публично-правовое образование, преступление экономической направленности, возмещение ущерба, Российская Федерация, Социалистическая Республика Вьетнам

Для цитирования: Льонг Чунг Киен. О возможности признания потерпевшим по уголовному делу публично-правового образования и возмещении ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности (на примере Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 150—155. doi: 10.25724/VAMVD.SSSS

**ON THE POSSIBILITY TO A PUBLIC LAW ENTITY
IS DECLARED AS A VICTIM, AND COMPENSATE DAMAGES
WHICH ARE SUFFERED WITH ECONOMIC CRIMES
(ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM)**

Liong Chung Kien

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,

Volgograd, Russia, luongtrungkien0107@gmail.com

Abstract. There is an issue of the possibility to a public law entity is declared as a victim, and compensate damages which are suffered with economic crimes in this article. The author shows the judicial practice of Russia and Vietnam, the opinions of researchers and peculiarities, that follow from the law enforcement practice, and outlines the currently approaches to resolving the designated issue. Namely, special attention is paid to resolving disputes in practice, whether a public legal entity or its body can be designated as a victim in the investigator's

decision. Applying comparative legal methods of the research, the author draws a logical conclusion to amend paragraph 1 of article 42 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and include public legal entities in the list of victims. In the conclusion the author notes that for Vietnam it is currently relevant to develop the provisions of the Criminal Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam, concerning a strict procedural form of recognizing a victim, as well as the decision to recognize a victim are made by the investigation bodies from the moment of an initiation of criminal case.

Keywords: victim, public law entity, economic crime, compensation for damages, the Russian Federation, the Socialist Republic of Vietnam

For citation: Lyong Chung Kien. On the possibility to a public law entity is declared as a victim, and compensate damages which are suffered with economic crimes (on the example of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 150—155, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.SSSS

Перечень лиц, которые могут быть признаны потерпевшими, ограничивается указанием в п. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) физических и юридических лиц. Буквально п. 1 ст. 42 УПК РФ гласит: «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации»¹. В то же время по некоторым составам преступлений в Российской Федерации, как и в Социалистической Республике Вьетнам, имущественный вред (ущерб) причиняется публично-правовым образованиям в лице как самого государства, так и субъектов федерации (в России) и муниципальных образований. В большинстве своем имущественный ущерб этим субъектам причиняется в результате совершения экономических преступлений.

В научной литературе не исключается, что государство может выступать в роли потерпевшего [1; 2, с. 20]. Более того, многие исследователи высказывают точку зрения, что отсутствие в ст. 42 УПК РФ публично-правовых образований является существенным пробелом [3, с. 8; 4, с. 12; 5]. К. В. Камчатov обозначил интересный подход, согласно которому публично-правовые образования могут выступать как фактические, юридические и формальные потерпевшие. Как фактический потерпевший публично-правовое образование выступает в качестве субъекта, непосредственно понесшего вред от преступления (в частности, вред имущественным интересам государства), как юридический потерпевший публично-правовое образование представлено его органами и юридическими лицами и, наконец, в качестве формального потерпевшего выступают представители государ-

ства, которые участвуют в процессуальной деятельности непосредственно (в том числе поддерживают гражданский иск в силу закона) [2].

В другом исследовании также высказывается мнение, что «потерпевшим могут быть как Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, так и их органы, если они являются самостоятельными субъектами» [6].

Безусловно, нельзя не сказать о том, что сторами, представляющими интересы государства, выступают его органы, а именно территориальные управления Федеральной налоговой службы, Пенсионного фонда и прочие ведомственные учреждения, тем не менее ущерб в понимании потери, убытка наносится в целом государству, обществу. К. В. Камчатov в своем исследовании отмечает, что обычно интересы государства по искам о причинении ему ущерба представляют юридические лица, которые являются юридическими (фактическими) потерпевшими и гражданскими истцами: «Это структурные подразделения Пенсионного фонда Российской Федерации, ФНС России, Казначейства России, МВД России и иных министерств и ведомств, различные государственные и муниципальные унитарные предприятия и учреждения» [2].

Правоприменительная практика часто демонстрирует разнообразные подходы к возможности признания публично-правового образования в Российской Федерации потерпевшим. Так, заслуживает внимания действующее в настоящее время письмо Министерства финансов Российской Федерации «О привлечении Минфина РФ в качестве потерпевшего по уголовным делам в связи с причинением ущерба государству» от 9 августа 2006 г. № 08-04-14/4048². В указанном письме подчеркивается, что

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.

² О привлечении Минфина Российской Федерации в качестве потерпевшего по уголовным делам в связи с причинением ущерба государству: письмо Минфина Российской Федерации от 9 августа 2006 г. № 08-04-14/4048. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в случаях причинения ущерба государству ущерб причиняется именно публично-правовому образованию — Российской Федерации, а не Министерству финансов Российской Федерации или его территориальному органу как юридическому лицу. Между тем ст. 42 УПК РФ не предусматривает, что публично-правовые образования могут выступать потерпевшими. В письме *Минфин подчеркивает, что привлечение его в роли потерпевшего не основано на законе*, так как функции по предъявлению гражданского иска в защиту интересов публично-правовых образований уже предоставлены прокурору в соответствии с п. 3 ст. 44 УПК РФ.

Между тем Конституционный суд Российской Федерации в свое время иначе определил возможность признания публично-правового образования в качестве потерпевшего. Так, в Определении Конституционный суд Российской Федерации дал разъяснение по запросу мирового судьи, указав, что содержащаяся в п. 1 ст. 42 УПК РФ норма не регламентирует вопросы, связанные с защитой пострадавших от преступления публично-правовых интересов государства и местного самоуправления. Это, однако, не означает, что *«органы государственной власти и органы местного самоуправления как юридические лица лишены права требовать признания их потерпевшими»*¹.

Изучая судебную практику по теме настоящего исследования, также можно столкнуться с разными толкованиями, даваемыми судебными инстанциями. Например, в определении судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2021 г. по делу № 7У-2900/2021[77-1460/2021] в ответ на указание в апелляционной жалобе Д. Н. Климова, осужденного по ч. 4 ст. 159 УК РФ по эпизоду хищения бюджетных средств в сумме 3 375 000 рублей, что в деле отсутствует потерпевший, судебная коллегия отметила, что *«по смыслу положений ст. 42 УПК РФ в случае причинения имущественного ущерба субъекту РФ, субъект РФ как публично-правовое образование, не являющееся юридическим лицом, не может быть признан потерпевшим по уголовному делу»* (курсив наш. — *Льонг Чунг Киен*). Инте-

ресы публично-правового образования представляет прокурор»².

Московский городской суд в Постановлении от 13 апреля 2016 г. № 10-5511/16 обозначил схожий подход. Так, подозреваемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ, К. И. Григоришин оспаривал наложение судом ареста на имущество, а именно на квартиру, расположенную в г. Москве. Одним из доводов его апелляционной жалобы являлось то, что арест на его имущество не мог быть наложен в связи с отсутствием заявления потерпевшего. Соответственно, не было оснований для удовлетворения ходатайства следователя об избрании иной меры процессуального принуждения в виде ареста имущества подозреваемого. В ответ на это Московский городской суд указал, что данный довод апелляционной жалобы является необоснованным, *«поскольку в результате уклонения от уплаты налогов вред причиняется государственной казне РФ, которая является публично-правовым образованием и не может быть признана потерпевшим и гражданским истцом по уголовному делу»* (курсив наш. — *Льонг Чунг Киен*)³.

Иной подход можно проследить в Постановлении Омского областного суда Омской области от 2 декабря 2013 г. по делу № 22-3560/13. Так, гражданин Д. оспаривал признание в качестве потерпевшего представителя ИФНС. В обосновании апелляционной жалобы Д. указал, что *«УПК РФ не предусмотрено участие публично-правовых образований в уголовно-процессуальных отношениях в качестве потерпевших, а потому РФ не может быть признана потерпевшей по данному уголовному делу»*. Вопреки доводам Д. суд указал в Постановлении, что *«Федеральная налоговая служба и ее структурные подразделения... выполняют функции представителя государства в рамках предоставленных им полномочий, и в силу уголовно-процессуального законодательства государственным органам предоставлено право в пределах компетенции выступать в качестве представителя потерпевшего»* (курсив наш. — *Льонг Чунг Киен*) по делам, вред по которым причинен государству⁴.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка № 11 Московского района города Рязани о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 812-О-О. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

² Определение СК по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2021 г. по делу № 7У-2900/2021[77-1460/2021]. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

³ Постановление Московского городского суда от 13 апреля 2016 г. № 10-5511/16. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

⁴ Постановление Омского областного суда Омской области от 2 декабря 2013 г. по делу № 22-3560/13. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

В кассационном определении судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26 января 2021 г. по делу № 7У-8613/2020[77-156/2021-(77-1655/2020)] обозначено схожее толкование. В частности, кассационная инстанция отметила, что «*Российская Федерация, являясь публично-правовым образованием, принимает участие в уголовном судопроизводстве посредством государственных органов, наделенных соответствующими полномочиями* (курсив наш. — *Льонг Чунг Киен*)». В данном деле таковым органом является ИФНС РФ по г. Мурманску¹.

Схожая проблема признания публично-правового образования или его органов потерпевшими по уголовному делу свойственна и уголовно-процессуальной практике во Вьетнаме. Например, Постановлением № 88/2021/HS-ST от 26.05.2021 г. Народного суда города Фанранг — Тхап Чам провинции Нинь Тхуан Налоговый департамент был признан потерпевшим при рассмотрении уголовного дела, связанного с уклонением от уплаты налогов².

В другом деле, также по уклонению от уплаты налогов, суд признал в качестве потерпевшего представителя управления провинции Куангбинь³.

В рассматриваемых случаях уголовно-правовой статус потерпевшего по схожим делам определен по-разному.

Уголовный процесс — это строго регламентированный комплекс процедур, и для признания того или иного субъекта потерпевшим требуется соблюдение особой процессуальной формы. Речь идет о том, что в России отнесение лица к категории потерпевшего оформляется постановлением о признании лица потерпевшим, в отличие от Вьетнама, где до настоящего времени не урегулирован вопрос о закреплении в законе строгой процессуальной формы признания лица потерпевшим. Этот вопрос на данный момент в различных категориях уголовного преследования (частного, публичного)

разрешается по-разному. Например, при уголовных делах частного обвинения достаточно заявления потерпевшего о возбуждении уголовного дела для признания его потерпевшим. В уголовных делах публичного обвинения формой признания статуса потерпевшего может являться официальный вызов (повестка) органами предварительного расследования лица в качестве потерпевшего.

Не так давно, после многочисленных указаний как исследователей, так и руководителя Следственного комитета Российской Федерации⁴ на необходимость признания потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, который закрепил в п. 1 ст. 42 УПК РФ незамедлительный порядок наделения статусом потерпевшего с момента возбуждения уголовного дела и оформления данного решения постановлением судьи, дознавателя и следователя, а также определением суда.

Между тем во Вьетнаме остается неурегулированным вопрос о моменте наделения статусом потерпевшего по уголовному делу. Зачастую лицо, которое фактически является потерпевшим, не может реализовать права потерпевшего тогда, когда в этом существует реальная необходимость. В связи с этим актуальным для правоприменительной практики Вьетнама остается закрепление в УПК СВВ положений о признании потерпевшими лиц незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела.

Момент признания потерпевшим особенно важен, когда ущерб по уголовным делам наносится интересам публично-правового образования. Важно, чтобы на ранних этапах органы предварительного расследования могли применять меры для скорого возмещения ущерба, а публично-правовое образование — пользоваться всеми правами потерпевшего для защиты своих интересов. Публично-правовое образование выполняет в обществе ряд важнейших социально значимых функций: от этого значимость возмещения ущерба, причиненного ему преступлением, особенно велика.

Изучив многообразие существующих подходов в правоприменительной практике, представляется возможным предложить внесение в п. 1 ст. 42

¹ Кассационное определение СК по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26 января 2021 г. по делу № 7У-8613/2020[77-156/2021-(77-1655/2020)]. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

² Решение № 88/2021/HS-ST от 26 мая 2021 г. Народного суда города Фанранг — Тхап Чам провинции Нинь Тхуан. URL: <https://congboanan.toaan.gov.vn/2ta792012t1cvn/chi-tiet-ban-an> (дата обращения: 15.01.2022).

³ Решение № 16/2021/HS-ST от 22 июля 2021 г. Народного суда округа Куаннинь Провинции Куангбинь. URL: <https://congboanan.toaan.gov.vn/2ta753161t1cvn/chi-tiet-ban-an> (дата обращения: 15.01.2022).

⁴ Опасная жертва // Российская газета — Федеральный выпуск. 2010. 9 апр. № 75 (5154). URL: <https://rg.ru/2010/04/09/bastrykin.html> (дата обращения: 06.02.2022).

УПК РФ изменений, включив в перечень потерпевших публично-правовые образования и преобразовав норму следующим образом: потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации, а также публично-правовые образования, которым причинен имущественный вред.

Предложенное изменение способно повлиять на существующую правоприменительную практику и избежать расхождений в толковании п. 1 ст. 42 УПК РФ, а именно будет решен вопрос:

1) о легитимности вынесения решения о признании публично-правового образования потерпевшим;

2) возможности реализации правомочий потерпевшего представителем публично-правового образования, включая право требовать возмещения причиненного публично-правовому образованию ущерба и участвовать в рассмотрении гражданского иска наряду с прокурором.

Между тем вьетнамское уголовно-процессуальное законодательство также имеет ряд проблем,

связанных с признанием публично-правового образования потерпевшим и возмещением ему ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности. Представляется возможным обозначить следующие предложения для восполнения существующих процессуальных пробелов:

1) закрепить в УПК СРВ четкую процессуальную форму присвоения процессуального статуса «потерпевший», в том числе для публично-правовых образований. Так, решение о признании лица потерпевшим оформляется постановлением органов предварительного расследования или суда;

2) обозначить в УПК СРВ, что решение о признании лица потерпевшим, в том числе публично-правового образования, принимается незамедлительно после принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Представляется, что указанные предложения могут быть детально рассмотрены законодательными представительными органами России и Вьетнама и в дальнейшем изменить уголовно-процессуальную практику этих государств в лучшую сторону.

---

1. Зорин А. И. Процессуальные проблемы признания государства потерпевшим в уголовном процессе // *Образование и право*. 2018. № 3. С. 185—191.

2. Камчатов К. В. Прокурорский надзор за исполнением требований закона о признании публично-правовых образований потерпевшими // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2020. № 6 (80). С. 17—24.

3. Багмет А. М. Возмещение ущерба потерпевшим при производстве по уголовным делам: проблемные вопросы и перспективы их решения // *Уголовно-процессуальная защита потерпевшего и возмещение причиненного ему вреда: проблемы и пути их решения, защита прав участников уголовного процесса: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16 марта 2018 г.) / под общ. ред. исполняющего обязанности ректора Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Почетного сотрудника Следственного комитета Российской Федерации, канд. юрид. наук, доц., генерал-майора юстиции Анатолия Михайловича Багмета*. Москва, 2018. С. 6—9.

4. Галкин Д. В. Публично-правовые образования как участники уголовного судопроизводства // *Теоретические и практические аспекты правового положения участников уголовного судопроизводства: сб. материалов Регион. науч.-практ. круглого*

---

1. Zorin A. I. Procedural problems of recognizing the state as victims in criminal proceedings. *Obrazovaniye i pravo*, 185—191, 2018. (In Russ.).

2. Kamchatov K. V. Prosecutorial supervision over the implementation of the requirements on the recognition of public law entities as victims. *Vestnik of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 17—24, 2020. (In Russ.).

3. Bagmet A. M. Compensation for damages to victims in criminal proceedings: problematic issues and prospects for their solution. In: *Criminal procedural protection of the victim and compensation for harm: problems and ways to solve them, a protection of the rights of participants in criminal proceedings. Materials of the International scientific and practical conference, 16 March 2018, Moscow*. General ed. of the acting rector of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Honorary Officer of the Investigative Committee of the Russian Federation, candidate of juridical sciences, docent, major general of justice Anatoly Mikhailovich Bagmet. Moscow, 2018: 6—9. (In Russ.).

4. Galkin D. V. Public law entities as participants of criminal proceedings. In: *Theoretical and practical aspects of the legal status of participants in criminal proceedings. A collection of materials from the Regional scientific and practical conference, 23 May*

стола (Хабаровск, 23 мая 2019 г.). Хабаровск: Хабаровский филиал ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», 2019. С. 10—12.

5. Ширяева Т. И. Возможность участия публично-правовых образований в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевших: постановка проблемы // Вестник СГЮА. 2014. № 5 (100). С. 80—83.

6. Примирительные процедуры в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве Российской Федерации: научно-практическое пособие / Ю. Ф. Беспалов, А. Ю. Беспалов, Д. В. Гордеюк, А. Ю. Касаткина; отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. Москва: Проспект, 2018. 128 с.

2019, Khabarovsk. Khabarovsk: Khabarovsk branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; 2019: 10—12. (In Russ.).

5. Shiryayeva T. I. Possibility of the participation of public legal entities in criminal proceedings as victims: statement of the problem. Vestnik of Saratov State Law Academy, 80—83, 2014. (In Russ.).

6. Bepalov Yu. F., Bepalov A. Yu., Gordeyuk D. V., Kasatkina A. Yu. Conciliation procedures in civil, criminal and administrative proceedings of the Russian Federation. A scientific and practical guide. Ed. Yu. F. Bepalov. Moscow: Prospect; 2018: 128. (In Russ.).

Льонг Чунг Киен,

адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
luongtrungkien0107@gmail.com

Liong Chung Kien

associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
luongtrungkien0107@gmail.com

Статья поступила в редакцию 09.02.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 09.02.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 1:316

doi: 10.25724/VAMVD.TTTT

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ «БЕЗОПАСНОСТЬ»
В КОНТЕКСТЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Александр Иванович Мелихов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

M-13913@ya.ru

Аннотация. В статье категория «безопасность» рассматривается в контексте исследования философских основ обеспечения национальной безопасности в сфере оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел исходя из соотношения понятий «бытие» и «существование», «сущность» и «сущее», «форма» и «содержание», а также отечественного парадокса совпадения источника опасности и объекта обеспечения безопасности. Личность, общество и государство являются актуальными формами бытия многонационального народа Российской Федерации. Автор подчеркивает, что безопасность – одна из оценок состояний сущности, данная его проявлением в момент бытия, соответственно, национальная безопасность — это субъективная оценка личностью, обществом и государством состояния удовлетворенности витальных потребностей многонационального народа Российской Федерации в самосохранении, самоподдержании и самовоспроизводстве, при котором обеспечено сохранение его прошлого (истории, культурного наследия, духовных ценностей и т. п.), самостоятельное, суверенное функционирование в настоящем и устойчивое развитие в будущем. Такая оценка, по мнению автора, должна быть основана на объективных данных, полученных посредством государственного контроля (надзора), в том числе в форме оперативно-разыскной деятельности, о представляющих опасность свойствах и состояниях многонационального народа России и окружающих его природных и антропогенных объектов. В обеспечении национальной безопасности основной сферой ответственности оперативно-разыскных подразделений органов внутренних дел является контроль и надзор за внутренними энтропийными процессами, представляющими опасность для личности, общества и государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, оперативно-разыскная деятельность, органы внутренних дел

Для цитирования: Мелихов А. И. Философские основы понимания категории «безопасность» в контексте оперативно-разыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2. С. 156—162. doi: 10.25724/VAMVD.TTTT

**PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF UNDERSTANDING THE CATEGORY "SAFETY"
IN THE CONTEXT OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES**

Alexander Ivanovich Melikhov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

M-13913@ya.ru

Abstract. In the article the category "security" is considered in the context of the study of the philosophical foundations of ensuring national security in the field of operational-investigative activities of the internal affairs bodies based on the relationship between the concepts of "being" and "existence", "essence" and "existing", "form" and "content"., as well as the domestic paradox of the coincidence of the source of danger and the object of security. Personality, society and the state are actual forms of being of the multinational people of the Russian Federation. The author emphasizes that security is one of the assessments of the states of an entity, given by its manifestation at the moment of being, respectively, national security is a subjective assessment by a person, society and the state of the state of satisfaction of the vital needs of the multinational people of the Russian Federation in self-preservation, self-maintenance and self-repair — production, which ensures the preservation of its past (history, cultural heritage, spiritual values, etc.), as well as independent and sovereign functioning in the present

and sustainable development in the future. Such an assessment, according to the author, should be based on objective data obtained through state control (supervision), including in the form of operational-search activities, about the dangerous properties and conditions of both the multinational people of Russia and those around them native and anthropogenic objects. In ensuring national security, the main area of responsibility of the operational-investigative units of the internal affairs bodies is the control and supervision of internal entropic processes that pose a danger to the individual, society and the state.

Keywords: national security, operational-search activity, internal affairs bodies

For citation: Melikhov A. I. Philosophical foundations of understanding the category "safety" in the context of operational search activities. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 156—162, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.TTTT

Философская наука представляет собой фундаментальную теоретическую базу, с которой в той или иной степени связаны все юридические исследования, поэтому для полноценного анализа национальной безопасности в оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) необходимо определиться с сущностью таких понятий, как «безопасность», «опасность», «интересы» и «деятельность», выявить аксиомы и парадигмы безопасности. Постигание природы безопасности как объекта философского анализа позволит также уточнить предмет нашего исследования, попытаться осмыслить взаимосвязь сущности национальной безопасности и ее проявлений в ОРД органов внутренних дел.

В отечественной философии было проведено много полноценных обзоров развития и содержания категории «безопасность» (см., напр.: [1—3]). Одни ученые отмечают, что безопасность «является сложной, междисциплинарной областью знания, и роль философии заключается не только в формировании универсального определения, хотя и это представляется весьма актуальным, а в выработке общих представлений и системы знаний об этом феномене на философском и теоретико-методологическом уровнях» [4, с. 44]; другие — подчеркивают, что в философском смысле «безопасность не является категорией, требующей детального изучения. Основное внимание уделяется человеку и миру, в котором он существует, ценностям, влияющим на его жизнь, праву и государству, определяющим его поведение. В этих вопросах безопасность негласно рассматривается как необходимое условие, основополагающий элемент мироустройства» [5, с. 53]. Между тем, на наш взгляд, философское осмысление безопасности как сложного междисциплинарного понятия все-таки должно быть в приоритете в современной философии, ведь от его правильного восприятия зависит принятие политических и правовых решений.

Сегодня предлагается несколько разных философских трактовок категории «безопасность». Так, Н. Н. Рыбалкин в рамках гегелевской диалектики

ориентирует на поиски внутренних источников существования и бытия феномена безопасности, предполагающего диалектическое единство целого и частей. Ему удалось провести целостный анализ философии безопасности, сформулировать структуру современной теории безопасности и обозначить ее связь с теорией социальных систем [6, с. 206—221]. Это позволило рассматривать национальную безопасность (безопасность нации) как безопасность социальной системы. Н. Н. Рыбалкин, в отличие от других отечественных исследователей философии безопасности, предлагает в основу познания феномена безопасности положить цель самосохранения как объективную потребность живого организма. Реализация данной цели обуславливает физиологические изменения в организме человека и в его поведении.

Согласно концепции Н. Н. Рыбалкина главными компонентами системы теоретического познания безопасности являются, во-первых, теория безопасности, которая составляет доктринальную основу для прикладных исследований, формирует необходимый теоретический инструментарий (категориальный аппарат, подходы, методы и т. п.) и включает в себя философию безопасности, общую теорию безопасности, частные теории безопасности (социология безопасности, политология безопасности, психология безопасности). Во-вторых, теория безопасности объекта, по утверждению ученого, тождественна теории объекта, теории опасности и теории безопасности объекта по своему содержанию. Они различаются лишь отдельными акцентами, поскольку объект исследования остается одним и тем же. В-третьих, это теория обеспечения безопасности объекта [7, с. 205].

По мнению Э. П. Литвинова, безопасность — это «состояние сложных социальных систем, обеспечивающих и гарантирующих сохранение их целостности, устойчивого динамического развития и эффективного функционирования на заданные цели, а также тех объективных условий, которые этому способствуют» [8, с. 67]. В данном определении

с учетом целей настоящей работы представляет ценность комплексный подход к пониманию безопасности, которую необходимо рассматривать в контексте сложных социальных систем.

Новая Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, оказала большое влияние на ход дискуссии, заменив неопределенное субъективное «состояние защищенности личности, общества и государства» на более конкретное «состояние защищенности национальных интересов как объективно значимых потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии». Тем самым признается узость прежнего понимания термина «безопасность», по сути, отражающего только потребность самосохранения (сохранения физической (внешней) целостности), хотя и здесь не удалось уйти от спорных оценочных категорий, требующих дополнительного обсуждения и правовой регламентации (например, как отличить «значимые потребности» от «менее значимых» и что делать в случае, если указанные потребности личности, общества и государства не будут совпадать; как конкретно они соотносятся с целями устойчивого развития?).

Не менее интересные суждения о проблемах безопасности высказывает В. С. Поликарпов. Говоря о философском аспекте исследования проблем теории безопасности, он полагает, что сегодня «неизмеримо возрастает значимость философии безопасности как методологической основы научной теории безопасности, необходимой для решения целого диапазона практических проблем безопасности личности, общества и государства. Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в философских словарях отсутствует понятие безопасности и опасности, что в них в лучшем случае речь идет о войне, причем данному феномену посвящен ряд исследований. Понятия опасности (угрозы) и безопасности отсутствуют и в современном отечественном словаре по психологии, они приведены в зарубежном толковом психологическом словаре» [9, с. 11]. То есть весь спектр угроз безопасности и мер противодействия им еще не получил оценки в современной науке.

С. Н. Климов пишет, что «безопасность — не есть состояние защищенности интересов субъекта, безопасность вообще не есть чье бы то ни было состояние. Безопасность есть условия существования субъекта, контролируемые им» [10, с. 92].

При всей ценности высказанных выше позиций ученых основной акцент они делают на описании условий и сущности безопасности вне ее взаимо-

связи с диалектической противоположностью — категорией «опасность», которая до сих пор не получила должного самостоятельного изучения в философии. Тем не менее А. В. Герасимов в ходе научных исследований пришел к важному выводу о том, что опасность — это «объективно существующая возможность негативного воздействия на объект или процесс, в результате которого может быть причинен какой-либо ущерб национальному достоянию (национальным материальным и духовным ценностям), вред, ухудшающий состояние, придающий развитию нежелательную динамику или параметры (характер, темпы, формы и т. д.). Чем больше величина и вероятность (риск) ущерба, тем больше и опасность» [11, с. 56].

Данный подход к проблеме можно назвать аксиологическим, в рамках которого большое значение принимают размер и риск причиненного ущерба национальным интересам и ценностям (государства, общества, гражданина).

М. В. Бондаренко предлагает имеющиеся определения безопасности, исходя из их смысла и содержания, классифицировать на две большие группы. Первая — это охранительные определения, в них безопасность определяется через отсутствие опасности, способность систем противостоять угрозам, степени защищенности субъекта. Вторая — это охранительно-функциональные (деятельностные) определения — безопасность понимается «с позиций внутренней организации, функционирования и развития какого-либо объекта, системы, их взаимодействия с окружающей средой» [12, с. 18—19].

Обобщая существующие точки зрения, А. А. Гриценко пишет, что в современной отечественной философии сложились следующие подходы к пониманию категории «безопасность». Представители первой концепции полагают, что безопасность — это состояние защищенности интересов; согласно второй — это состояние/условие деятельности, способствующее сохранению и успешному функционированию объекта/субъекта. Третья версия в определенном смысле является продолжением первой: безопасность понимается как специфическая деятельность по выявлению и нейтрализации опасностей. Четвертая теория связывает безопасность и развитие, а пятая (пересекающаяся с четвертой) — с устойчивостью/стабильностью открытых нелинейных неравновесных самоорганизующихся систем. Наконец, по шестому научному подходу под безопасностью понимается реализуемость интенций субъекта [13, с. 87]. Наша позиция в этой дискуссии состоит в следующем.

Современное философско-правовое понимание категории безопасность заключается в том, что она определяется как «отсутствие опасности», в то время как категория «опасность» является намного менее разработанной, и нет общепринятого инструментария для определения степени этой «опасности» или ее противоположности — «безопасности». В самом деле, можем ли мы сказать, что безопасность отдельно взятой личности, общества и государства (в целом или по одному определенному параметру) обеспечена на 31 или 69 процентов? В настоящий момент нет никаких критериев или индикаторов, позволяющих произвести такие замеры. Это означает, что при формулировке определения безопасности (как доктринальной, так и нормативной) прослеживается существенный психологический компонент, связанный с субъективным восприятием государством, обществом или отдельной личностью потенциальных угроз жизни, здоровью, имуществу или иным ценностям, в том числе опасности от совершаемых в данное время преступлений. Именно поэтому трактовка безопасности как «отсутствие опасностей» является некорректной — такого состояния не бывает в принципе.

Другое дело, что человек (общество, государство) могут считать, что в данный момент опасности нет, но, скорее всего, они ее просто не видят или не могут оценить. Возможен и вариант, когда один человек (группа людей) четко воспринимают реальную или потенциальную угрозу, а другие субъекты уверены, что ее нет (например, угроза совершения в отношении них преступлений). На это обстоятельство часто обращается внимание в научной литературе. Так, отмечается, что «наименее актуальными в недрах общественного мнения оказываются те угрозы, которым уделяется наибольшее политическое внимание и освещение в СМИ. В наибольшей степени респонденты сосредоточены на проблемах общественной безопасности, снижении угроз и рисков в их повседневной жизни (коррупция, мошенничество, физическое насилие, шантаж)» [14, с. 12]. В этом смысле более привлекателен критерий «защищенность» как более объективный. Мало что дает и предложение о закреплении научной категории «приемлемый уровень безопасности», а также введение в оборот нового объекта безопасности — «цивилизации» [15, с. 657—658].

В первом случае учет такой «приемлемости» носит заведомо субъективный характер, а во втором — мы сталкиваемся с проблемой определения критериев и признаков «цивилизации», а это весьма дискуссионный вопрос.

Отдельная проблема состоит в том, что если определять безопасность в контексте потребностей и интересов, то быстро выяснится, что никакого универсального понимания не существует. У разных возрастных, национальных, социальных и иных групп населения разные потребности и интересы, которые могут не просто отличаться, но и противоречить друг другу. Постоянно меняется понимание органами власти содержания «национальных интересов». Можно сделать вывод о том, что это весьма динамичная категория, которая корректируется не один раз в сто или десять лет. Изменения личных и общественных интересов происходят в более короткие сроки, при этом философский инструментарий их оценки еще только формируется.

Альтернативный критический подход к концепции интересов состоит в том, что в его рамках интересы отделяются от их носителей — личности, общества, государства. В этом случае «получается, что, собственно, ни личность, ни общество, ни государство законодателя и не интересуют. Главное — интересы, а не их носители» [16, с. 171]. С этим наблюдением вполне можно согласиться. Рассмотрение безопасности в контексте развития также вызывает сомнение. Наиболее распространенной формой развития является устойчивое развитие, направленное на обеспечение баланса социальных, экономических и экологических интересов [17]. Таким образом, во-первых, мы снова приходим к концепции защищаемых интересов, а во-вторых, наличие или отсутствие баланса таких трех групп интересов не обязательно повлияет на безопасность личности, общества и государства, поскольку, например, преступления могут совершаться как в бурно развивающихся государствах и обществах, так и в тех, которые находятся на различных уровнях (стадиях) стагнации.

Вероятно, наиболее правильным будет вывод о невозможности конструирования универсальной категории безопасности, поскольку в столь сложном объекте философского анализа всегда найдется изъян при его описании.

Однако можно формулировать критерии и дефиниции на более локальном уровне — применительно к экологической, транспортной и иной безопасности. При таком подходе очень важно исследование безопасности в сфере ОРД. И здесь нам видится весьма удачным деятельностный подход, рассматривающий безопасность не в статике, а в динамике, позволяющий учесть специфику деятельности оперативных сотрудников по профилактике и борьбе с преступностью в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий. В рамках деятельностного

подхода безопасность по критерию субъекта может быть двух видов. Во-первых, речь может идти об обеспечении безопасности населения (в том числе от произвола со стороны оперативных сотрудников), и во-вторых — об обеспечении безопасности самих сотрудников полиции.

На наш взгляд, безопасность и ее критерии должны носить объективный характер и никак не быть связаны с текущим самоощущением субъекта такой безопасности. Одним из таких критериев может служить наличие в государстве правоохранительной системы, направленной на предотвращение преступлений и наказание за их совершение. Но само по себе наличие любых органов власти еще не является гарантией непоявления тех или иных угроз, необходимо установление критериев и индикаторов их эффективности. В качестве такого индикатора могут выступать результаты ОРД, например в части соотношения совершенных и раскрытых ОВД преступлений за месяц (год). Этот маркер и будет объективным показателем защищенности. При этом эффективность деятельности сотрудников полиции по обеспечению безопасности личности, общества и государства средствами ОРД нельзя рассматривать в отрыве от состояния других социальных, экологических, политических, духовных и иных факторов, которые тесно взаимосвязаны друг с другом и потому оказывают воздействие на деятельность сотрудников ОВД.

Таким образом, в онтологическом смысле нельзя гарантировать отсутствие угроз, но можно говорить о состоянии защищенности субъекта. В гносеологическом смысле на вопрос о том, является ли познаваемым в рамках философии феномен безопасности, следует дать положительный ответ. Вместе с тем познание данной категории имеет ряд трудностей в силу ее многоаспектности (экологической, экономической, международной и иной).

В аксиологическом смысле безопасность как функция самосохранения, самовоспроизводства и самообеспечения подкрепляется рядом важнейших духовно-нравственных ценностей, впервые закрепленных Президентом РФ в стратегиях национальной безопасности 2015 и 2021 гг. Именно эти ценности объединяют нашу многонациональную и многоконфессиональную страну.

Практическое же значение философских дискуссий о понятии и сущности безопасности состоит в том, что в зависимости от четкого понимания данного феномена будут выработаны пути и средства ее обеспечения, ведь, как учит нас история, «методологически неверные подходы в определении сферы теории и практики ставили порой нацию на грань катастрофы» [18, с. 60].

Подводя итоги, можно предложить следующее определение безопасности в контексте исследования философских основ обеспечения национальной безопасности в сфере оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел — это субъективная оценка личностью, обществом и государством состояния удовлетворенности витальных потребностей многонационального народа Российской Федерации в самосохранении, самоподдержании и самовоспроизводстве, при котором обеспечено сохранение его прошлого (истории, культурного наследия, духовных ценностей и т. п.), самостоятельное, суверенное функционирование в настоящем и устойчивое развитие в будущем. Эта оценка должна быть основана на объективных данных, полученных посредством государственного контроля (надзора), в том числе в форме оперативно-разыскной деятельности, о представляющих опасность свойствах и состояниях многонационального народа России и окружающих его природных и антропогенных объектов.

1. Павлова Н. С. Философско-социологические и исторические основания постановки проблемы безопасности в истории науки // Вестник ОГУ. 2007. № 7. С. 87—93.

2. Мелихов А. И., Працко Г. С., Никитина Г. А. Понятие «безопасность» в современных гуманитарных науках и законодательстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2(49). С. 183—188.

3. Мелихов А. И., Харченко А. В., Андриушченко Т. И. Институты безопасности в оперативно-разыскной науке // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2(57). С. 137—144.

1. Pavlova N. S. Philosophical, sociological and historical foundations for posing the problem of security in the history of science. Bulletin of the OSU, 87—93, 2007. (In Russ.).

2. Melikhov A. I., Pratsko G. S., Nikitina G. A. The concept of "security" in modern humanities and Russian legislation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 183—188, 2019. (In Russ.).

3. Melikhov A. I., Kharchenko A. V., Andryushchenko T. I. Security institutions in the investigative science. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 137—144, 2021. (In Russ.).

4. Диев В. С. Роль философии в изучении проблем безопасности // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 1. С. 43—45.

5. Умрихина Е. И. Безопасность как философско-правовая категория // Философия права. 2010. № 4. С. 53—56.

6. Рыбалкин Н. Н. Философия безопасности: учеб. пособие. Москва: Моск. психол.-соц. ин-т, 2006. 293 с.

7. Рыбалкин Н. Н. Природа безопасности: дис. ... д-ра филос. наук. Москва, 2003. 407 с.

8. Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. 2012. № 1. С. 66—73.

9. Поликарпов В. С. Философия безопасности. Санкт-Петербург; Ростов н/Д; Таганрог, 2001. 168 с.

10. Климов С. Н. Методологические основы философии безопасности // Наука и техника транспорта. 2014. № 4. С. 91—95.

11. Герасимов А. В. Философские основы теории национальной безопасности // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2. С. 54—65.

12. Бондаренко М. В. Безопасность как социальная категория: формирование категориально-понятийного аппарата. Наука и практика. Орел, 2010. С. 18—19.

13. Гриценко А. А. Теоретико-методологические подходы к определению понятия безопасности // Вестник НГУ. Сер. «Философия». 2008. Т. 6. Вып. 3. С. 86—91.

14. Старостин, А. М. Философия безопасности в обществе риска // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2018. № 2. С. 6.

15. Шестакова С. М. Перспективы философии безопасности // Безопасность Евразии. 2003. № 4. С. 657—673.

16. Атаманов Г. А. Ключевая проблема исследования феномена безопасности в современной России // Научно-информационный журнал «Армия и общество». 2012. № 2. С. 169—174.

17. Анисимов А. П. О некоторых дискуссионных проблемах концепции устойчивого развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3. С. 31—36.

18. Вершилов С. А. Понятие безопасности: социально-философский аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 8. С. 59—61.

4. Diev V. S. The role of philosophy in the study of security problems. Humanitarian sciences in Siberia, 43—45, 2008. (In Russ.).

5. Umrikhina E. I. Security as a philosophical and legal category. Philosophy of Law, 53—56, 2010. (In Russ.).

6. Rybalkin N. N. Philosophy of security. Textbook allowance. Moscow: Moscow Psycho-Social Institute; 2006: 293. (In Russ.).

7. Rybalkin N. N. The nature of security. Dissertation of doctor of philosophical sciences. Moscow; 2003: 407. (In Russ.).

8. Litvinov E. P. Philosophical foundations of the concept of security. Space and time, 66—73, 2012. (In Russ.).

9. Polikarpov V. S. Philosophy of security. Saint Petersburg; Rostov on Don; Taganrog; 2001: 168. (In Russ.).

10. Klimov S. N. Methodological foundations of the philosophy of safety. Science and technology of transport, 91—95, 2014. (In Russ.).

11. Gerasimov A. V. Philosophical foundations of the theory of national security. Man. Society. Inclusion, 54—65, 2016. (In Russ.).

12. Bondarenko M. V. Security as a social category: the formation of a categorical-conceptual apparatus. Science and practice. Orel; 2010: 18—19. (In Russ.).

13. Gritsenko A. A. Theoretical and methodological approaches to the definition of the concept of security. Vestnik NGU. Series "Philosophy", 86—91, 2008. (In Russ.).

14. Starostin A. M. Philosophy of security in a risk society. A-factor: scientific research and development (humanitarian sciences), 6, 2018. (In Russ.).

15. Shestakova S. M. Perspectives of security philosophy. Security of Eurasia, 657—673, 2003. (In Russ.).

16. Atamanov G. A. The key problem of the study of the phenomenon of security in modern Russia. Scientific and informational journal "Army and Society", 169—174, 2012. (In Russ.).

17. Anisimov A. P. On some debatable problems of the concept of sustainable development. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 31—36, 2017. (In Russ.).

18. Vershilov S. A. The concept of security: a social-philosophical aspect. Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 59—61, 2009. (In Russ.).

Мелихов Александр Иванович,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
stalingrad@pisem.net

Melikhov Alexander Ivanovich,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
stalingrad@pisem.net

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.123.1

doi: 10.25724/VAMVD.UUUU

НАЧАЛЬНИК ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЕДОМСТВЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Юлия Сергеевна Митькова*, **Елена Владимировна Горкина****, **Елена Евгеньевна Колбасина*****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
romanovka297676133@rambler.ru

** Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия, lengor43@rambler.ru

*** Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия,
elena-kolbasina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена специфике уголовно-процессуального статуса начальника органа дознания как должностного лица, входящего в систему ведомственного процессуального контроля в досудебном производстве в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и Республики Казахстан. Авторами акцентировано внимание на проблеме процессуального положения начальника органа дознания при производстве предварительного расследования в форме дознания в российском уголовном судопроизводстве. В частности, в статье отмечено дублирование некоторых полномочий, сосредоточенных у различных субъектов контрольно-надзорной деятельности в дознании (начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, прокурор), и в то же время отсутствие отдельных полномочий, которые бы способствовали повышению качества и оперативности контроля в дознании. На основе дифференцированного анализа законодательных норм указанных государств констатируется возможность восприятия российским законодателем положительного опыта Республики Казахстан в части совершенствования правового положения начальника органа дознания посредством исключения дублирования отдельных полномочий, реализуемых в отношении дознавателей специализированных подразделений дознания по уголовным делам, находящимся в производстве, а также путем предоставления данному участнику права лично производить дознание и рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя.

Ключевые слова: дознание, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознание в сокращенной форме, ведомственный процессуальный контроль

Для цитирования: Митькова Ю. С., Горкина Е. В., Колбасина Е. Е. Начальник органа дознания в системе ведомственного процессуального контроля в уголовном судопроизводстве России: сравнительный анализ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 163—171. doi: 10.25724/VAMVD.UUUU

HEAD OF THE BODY OF INQUIRY IN THE SYSTEM OF DEPARTMENTAL PROCEDURAL CONTROL IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: COMPARATIVE ANALYSIS

Iulia Sergeevna Mitkova*, **Elena Vladimirovna Gorkina****, **Elena Eugenyevna Kolbasina*****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd, Russia, romanovka297676133@rambler.ru

** Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint-Petersburg, Russia, lengor43@rambler.ru

*** Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot,
Moscow, Russia, elena-kolbasina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to specification of the criminal procedural status of the head of the body of inquiry as an official belonging to the system of departmental procedural control in pre-trial proceedings in accordance with the criminal procedureprocedural legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The authors focus on the problem of the procedural position of the head of the body of inquiry during the conduct of the preliminary investigation in the form of an inquiry in Russian criminal proceedings. In particular, the article notes the duplication of some powers concentrated in various subjects of control and supervision of the inquiry (head of the body of inquiry, head of the unit of inquiry, prosecutor), while at the same time the absence of separate powers, which would contribute to improving the quality and efficiency of control in the inquiry. On the basis of a differentiated analysis of the legislative norms of these States, it is stated that it is possible for the Russian legislature to accept the positive experience of the Republic of Kazakhstan in improving the legal situation of the head of the body of inquiry by excluding duplication of individual mandates, Inquiries carried out with regard to persons conducting initial inquiries by specialized units in criminal cases under investigation and by granting the person concerned the right to conduct initial inquiries and consider complaints about actions (omissions) and decisions taken by the person conducting the initial inquiry.

Keywords: initial inquiry, head of the body of inquiry, head of the unit of inquiry, short-form inquiry, departmental procedural control

For citation: Mitkova Iu. S., Gorkina E. V., Kolbasina E. Eu. Head of the body of inquiry in the system of departmental procedural control in Russian criminal proceedings: comparative analysis. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 163—171, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.UUUU

Органы дознания, как часть правоохранительной системы государства, активно задействованы в борьбе с преступностью, в том числе посредством реализации своего процессуального статуса как участника уголовного судопроизводства, осуществляющего уголовное преследование.

Основными функциями, выполняемыми органами дознания в механизме правоохранительной деятельности большинства государств, являются: осуществление оперативно-разыскной деятельности, производство следственных действий в безотлагательном режиме, требующем скорейшего закрепления следов преступления, а также проведения в полном объеме предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Учитывая разноплановость реализуемой ими деятельности в рамках уголовного судопроизводства, а также поставленных перед органами дознания государством задач, можно констатировать их весомое значение для борьбы с преступностью.

После распада СССР векторы развития уголовного судопроизводства Российской Федерации (РФ) и Республики Казахстан (РК) постепенно изменялись, и в настоящее время, после вступления в 2014 г. в законную силу Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан¹ (УПК РК), стали очевид-

ными весьма принципиальные различия в данной сфере деятельности упомянутых государств.

Тем не менее в системе участников современного российского и казахстанского уголовного судопроизводства орган дознания по настоящее время реализует важные полномочия по осуществлению уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного процесса.

Следует отметить, что большинство зарегистрированных на территории РФ преступлений за период с января по апрель 2021 г. относятся к категориям небольшой и средней тяжести (70 %)², досудебное производство по которым осуществляется, как правило, в упрощенной форме. В российском уголовном процессе к таковым относят дознание и дознание, проводимое в сокращенном порядке.

Досудебная уголовно-процессуальная деятельность органов уголовного преследования в Казахстане характеризуется многообразием форм досудебного расследования, в том числе наличием нескольких упрощенных процедур — ускоренное досудебное расследование (ст. 190 УПК РК), дознание (ст. 191 УПК РК), протокольная форма досудебного расследования (ст. 191 УПК РК).

В значительной степени эффективность выполнения поставленных перед органом дознания задач зависит от качества осуществляемого процессуального контроля за уголовно-процессуальной

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 25.05.2020). URL: https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks/128.htm (дата обращения: 13.01.2022).

² Состояние преступности в России за январь — апрель 2021 г. // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 22.02.2022).

деятельностью данного участника уголовно-процессуальных отношений. В России и Казахстане органы дознания реализуют функции в различных ведомствах, в связи с чем процессуальный контроль в дознании приобретает черты ведомственного.

В рамках настоящей статьи под ведомственным процессуальным контролем следует понимать вид уголовно-процессуальной деятельности определенных субъектов уголовно-процессуальных отношений, который заключается в реализации ими специальных контрольных полномочий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством в пределах одного ведомства.

Стоит отметить, что система процессуального контроля и его пределы предопределяются прежде всего характером выполняемой подконтрольной деятельности, уголовно-процессуальные формы осуществления которой имеют различия в законодательном регулировании РФ и РК.

В соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством органы дознания нашего государства правомочны производить предварительное расследование в форме дознания по уголовным делам, по которым не предусмотрено обязательное проведение предварительного следствия; выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам о преступлениях, отнесенных законом к компетенции следственных подразделений; осуществление иных процессуальных полномочий. Кроме того, сформулированная позиция отечественного законодателя в п. 1 ч. 1 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) («...также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности») позволяет выделить еще одно направление деятельности российских органов дознания — осуществление оперативно-розыскного сопровождения по уголовным делам. Кроме того, органы дознания, являясь активными участниками проверки сообщения о преступлении, выполняют оперативно-розыскные мероприятия и в рамках первоначальной стадии отечественного уголовного судопроизводства.

Несмотря на критические высказывания многих авторов относительно разнообразия взаимоисключающих видов осуществляемой органами дознания в уголовном судопроизводстве деятельности (см.: [1, с. 89]), российский законодатель не торопится исправлять сложившееся нормативное регулирование, и правоприменитель вынужден приспособляться к действующим положениям закона.

Анализ норм уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан позволяет отметить более широкий объем полномочий органа дознания за счет присущего уголовному судопроизводству данного государства многообразия ускоренных форм досудебного производства, основную нагрузку по реализации которых несут органы дознания. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что органы дознания Казахстана, в отличие от отечественных, в определенных ситуациях наделяются правом по производству предварительного следствия (чч. 3, 5 ст. 189 УПК РК).

Так, помимо характерных одновременно для законодательного регулирования России и Казахстана полномочий органов дознания по производству дознания по делам, по которым не обязательно предварительное следствие, и производству неотложных следственных действий, на данного участника уголовного судопроизводства в РК возложены следующие полномочия (ч. 1 ст. 61 УПК РК):

— самостоятельно осуществлять предварительное следствие по делам, которые относятся к компетенции органов дознания, но с неустановленным лицом, подлежащим привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также в случае истечения предельных сроков дознания;

— осуществление ускоренного досудебного производства по делам об уголовных правонарушениях;

— осуществление досудебного расследования в протокольной форме по уголовным проступкам.

Следует отметить, что изменение процессуальной формы расследования с дознания на предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, относящихся в соответствии с ч. 3 ст. 151 УПК РФ к подследственности органов дознания и по которым, кроме того, не установлено причастное к его совершению лицо, не является новым и для российского уголовного судопроизводства¹, с той лишь разницей, что в ранее действующей редакции УПК РФ дознаватели ни при каких обстоятельствах не наделялись правом производства предварительного следствия. Таким образом, нагрузка по расследованию неочевидных «дозначеских» преступлений ложилась на следственные подразделения. Однако от подобного нормативного установления отечественный законодатель отказался в 2007 г. как не отвечавшего требованиям эффективности, поскольку в итоге это привело к увеличению загруженности следователей несвоевременной для предварительного следствия деятельностью по расследованию уголовных преступлений указанных категорий.

¹ В настоящее время данное положение утратило силу.

Анализ отечественных норм УПК РФ приводит к выводу, что на данный момент установленный уголовно-процессуальным законом в ст. 223 УПК РФ предельный срок дознания и строго определенные основания для его продления допускают передачу уголовных дел, по которым предельные сроки дознания истекли, от дознавателей в следственные подразделения для дальнейшего расследования.

Уголовно-процессуальное законодательство Казахстана выбрало иной вариант решения данной проблемы: органы дознания при наличии указанных выше законных оснований продолжают производство расследования, но уже в форме предварительного следствия.

Представляется, что отечественное нормативное регулирование данного вопроса более оптимизировано для национальной системы уголовного судопроизводства, и строгая дифференциация полномочий между органами предварительного расследования позволяет соблюдать процессуальную форму, тем самым обеспечивая права и законные интересы его участников в зависимости от категории расследуемого преступления.

Ведомственным процессуальным руководителем деятельности органов дознания в уголовном судопроизводстве согласно законодательным установлениям как российского, так и казахстанского уголовно-процессуального законодательства является начальник органа дознания.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве понятие данного участника сформулировано в п. 17 ст. 5 УПК РФ следующим образом: «...Начальник органа дознания — должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель».

В уголовно-процессуальном законе РК содержание понятия указанного должностного лица не приводится, лишь в п. 76 ст. 7 УПК РК определено, что орган дознания относится к органам, ведущим уголовный процесс, в п. 26 той же нормы орган дознания отнесен к числу органов, осуществляющих уголовное преследование, а в ст. 62 УПК РК конкретизированы полномочия их руководителя — начальника органа дознания.

Процессуальный статус начальника органа дознания в российском уголовном процессе закреплен в ст. 40.2 УПК РФ, в соответствии с которой данный участник является участником со стороны обвинения. Его полномочия можно условно подразделить на те, которые он осуществляет в ходе проверки сообщения о преступлении, и реализуемые после возбуждения уголовного дела.

К первой группе можно отнести: поручать исполнение проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144—145 УПК РФ, производство дознания и неотложных следственных действий по уголовному делу наделенным процессуальными полномочиями (в том числе дознавателям специализированных подразделений дознания); продлевать в установленном законом порядке срок процессуальной проверки до 10 суток; проверять собранные материалы проверки сообщения о преступлении и материалы уголовного дела, находящиеся в производстве органа дознания, дознавателя. Кроме того, он вправе лично осуществлять процессуальную проверку сообщения о преступлении либо иным способом участвовать в данной досудебной процедуре.

По возбужденному уголовному делу (вторая группа полномочий) указанное должностное лицо вправе: давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий по находящимся в их производстве уголовным делам; создавать группу дознавателей или изменять ее состав; разрешать восстановление дознавателем утраченного уголовного дела либо его материалов на основании соответствующего постановления; утверждать итоговые документы дознания; возвращать уголовное дело дознавателю для производства дополнительного дознания, производства дознания в общем порядке, пересоставления обвинительного акта или обвинительного постановления; организовывать исполнение поручения следователя в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ. При возникновении процессуальных разногласий между дознавателями и начальником подразделения дознания в ходе производства по уголовному делу начальник органа дознания рассматривает письменные возражения дознавателя на указания начальника подразделения дознания и принимает по ним решение.

Специфика отечественного правового регулирования осуществления процессуального контроля за уголовно-процессуальной деятельностью органа дознания заключается в двойной системе контроля, суть которой изложена ниже.

В структуру органов дознания Российской Федерации, помимо подразделений, наделенных правом осуществления оперативно-разыскной деятельности и неотложных следственных действий, включены подразделения дознания, наделенные исключительно процессуальными полномочиями по производству предварительного расследования в форме дознания и проведению процессуальной проверки

на стадии возбуждения уголовного дела. С 2007 г.¹ процессуальным руководителем, несущим ответственность за законность и эффективность дознания, осуществляемого сотрудниками данного структурного звена органов дознания, является начальник подразделения дознания, который в силу ст. 40.1 УПК РФ возглавляет подразделение дознания и наделен процессуальными полномочиями по осуществлению контроля за деятельностью дознавателей.

Следует отметить, что в российском нормативном регулировании полномочия начальника органа дознания и начальника подразделения дознания во многом дублируют друг друга, что, как отмечают многие авторы (см.: [2, с. 58; 3, с. 87]), является проблемой для обеспечения надлежащей согласованности и эффективности осуществляемого контроля, и, как следствие, вызывают дисбаланс подконтрольной деятельности.

Так, начальник подразделения дознания и начальник органа дознания реализуют некоторые идентичные контрольные полномочия в отношении дознавателей (дача указаний, поручение дознавателю проверки сообщения о преступлении, выполнение неотложных следственных действий либо производство дознания; дача дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения; проверка материалов процессуальной проверки и материалов уголовного дела, находящихся в производстве дознавателя).

Примечательно, что начальник подразделения дознания наделен правом отмены незаконных постановлений дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу, изымать уголовное дело у одного дознавателя и передавать его другому, указав на причины такой передачи. Начальник органа дознания, пользуясь достаточно широким объемом контрольных процессуальных полномочий, подобным правом не обладает.

Начальник органа дознания вправе отменить указания начальника подразделения дознания, данные дознавателю в случае их обжалования последним. Таким образом, начальник органа дознания в российском уголовном судопроизводстве является вышестоящим процессуальным руководителем для

дознавателя и непосредственным руководителем начальника подразделения дознания.

Подобная система двойственного процессуального контроля в пределах одного ведомства представляется излишней, нецелесообразной для упрощенных производств, поскольку проверка материалов уголовного дела различными субъектами контроля в рамках предусмотренных законом сроков дознания и сокращенного дознания может существенно увеличивать продолжительность производства по уголовному делу, ставя под угрозу принципиальные положения уголовного судопроизводства. Кроме того, нельзя забывать о еще одном важном участнике, выполняющем одновременно роль надзирающего и руководящего органа и обеспечивающего законность дознания, которым является прокурор, чьи полномочия также во многом схожи по характеру и содержанию с полномочиями начальника органа дознания и подразделения дознания (в части, обозначенной выше).

Вопрос о необходимости и целесообразности подобного многоступенчатого процессуального контроля за процессуальной деятельностью органов дознания неоднократно являлся предметом обсуждений и в научной среде. Одни авторы оценивают такое положение позитивно, полагая, что оно способствует обеспечению законности уголовно-процессуальной деятельности органов дознания (см.: [4, с. 99]). Другие, напротив, высказываются за исключение из данной системы контроля одного из субъектов его осуществления (см.: [2, с. 59, 5, с. 116; 6, с. 96]), полагая его излишним.

Представляется, что начальник органа дознания, выполняя функции руководителя различных направлений деятельности подчиненных подразделений (уголовно-процессуальной, оперативно-разыскной, административной и др.), не имеет реальной возможности в полной мере осуществлять контроль в дознании, чем, по сути, и объясняется появление в системе участников уголовного процесса начальника подразделения дознания.

Передача отдельных контрольных полномочий при производстве дознания от начальника органа дознания (дача письменных указаний дознавателю по уголовным делам, принятие решений о восстановлении утраченного уголовного дела, о создании группы дознавателей, утверждение итоговых документов дознания) начальнику подразделения дознания будет являться, по нашему мнению, закономерным шагом к устранению проблемы двойного ведомственного процессуального контроля в дознании, которая позволит обеспечить надлежащую эффективность деятельности подразделений

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа : <http://www.consultant.ru>, свободный.

дознания. В случае выполнения полномочий по производству предварительного расследования в форме дознания уполномоченными начальником органа дознания сотрудниками последний в силу закона (ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ) наделяется процессуальными полномочиями начальника подразделения дознания, поэтому отдельного регулирования данного вопроса не требует.

В пользу подобного умозаключения свидетельствуют проведенные исследования, которыми отмечается улучшение показателей предварительного расследования уголовных дел в форме дознания после введения в УПК РФ субъекта процессуального контроля — начальника подразделения дознания (см.: [3, с. 88]).

Обратимся к опыту законодателя РК в исследуемом контексте. В соответствии с УПК РК начальник органа дознания, являясь единственным процессуальным руководителем данного органа уголовного преследования в структуре ведомства, наделен довольно обширным объемом процессуальных полномочий.

Так, в силу ч. 1 ст. 62 УПК РК указанный участник уголовно-процессуальных отношений организует выполнение как следственных (в том числе негласных) действий, так и оперативно-разыскных мероприятий.

Полномочия начальника органа дознания, закрепленные в указанной норме, подразделяются в зависимости от формы досудебного производства, реализуемой подчиненным органом.

При осуществлении контроля по делам об уголовных правонарушениях, подследственных органам предварительного следствия, начальник органа дознания: обеспечивает проведение неотложных следственных действий; организует выполнение поручений суда, а также прокурора, начальника следственного отдела, следователя о производстве отдельных следственных и иных действий и обеспечении мер безопасности участвующих в уголовном судопроизводстве лиц.

В случае проведения досудебного расследования (дознания, протокольной формы) органами дознания начальник органа дознания осуществляет контроль своевременности и законности действий дознавателей, при этом он вправе: проверять уголовные дела, давать указания о производстве следственных и иных процессуальных действий, квалификации действий подозреваемого; передавать материалы от одного дознавателя другому; начать досудебное расследование и лично производить дознание; рассматривать жалобы на действия и решения дознавателя. Кроме указанного, данный руководи-

тель по окончании расследования подчиненными органами дознания и дознавателями обязан согласовать обвинительный акт либо постановление о применении приказного производства, утвердить протокол об уголовном проступке и направить их прокурору.

Помимо реализуемых вышеобозначенных полномочий, данный руководитель активно участвует в досудебном расследовании, согласовывает ряд следственных и иных процессуальных действий: наложение ареста на имущество, объявление международного розыска, помещение подозреваемого, обвиняемого, не содержащихся под стражей, в медицинскую организацию для производства стационарной судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, избрание в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде содержания под стражей, продление ее срока; производство обыска; отстранение подозреваемого (обвиняемого) от должности; запрет на приближение; этапирование подозреваемого, обвиняемого и др. Стоит отметить, что подобные полномочия не свойственны отечественному начальнику органа дознания, что представляется обоснованным, учитывая специфику его процессуального положения.

По уголовным делам о проступках начальник органа дознания в РК обязан назначить дознание либо предварительное следствие в случае невозможности окончить досудебное расследование в протокольной форме в сроки, предписанные законом.

Очевидным плюсом является наличие у начальника органа дознания в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством РК (п. 5 ч. 4 ст. 62 УПК РК) полномочия по рассмотрению жалоб на действия и решения дознавателя, в то время как в отечественном уголовном судопроизводстве аналогичное правомочие у субъектов процессуального контроля при производстве дознания отсутствует.

Отсутствие данного средства процессуального контроля у процессуальных руководителей дознанием уже становилось предметом научных интересов среди российских исследователей. Так, анализируя проблемы института обжалования на диссертационном уровне, В. Г. Волколупов предлагает устранить данный пробел в законодательном регулировании и включить начальника органа дознания в число субъектов рассмотрения жалоб (см.: [7, с. 12]).

Представляется, что интеграция подобного опыта из уголовно-процессуального законодательства РК способствовала бы повышению эффективности дознания в отечественном уголовном процессе, так

рассмотрение жалоб ближайшего к исполнителю в схеме процессуального контроля должностного лица ускорило бы устранение допущенных нарушений требований закона и, как следствие, обеспечение прав и законных интересов уголовного судопроизводства, заявляющих жалобы.

Важным в данном контексте представляется и вопрос об отсутствии у начальника органа дознания и у начальника подразделения дознания, как у субъектов процессуального контроля, полномочий по отмене незаконных и необоснованных постановлений дознавателя (кроме отмены постановления о приостановлении производства дознания начальником подразделения дознания). Внесение соответствующих уточнений в уголовно-процессуальное законодательство РФ позволило бы усовершенствовать механизм обжалования действий (бездействия) дознавателя, предоставив упомянутым должностным лицам наряду с правом рассмотрения жалоб правомочие по устранению выявленных нарушений посредством отмены постановлений дознавателя, противоречащих нормам УПК РФ.

В системе нормативного регулирования Казахстана обращает на себя внимание правомочие начальника органа дознания, заключающееся в его праве начать досудебное расследование, принять уголовное дело к своему производству и лично произвести дознание либо отдельные процессуальные действия (п. 4 ч. 4 ст. 62 УПК РК).

В УПК РФ отсутствует четкое правовое регулирование, которое бы позволяло начальнику органа дознания самостоятельно производить предварительное расследование в форме дознания. В то же время в силу п. 1 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ данный участник уголовного судопроизводства уполномочен лично рассматривать сообщения о преступлении и участвовать в их проверке. Однако возможность самостоятельного производства следственных действий начальником органа дознания на стадии возбуждения уголовного дела ни в одной из норм УПК РФ не конкретизирована.

Вместе с тем данная проблема нашла свое единогласное разрешение на научном уровне. Так, М. А. Митюкова (см.: [5, с. 116]) полагает, что начальник органа дознания пользуется всеми процессуальными полномочиями, которые предоставлены органу дознания. С. И. Гирько справедливо указывает, что полномочиями того или иного органа в полной мере обладает его руководитель (см.: [8, с. 259]).

Представляется, что для использования в российской правоприменительной практике указанного полномочия начальника органа дознания важно конкретизировать данное положение на законода-

тельном уровне, т. е. расширить перечень его полномочий, дополнив их правом принятия к производству уголовного дела и личного производства дознания. Кроме того, необходимо уточнить положение п. 1 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ, указав, что начальник органа дознания вправе лично проводить проверку сообщения о преступлении, в том числе путем производства следственных действий, перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Таким образом, подводя итог изложенному, можно сформулировать следующие выводы.

1. Специфика контрольных полномочий начальника органа дознания в уголовном судопроизводстве РК обусловлена особенностями национального уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок досудебного производства (отсутствие стадии возбуждения уголовного дела, наличие ускоренной формы досудебного расследования, протокольной формы досудебного расследования, приказного производства).

2. Наличие единственного субъекта в системе ведомственного процессуального контроля в рассматриваемой сфере деятельности РК — начальника органа дознания в большей степени способствует оптимизации досудебного производства, нежели многоступенчатая система аналогичного контроля в российском уголовном судопроизводстве с дублированием части процессуальных полномочий начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и прокурора).

Российскому законодателю следует конкретизировать, который из начальников (подразделения дознания или органа дознания) будет нести основной «груз» ответственности за качество дознания и осуществлять полномочия, связанные с непосредственным контролем производства по уголовному делу (дача письменных указаний о направлении расследования; принятие решений о производстве дознания группой дознавателей и об изменении ее состава; о восстановлении дознавателем утраченного уголовного дела либо его материалов; о возвращении уголовного дела дознавателю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного дознания, производстве дознания в общем порядке, пересоставлении обвинительного акта или обвинительного постановления и др.).

Вместе с тем отдельные полномочия начальника органа дознания, присущие уголовному судопроизводству Казахстана (рассмотрение жалоб на действия дознавателя, право личного производства дознания или отдельных следственных и иных процессуальных действий), могут быть заимствованы российским законодателем путем внесения

дополнений в ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ. В частности, предлагаем ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ дополнить:

1) пунктом 3.1 следующего содержания: «принимать уголовные дела к своему производству и лично производить предварительное расследование в форме дознания в полном объеме либо про-

дить отдельные следственные и иные процессуальные действия»;

2) пунктом 9.1 следующего содержания: «рассматривать жалобы на действия (бездействие) дознавателя».

1. Фадеев И. А. Несовершенство понятийного аппарата статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса России в части, касающейся органов дознания // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 8. С. 88—92.

2. Стельмах В. Ю. Некоторые проблемы нормативной регламентации дознания. *Российская юстиция*. 2019. № 4. С. 58—60.

3. Гаврилов Б. Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // *Российская юстиция*. 2018. № 1. С. 37—41.

4. Мичурина О. В. Процессуальное руководство начальника органа дознания и начальника подразделения дознания: конкуренция или взаимодействие? // *Вестник экономической безопасности*. 2016. № 5. С. 98—101.

5. Митюкова М. А. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника органа дознания // *Сибирский юридический Вестник*. 2016. № 2 (73). С. 115—123.

6. Митькова Ю. С. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника подразделения дознания // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2010. № 4. С. 93—97.

7. Волколупов В. Г. Обжалование процессуальных действий и решений или бездействия властных субъектов в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 35 с.

8. Гирько С. И. Уголовно-процессуальные функции милиции (теоретические, правовые и прикладные проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2004. 336 с.

1. Fadeev I. A. Imperfection of the conceptual apparatus of article 5 of the Russian Code of Criminal Procedure with regard to the bodies of inquiry. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 88—92, 2021. (In Russ.).

2. Stelmach V. Yu. Some problems of the normative regulation of the inquiry. *Russian Justice*, 58—60, 2019. (In Russ.).

3. Gavrilov B. Ya. Doctrine of pre-trial proceedings: present and future. *Russian justice*, 37—41, 2018. (In Russ.).

4. Michurina O. V. Procedural guidance of the head of the body of inquiry and the head of the division of inquiry: competition or interaction? *Bulletin of Economic Security*, 98—101, 2016. (In Russ.).

5. Mityukova M. A. On the issue of procedural powers of the head of the body of inquiry. *Siberian Legal Bulletin*, 115—123, 2016. (In Russ.).

6. Mitkova Yu. S. On the issue of procedural powers of the head of the division of inquiry. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 93—97, 2010. (In Russ.).

7. Volkolupov V. G. Appeal of procedural actions and decisions or omissions of authorities in criminal proceedings. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2022: 35. (In Russ.).

8. Girko S. I. Criminal-procedural functions of the police (theoretical, legal and applied problems). Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2004: 336. (In Russ.).

Митькова Юлия Сергеевна,

доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
romanovka297676133@rambler.ru

Mitkova Iulia Sergeevna,

associate professor
at criminal procedure department
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
romanovka297676133@rambler.ru

Горкина Елена Владимировна,
доцент кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
lengor43@rambler.ru

Колбасина Елена Евгеньевна,
доцент кафедры криминологии
Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
elena-kolbasina@mail.ru

Gorkina Elena Vladimirovna,
associate professor at the department
of criminalistics
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of the juridical sciences, docent;
lengor43@rambler.ru

Kolbasina Elena Eugenyevna,
associate professor at the department
of criminology
of the Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
named after V. Ya. Kikot,
candidate of the juridical sciences, docent;
elena-kolbasina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 06.04.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.985.7:343.7

doi: 10.25724/VAMVD.VVVV

**О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ
МОШЕННИЧЕСТВА В ОТНОШЕНИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Борис Павлович Смагоринский, Анна Викторовна Сычева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

anna002@yandex.ru

Аннотация. Современную жизнь трудно представить без использования множества различных высокотехнологичных устройств — мобильных телефонов, планшетов, компьютеров, пластиковых карт. Постоянно появляются новые сервисы и программы. Все перечисленное, безусловно, делает нашу жизнь удобнее, но при этом требует определенных знаний и навыков. Одновременно с появлением и развитием таких высокотехнологичных устройств появляются новые виды мошенничества, позволяющие путем обмана или злоупотребления доверием незаконно получать денежные средства граждан. В статье рассмотрены и проанализированы некоторые актуальные в современных условиях способы совершения мошенничества в отношении физических лиц, такие как использование роботов-помощников, черных брокеров, мошенничество с применением Авито Доставка, обучение в сети Интернет и другие, а также раскрыт подробный алгоритм преступных действий мошенников с приведением примеров из практики расследования рассматриваемой категории преступлений. Авторами предложены некоторые рекомендации по предупреждению совершения указанной категории преступлений.

Ключевые слова: мошенничество, способ совершения преступления, мошенничество в сети Интернет, роботы-помощники, бинарные опционы, хайпы, Авито Доставка, полноструктурные способы совершения преступления

Для цитирования: Смагоринский Б. П., Сычева А. В. О некоторых актуальных способах совершения мошенничества в отношении физических лиц в современных условиях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 172—178. doi: 10.25724/VAMVD.VVVV

**ON SOME ACTUAL WAYS OF COMMITTING FRAUD
AGAINST INDIVIDUALS IN MODERN CONDITIONS**

Boris Pavlovich Smagorinsky, Anna Viktorovna Sycheva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,

Volgograd, Russia, anna002@yandex.ru

Abstract. It is difficult to imagine modern life without the use of many different high-tech devices — mobile phones, tablets, computers, plastic cards. New services and programs are constantly appearing. All of the above, of course, makes our life more convenient, but at the same time requires certain knowledge and skills. Simultaneously with the emergence and development of such high-tech devices, new types of fraud are emerging, allowing people to illegally receive money through deception or abuse of trust. The article discusses and analyzes some current methods of committing fraud against individuals, such as the use of robot assistants, black brokers, fraud using Avito Delivery, Internet training, and others, and also reveals a detailed algorithm of criminal actions of fraudsters with examples from the practice of investigating the category of crimes in question. The authors have offered some recommendations for preventing the commission of this category of crimes.

Keywords: fraud, method of committing a crime, fraud on the Internet, robot assistants, binary options, HYIPs, Avito Delivery, full-structured ways of committing a crime

For citation: Smagorinsky B. P., Sycheva A. V. On some actual ways of committing fraud against individuals in modern conditions. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 172—178, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.VVVV

Мошенничество является одним из видов преступлений, который продолжает сохранять тенденцию к росту, несмотря на некоторую стабилизацию общей преступности.

По данным Генпрокуратуры Российской Федерации, в России общее число случаев мошенничества за 2021 г. выросло на 6,5 %¹.

Как сообщил заместитель начальника Следственного департамента МВД Данил Филиппов, сумма одного мошенничества варьируется от 15 тыс. до десятков миллионов рублей².

Естественно, мошенники не останавливаются на достигнутом, с каждым днем совершенствуя уже известные и изобретая все новые способы обмана граждан.

В теории криминалистики под способом совершения преступления понимается система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированная условиями внешней среды и психофизическими качествами личности [1, с. 131—132].

Способ совершения преступления может быть полноструктурным, т. е. включать в себя действия по подготовке к совершению преступления, сам способ совершения преступления и действия по сокрытию преступления и неполноструктурным, при котором какие-либо из перечисленных элементов могут отсутствовать [2, с. 6].

Изучение уголовных дел показало, что современные способы совершения мошенничества в отношении физических лиц являются полноструктурными, так как мошенники тщательно готовятся к совершению преступления и предпринимают необходимые действия по его сокрытию.

Как отметил руководитель направления Solar webProxy компании «Ростелеком-Солар» Петр Куценко, в конце 2021 г. злоумышленники традиционно обманывали граждан, предлагая поучаствовать в различных акциях на фантастических условиях, обещая большие скидки от известных брендов, а также продавали поддельные QR-коды вакцинации против коронавирусной инфекции COVID-19³.

Рассмотрим данные способы более подробно.

1. Роботизированные помощники. В последние месяцы преступные сообщества стали активнее использовать возможности машинного обучения

и современных речевых технологий. Так, если в начале 2021 г. мошенники звонили на мобильные телефоны своим жертвам, то к концу 2021 — началу 2022 г. большая часть звонков стала совершаться с помощью голосовых роботов. Автоматизация обзвона потенциальных потерпевших, безусловно, облегчает мошенникам совершение преступления, так как охватывает большее количество аудитории.

Роботизированные помощники вызывают у россиян доверие, поэтому такое мошенничество будет все чаще использоваться для выманивания банковских данных⁴.

По данным Kaspersky Who Calls, осенью 2021 г. по сравнению с январем — февралем 2021 г. в 35 раз выросло количество звонков с подозрением на мошенничество, когда злоумышленники применяли роботизированные обзвоны, похожие на те, которыми обычно пользуются финансовые организации⁵.

Мошенники с помощью голосовых роботов обзванивают клиентов банков и, войдя в доверие, получают от последних информацию, позволяющую им совершать операции в онлайн-банке клиента. Потенциальному потерпевшему поступает звонок от банковского робота-помощника, которого запрограммировали мошенники. Робот сообщает клиенту банка о том, что в его личном кабинете замечены подозрительные действия. В большинстве случаев это перевод денежных средств, оформление кредита или попытка изменить номер телефона, который привязан к личному кабинету клиента банка. Далее в тональном режиме просят подтвердить операции. Мошенники задают вопросы, которые требуют ответа «да» или «нет» (например: «Вы совершали операции с картой за последний месяц?»), и когда клиент отвечает: «Да», мошенники автоматически получают доступ к личному кабинету жертвы и, соответственно, возможность распоряжения денежными средствами последнего по своему усмотрению.

Если жертва отказывается подтверждать операции в тональном режиме, то происходит соединение с псевдосотрудником службы безопасности банка, который в разговоре пытается получить все данные абонента.

¹ Статистика преступности. URL: <http://epp.genproc.gov.ru/> (дата обращения: 18.01.2022).

² За 2021 г. мошенники похитили у россиян 45 млрд руб. URL: <http://pravo.ru/> (дата обращения: 18.01.2022).

³ Эксперты рассказали о новых схемах мошенничества в России. URL: <http://iz.ru/> (дата обращения: 18.01.2022).

⁴ Роботы-мошенники стали звонить россиянам в 35 раз чаще. URL: <http://pravo.ru/> (дата обращения: 18.01.2022).

⁵ В России зафиксирован пик активности телефонных мошенников. URL: <http://pravo.ru/> (дата обращения: 18.01.2022).

В ходе телефонного разговора с потенциальной жертвой преступники стараются оказать давление на собеседника, торопят последнего и вынуждают принимать быстрые необдуманные решения, не давая возможности потенциальной жертве обсудить их с родственниками или близкими людьми.

Так, 12 декабря 2021 г. на мобильный телефон В. поступил звонок с неизвестного номера. В ответ В. услышала голос робота-помощника, который представлял один из известных банков. Далее робот спросил: «Это Светлана Александровна В. (назвав ее полную фамилию)?». Она ответила: «Да». Далее мошенники получили доступ к личному кабинету В. и похитили ее денежные средства.

2. Как пояснил начальник отдела по противодействию мошенничеству компании «Инфосистемы Джет» Алексей Сизов, «в праздничные дни увеличивается количество атак на банковские счета»¹. Мошенники похищают деньги, создавая фишинговые сайты, копирующие настоящие интернет-магазины (OZON, Wildberries, iHerb и др.).

Так, 28 декабря 2021 г. на электронную почту А. пришло сообщение о скидке 70 % на большую группу товаров интернет-магазина OZON, которая действует в течение всего двух часов. В сообщении была указана ссылка для перехода на сайт данного магазина, где перечислялись товары, на которые действует скидка. Тот факт, что адрес сайта магазина был немного изменен, А. сразу не заметила. Перейдя по ссылке, А. оформила заказ на сумму 36 тыс. рублей и оплатила заказ онлайн. Не дождавись своего заказа, А. перешла на настоящий сайт магазина OZON, где обнаружила, что в ее личном кабинете никаких заказов нет².

3. Мошенничество в сети Интернет. Руководитель направления аналитики и спецпроектов ГК InfoWatch Андрей Арсеньев пояснил, что одна из разновидностей обмана в сети Интернет связана с обещанием выплат за трудовой стаж. Так, жертве обещают деньги за отработанные годы и просят назвать номер банковской карты, а затем код из СМС-сообщения. Часто таким способом обманывали лиц предпенсионного возраста³.

Другая ситуация: потенциальным жертвам посредством социальных сетей либо электронной

почты приходят навязчивые сообщения с просьбой получить денежные средства, выигранные в каком-либо конкурсе, в котором жертва даже не участвовала. Далее приходит сообщение якобы из банка о том, что счет жертвы пополнен на определенную сумму и прилагается ссылка для получения денежных средств. Когда потенциальный потерпевший переходит по указанной ссылке, мошенники получают доступ к его личному кабинету и, соответственно, возможность распоряжения денежными средствами последнего по своему усмотрению [3, с. 108].

4. Обучение в сети Интернет. Якобы успешные бизнесмены предлагают обучить всех желающих прибыльному ведению бизнеса, обеспечить быстрый выход на продажу своих товаров через интернет-магазины OZON или Wildberries. Мошенники при этом просят немалую сумму денежных средств за предоставляемое обучение, но будет ли от него положительный результат — большой вопрос.

5. Черные брокеры. В последние годы, особенно после начавшейся пандемии коронавируса COVID-19, большинство граждан пользуются интернет-сервисами, совершают покупки онлайн, и, соответственно, оставляют свои данные (Ф. И. О., номера телефонов, номера банковских карт и др.) на просторах Интернета. Зачастую эти данные попадают в базу черных брокеров, которые начинают регулярно звонить с предложением поторговать на выгодной бирже. Эти брокеры обещают делать прогнозы и указывать только выгодные ставки. Если потенциальная жертва соглашается, то брокер предлагает последней вложить немалую денежную сумму. Вежливые брокеры настаивают взять кредит и даже предлагают свою помощь в его получении в случае плохой кредитной истории потенциальной жертвы. Далее за клиентом закрепляют персонального менеджера, который, скорее всего, сидит у себя дома и делает вид, что работает в офисе, а фоном ставит запись с телефонными разговорами. Хотя возможно, он на самом деле находится в офисе, где такие же «сотрудники» вводят в заблуждение по телефону новых жертв.

Основная задача менеджера — заставить потенциальную жертву скачать некий софт и установить в свой телефон или компьютер. Он расскажет, как завести там аккаунт, вложить свои деньги и начать торги на бинарных опционах. Посмотрев на большие денежные суммы, подделанные в данной программе, потенциальная жертва начнет мечтать о покупке квартиры, машины и т. д. Далее начнутся финансовые потери клиента. Главная цель персонального менеджера — чтобы клиент вложил как можно больше денежных средств. Для этого он

¹ В МВД России предупредили о новой схеме телефонного мошенничества. URL: <https://iz.ru/1275807/2022-01-12/v-mvd-rossii-predupredili-o-novoi-skHEME-telefonnogomoshennichestva> (дата обращения: 17.01.2022).

² Материалы следственной практики ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области.

³ Эксперты рассказали о новых схемах мошенничества в России. URL: <http://iz.ru/> (дата обращения: 18.01.2022).

будет постоянно уговаривать вложить еще деньги, ведь скоро все станет хорошо, и клиент якобы выйдет в плюс и получит большую прибыль. Но при этом клиент будет наблюдать очередную потерю своих денег. А менеджер будет требовать получения очередного кредита клиентом.

Черные брокеры могут предлагать не только торговать на бирже, но и зайти на фишинговый сайт, похищающий пароли, или вложить денежные средства в финансовую пирамиду. В результате любого из предложений клиент лишается своих денежных средств.

6. Мошенничество с использованием сервиса «Авито Доставка» [4]. Всем известно, что платформа «Авито» является удобной площадкой для размещения объявлений о продаже товаров, предоставлении услуг и т. д. На данной платформе мошенники уже не первый год обманывают людей, изобретая все новые формы обмана. Преступники научились обманывать и покупателей, и продавцов. Рассмотрим типичный пример с подменой ссылки через Авито Доставку. Мошенник оформляет подробное объявление о продаже, например, ноутбука, указывая причину продажи — по ненадобности. Стоимость ноутбука при этом занижена на 30—40 % от его рыночной цены. Естественно, такое объявление привлекает большое количество покупателей. После убедительного разговора с продавцом подозрений у потенциальной жертвы обычно не остается. Многие площадки объявлений внутри своего приложения или сайта блокируют чужие ссылки, чтобы продавец не смог перенаправить покупателя в другой мессенджер в целях обмана. Но мошенники и на этот случай придумали схему.

Мошенник предлагает покупателю ссылку для Авито Доставки, при этом утверждает, что кнопки для ссылки на сайте или в приложении «Авито» не работают. Если потенциальный потерпевший согласился и был перенаправлен мошенником в социальную сеть, то далее преступник показывает поддельные фотографии ноутбука, где невооруженным глазом виден фотошоп. И далее мошенник просит жертву оплатить доставку ноутбука. Для этого присылает ссылку на фишинговый сайт, внешне очень похожий на сайт «Авито». Электронный адрес, конечно, будет немного отличаться от настоящего, но потенциальный потерпевший этого не заметит, так как он доволен своей выгодной покупкой. Далее на фишинговом сайте жертва вводит данные своей карты, нажимает клавишу «Ввод» и мошенник получает доступ к счету потенциального потерпевшего, переводя все денежные средства на свой счет.

7. Бинарные опционы¹. Опционами занимаются трейдеры², которые позиционируют себя успешными людьми, живущими на берегу океана, ни в чем себе не отказывающие, которые якобы тратят несколько часов в день на работу, а остальное время они совершенно свободны. В то же время трейдеры готовы поделиться своим секретом большого финансового успеха со всеми желающими. Трейдеры тратят большие деньги на рекламу своих аккаунтов в социальных сетях для того, чтобы иметь возможность завлечь как можно больше клиентов в целях получения материальной выгоды. Рассказав о своей красивой жизни, трейдер переходит к действиям.

«Учитель» предлагает регистрацию по ссылке (см. рис.³) с обязательным открытием счета на платформе. Клиент при этом должен пополнить свой баланс на максимально возможную сумму. Далее трейдер высылает ссылку для доступа к закрытой группе, в которой он будет проводить обучение. После этого начинается торговля по его сигналам. Схема обмана с трейдерами не представляет особой сложности: трейдер зарабатывает проценты от депозита клиента, но в большинстве случаев наживается именно на проигрышах. В итоге клиент проигрывает весь свой депозит.

---

¹ Бинарный опцион, также цифровой опцион, опцион «все или ничего», опцион с фиксированной прибылью — экзотический опцион, который в зависимости от выполнения оговоренного условия в оговоренное время либо обеспечивает фиксированный размер дохода (премию), либо не приносит ничего. Так как опцион покупают заранее по фиксированной цене, общий итог либо положительный (в размере разности между премией и ценой опциона), либо отрицательный (на величину стоимости опциона). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 18.01.2022).

² Трейдер (от англ. *trader* — «торговец») — торговец, действующий по собственной инициативе и стремящийся извлечь прибыль непосредственно из процесса торговли. Обычно подразумевается торговля ценными бумагами (акциями, облигациями, фьючерсами, опционами) на фондовой бирже. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 18.01.2022).

³ Топ 10 мошеннических схем в 2022. URL: <https://techno-dohod.ru/top-10-moshennicheskikh-shem-v-internete-v-2021/> (дата обращения: 18.01.2022).

А теперь давайте к действиям!

Сразу оговорюсь - никаких взносов за вход в закрытую группу я не беру, раскруток счетов не делаю и платных уроков не провожу. Итак, чтобы попасть в приватку с бесплатными сигналами нужно:

1. **Зарегистрироваться** на торговой платформе – [ССЫЛКА](#)
2. **Далее:** после регистрации нужно **открыть на платформе счет и пополнить свой баланс для торговли**. Сумма депозита зависит лишь от вас и ваших возможностей, мне неважно какой размер депозита вы внесете.
3. **И последнее:** чтобы получить доступ к группе, нужно **написать сюда ваш UID на площадке**. Вы его найдете в разделе "Профиль". Пример: «UID7320031».

рефералОЧКА

После этого я проверю, являетесь ли Вы моим партнером и далее вышлю вам ссылку на закрытую группу, где **каждый день в 19:00** по московскому времени я публикую торговые сигналы. **Инструкция и моя помощь естественно прилагается!**

Вы получаете мой сигнал, заходите на торговую платформу и открываете сделку в указанном направлении, на указанной валютной паре. Сумму сделки выбираете сами, исходя из размеров своего депозита, я лично рекомендую не более 10% от суммы банка, чтобы минимизировать риски. Все очень просто.

Рис. Пример ссылки для доступа к закрытой группе

8. Хайпы. Всем известные финансовые пирамиды теперь именуются хайп-проектами. Например, известный сервис CROWDWIZ¹ во всех социальных сетях предлагает легкий заработок. Хайпы предлагают потенциальным потерпевшим вложить деньги под очень высокие, неправдоподобные проценты. Сначала жертвы создают депозит, а потом якобы выводят больше первоначальной суммы. Вместе с тем создатели хайп-проектов рассказывают своим вкладчикам, что деньги последних идут на разработку инновационных технологий, криптовалюту, биржевые торги, строительство и т. д., при этом активно навязывают приглашение своих родственников, друзей, знакомых для увеличения дохода.

Так, 21 января 2022 г. в г. Волгограде задержали двух девушек, которые разработали и реализовали преступную схему, устроенную по принципу финансовой пирамиды. Сотрудницы микрокредитной организации «Депозит Капитал» убеждали граждан брать кредиты и инвестировать денежные средства в свою организацию, которая якобы занимается

прибыльными проектами и нуждается в оборотных средствах. В целях завоевания доверия потенциальных потерпевших мошенницы сразу отдавали заемщикам часть полученных денег, обещая самостоятельно вносить в банки ежемесячные платежи за кредит. Как правило, в течение первых двух месяцев они выполняли обещание, но далее платежи прекращались. В полицию поступило более 200 заявлений от пострадавших, каждый из которых отдал микрокредитной организации от 1 до 8,5 млн рублей².

Мошенники, будучи хорошими психологами, пользуются человеческой ленью и, применяя различные психологические приемы, стараются так настроить потенциальных потерпевших, что даже в дальнейшем, потеряв свои деньги, вкладчик активно защищает создателей проекта.

Рассмотренные нами способы совершения мошенничества в современных условиях, безусловно, не являются исчерпывающими. Преступники регулярно изобретают новые виды обмана и совершенствуют существующие.

¹ CROWDWIZ. Вся информация о проекте. URL: <https://techno-dohod.ru/crowdwiz-vse-informacziya-o-proekte/> (дата обращения: 22.01.2022).

² В Волгограде аферисток задержали за обман граждан на 100 млн рублей. URL: <http://v102.ru/> (дата обращения: 25.01.2022).

Учитывая вышеизложенное, представляется возможным выделить некоторые рекомендации по предупреждению мошенничеств в современных условиях:

1. В случае реальной угрозы хищения денежных средств с банковского счета банк сам блокирует счет. Конечно, это может вызывать определенные неудобства, но это более безопасно.

2. Дополнительным положительным моментом может стать разделение крупных денежных сумм по разным счетам.

3. Не держать на картах крупные денежные суммы, переводить их на банковские счета.

4. Не распространять третьим лицам личную информацию, сведения о своих счетах и действиях по ним, не следовать инструкциям собеседника.

5. Целесообразно отказываться от общения по входящим звонкам с незнакомых номеров телефонов; перезванивать в банк для проверки целостности денежных средств.

6. Не переходить на сторонние ссылки.

7. Общаться только посредством чата внутри приложения или сайта «Авито» и других торговых площадок, не переходя в другие мессенджеры.

8. Обращать особое внимание на адресную строку сайта, на который потенциальный потерпевший собирается перейти.

9. Установить двухфакторную аутентификацию в социальных сетях и электронной почте, подразумевающую получение смс-сообщения о входе в соответствующий интернет-ресурс [5, с. 136].

Таким образом, способ совершения мошенничества является одним из важнейших структурных элементов криминалистической характеристики, который взаимосвязан и взаимообусловлен с другими ее элементами. Данные о способе совершения преступления могут оказать помощь субъекту расследования в выборе средств и методов расследования, выдвижении следственных версий, установлении личности преступника и его розыске в целях своевременного, полного раскрытия и расследования преступления.

---

1. Драпкин Л. Я., Уткин М. С. Понятие и структура способа совершения преступления // Проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. Омск: ВШ МВД СССР, 1978. С. 129—134.

2. Уткин М. С. Особенности расследования и предупреждения хищений в потребительской кооперации. Свердловск, 1975. 187 с.

3. Решняк О. А., Ковалев С. А. Организация расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети «Интернет», на первоначальном и последующем этапах // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2 (53). С. 106—111.

4. Сычева А. В. Некоторые способы совершения «дистанционного» мошенничества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 167—173.

5. Бородкина Т. Н., Лавлюк А. В. Киберпреступления: понятие, содержание и меры противодействия // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 135—137.

---

1. Drapkin L. Ya., Utkin M. S. The concept and structure of the method of committing a crime. In: Problems in the fight against crime. Collection of scientific works. Omsk: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1978: 129—134. (In Russ.).

2. Utkin M. S. Features of investigation and prevention of theft in consumer cooperation. Sverdlovsk; 1975: 187. (In Russ.).

3. Reshnyak O. A., Kovalev S. A. Organization of the investigation of fraud committed using the Internet, at the initial and subsequent stages. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 106—111, 2020. (In Russ.).

4. Sycheva A. V. Some ways of committing "remote" fraud. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 167—173, 2020. (In Russ.).

5. Borodkina T. N., Lavlyuk A. V. Cybercrime: concept, content and countermeasures. Socio-political sciences, 135—137, 2018. (In Russ.).

Смагоринский Борис Павлович,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,

Smagorinsky Boris Pavlovich,
professor at the department of forensic science
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,

заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний;
anna002@yandex.ru

Сычева Анна Викторовна,
старший преподаватель
кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
anna002@yandex.ru

doctor of juridical sciences, professor,
honored scientist of the Russian Federation,
leading researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia;
anna002@yandex.ru

Sycheva Anna Viktorovna,
senior lecturer at the department
of forensic science
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
anna002@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 04.04.2022; одобрена после рецензирования 13.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 04.04.2022; approved after reviewing 13.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.102

doi: 10.25724/VAMVD.WWWW

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Андрей Александрович Суховой

Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия, suhovuniver@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию института процессуальной деятельности оперативных сотрудников на стадии предварительного расследования. Автор анализирует концептуальные основы деятельности оперативно-разыскных подразделений, выступающих в качестве субъектов уголовного процесса и обладающих определенным набором полномочий, которые могут быть направлены на достижение целей и задач всего уголовного процесса. Специфика правового статуса сотрудников оперативно-разыскных подразделений заключается в том, что они функционируют в составе правоохранительных органов (органов внутренних дел, ФТС России и др.) или органов, обеспечивающих безопасность государства (ФСБ России, внешняя разведка). Участие правоохранительных органов в уголовно-процессуальных отношениях обусловлено возможностью сбора данных, реализация которых предполагается при принятии уполномоченным на то органом решения о возбуждении уголовного дела, проведении проверок по сообщениям и заявлениям, в рамках сопровождения этапов уголовного судопроизводства, когда требуется обеспечение производства тех или иных действий, раскрытие следственных версий, а также осуществление оперативно-разыскных мероприятий с учетом специфики хода расследования уголовного дела, в том числе исполнение запросов и поручений должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело.

Ключевые слова: оперативные сотрудники, уголовно-процессуальная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, предварительное расследование

Для цитирования: Суховой А. А. Деятельность оперативных подразделений на стадии предварительного расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2. С. 179—185. doi: 10.25724/VAMVD.WWWW

ACTIVITIES OF OPERATIONAL UNITS AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Andrey Alexandrovich Sukhovey

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russia, suhovuniver@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the institution of procedural activities of operational officers at the stage of preliminary investigation. The author analyzes the conceptual foundations of the activities of the operational-search units, which act as subjects of the criminal process and have a certain set of features that can be directed to achieve the goals and objectives of the entire criminal process. The legal status of employees of operational-search units is that they function as part of law enforcement agencies (internal affairs agencies, the State Customs Committee of Russia, etc.) or agencies that ensure the security of the state (FSS of Russia, foreign intelligence). The participation of law enforcement agencies in criminal procedural relations is due to the possibility of collecting data, the implementation of which involves the adoption by the authorized bodies of a decision to initiate a criminal case, conduct checks on reports and statements, as well as within the framework of accompanying the stages of criminal proceedings, when it is required to ensure the production of those or other actions, disclosure of investigative leads, as well as the implementation of the ORM, taking into account the specifics of the course of the investigation of the criminal case, including the execution of requests and instructions of officials in charge of the criminal case.

Keywords: operational officers, criminal procedural activities, operational search activities, preliminary investigation
For citation: Sukhovey A. A. Activities of operational units at the stage of preliminary investigation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 179—185, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.WWWW

Оперативно-разыскные подразделения, выступая в качестве субъектов уголовно-процессуальной деятельности, обладают определенным набором специфических черт. Эти подразделения, реализуя свои цели и задачи, задействованы на всех этапах уголовного судопроизводства. Так, по мнению Т. О. Бозиева, специфика оперативно-разыскных подразделений обладает следующими признаками, которые в том числе могут быть использованы в рамках уголовно-процессуальной деятельности:

— функционируют в составе правоохранительных органов (органов внутренних дел, ФТС России и др.) или органов, обеспечивающих безопасность государства (ФСБ России, внешняя разведка);

— выполняют задачи, предусмотренные оперативно-разыскным законодательством (схожие с задачами уголовного судопроизводства);

— используют в своей деятельности оперативно-разыскные силы, средства и методы;

— привлекают для решения оперативно-разыскных задач конфиденциальных сотрудников;

— взаимодействуют с оперативными подразделениями своего ведомства, а также с другими органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность (далее — ОРД) [1, с. 228—229].

Указанные признаки правового статуса оперативных подразделений обеспечивают участие правоохранительных органов в уголовно-процессуальных отношениях, что обусловлено возможностью сбора данных, реализация которых предполагается при принятии решения о возбуждении уголовного дела, проведении проверок по сообщениям и заявлениям, а также в рамках сопровождения этапов уголовного судопроизводства, в том числе при исполнении запросов и поручений должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело.

Согласно ст. 156 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, что означает осуществление наибольшего количества процессуальных действий именно на данной стадии уголовного процесса (см.: [2, с. 62]).

Важно понимать, что при возбуждении уголовного дела роль оперативных подразделений сводится, с одной стороны, к установлению поводов и оснований для принятия отмеченного решения, а с другой — к осуществлению действий в случае предоставленного им процессуального статуса органа дознания. В связи с этим предварительное

расследование выступает последующей стадией, где требуется обеспечение производства тех или иных действий, раскрытие следственных версий, а также осуществление оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) с учетом специфики хода расследования уголовного дела.

При изучении данного вопроса следует указать на целевое назначение стадии предварительного расследования через призму оперативно-разыскной деятельности. Ведь по уяснению того, какие цели преследует рассматриваемая стадия уголовного судопроизводства, можно предположить, каковы оперативно-разыскные средства и методы достижения данных целей. Так, по мнению В. А. Василенко, цели стадии предварительного расследования сводятся:

— к сбору доказательств, подтверждающих или опровергающих виновность лица в совершении преступления;

— установлению обстоятельств совершения преступления;

— разрешению вопроса о возмещении вреда здоровью потерпевшего, причиненного противоправными действиями при совершении преступления;

— защите лиц от необоснованного уголовного преследования и возмещению ущерба каждому, кто был подвергнут таковому [3, с. 63].

Соответственно, необходимо уточнить и конкретизировать назначение ОРД при осуществлении предварительного расследования. Для этого следует синхронизировать отмеченные выше цели, которые преследуются в рамках предварительного расследования, с возможностями (силами и средствами) ОРД.

Изучая отмеченную выше проблематику, Я. М. Мазунин и А. Ю. Гейсман приходят к выводу, что к задачам ОРД при расследовании уголовного дела относятся:

— получение и проверка первичной информации о признаках криминальной активности конкретных лиц и формирований, совершенных преступлениях и причастных к ним лицах;

— выявление лиц, осведомленных о преступлениях, обнаружение имущества, денег и ценностей, добытых преступным путем, предметов, документов и других ценностей, объектов — носителей доказательственной информации, их сохранение;

— установление преступников, местонахождение лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда;

— решение частных задач по обеспечению достижения целей ОРД, предусмотренных законом [4, с. 64].

Немаловажным с точки зрения определения теоретических основ вопросом выступает не только установление задач ОРД в рамках предварительного расследования, но и выяснение правового статуса оперативных подразделений правоохранительных органов, т. е. прав, обязанностей и в некоторых случаях ответственности в уголовно-процессуальной деятельности.

В связи с этим Г. А. Подкаура полагает, что, несмотря на значительные расхождения двух форм правоохранительной деятельности: уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной, при расследовании преступлений применяется тот объем полномочий органов, осуществляющих ОРД, который позволяет обеспечить, сопроводить проведение следственных действий, а также в целом собрать необходимый объем сведений для раскрытия сущности большинства следственных версий и задач на стадии предварительного расследования [5, с. 160].

Рассуждая над аналогичным вопросом, П. И. Иванов утверждает, что ОРД на стадии предварительного расследования позволяет своевременно:

— выявлять неизвестные для органов следствия или дознания факты противоправных деяний со стороны установленных лиц, а в случае отсутствия данных о лице — устанавливать и осуществлять поиск (розыск) с последующим задержанием;

— осуществлять розыск похищенных в ходе совершения преступления предметов и вещей, их обнаружение и изъятие уголовно-процессуальным способом;

— устанавливать ранее неизвестных органам дознания и следствия граждан, которые обладают нужными сведениями, в рамках расследования уголовных дел;

— определять и доказывать наличие специфики совершения преступления, в том числе отягчающих обстоятельств в действиях привлекаемых к ответственности лиц;

— оказывать содействие выработке необходимого инструментария и тактических особенностей в процессе доказывания по уголовным делам;

— иными способами обеспечивать и сопровождать разрешение имеющихся у следствия и дознания вопросов [6, с. 44].

Оперативные подразделения правоохранительных органов фактически участвуют в процессе доказывания по уголовным делам, сборе доказательств, исполнении отдельных поручений лиц, осуществляющих расследование по уголовным делам, где требуется не только проведение идентифицирующих или розыскных мероприятий, но и непосредственное применение норм уголовно-процессуального законодательства с соответствующим установлением статуса для оперативных работников.

Вместе с тем именно к ответственности следователя или дознавателя относится определение необходимости, объема, направленности оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования, поскольку в случае нахождения материалов уголовного дела в производстве следователя или дознавателя осуществление деятельности оперативных подразделений возможно лишь для установления местонахождения лица, причастного к совершению преступления.

Необходимо отметить, что на тактические условия осуществления ОРМ в рамках предварительного расследования влияет характеристика преступной деятельности до момента возбуждения уголовного дела и последующих следственных действий, а также организация (в случае наличия) противоборства следствию (дознанию) в рамках расследования уголовного дела. В связи с этим следователь посредством отдельных поручений оперативным работникам обеспечивает конкретизацию и установление характера проводимых ОРМ.

В свою очередь могут возникать случаи, когда из-за отсутствия должного уровня взаимодействия оперативных подразделений и органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, происходит нарушение процесса сбора и доказывания по уголовному делу. Например, когда следователь ограничивается направлением письменного поручения оперативно-розыскным подразделениям, полученные результаты в ходе проведения ОРМ направлены только на изъятие предметов и вещей, а не на их использование в процессе доказывания по уголовному делу. Кроме того, при отсутствии должного уровня исходных данных, связанных с осуществлением предварительного расследования оперативными работниками, в ОРМ не используется весь арсенал источников доказательственной информации.

В качестве еще одной проблемной стороны отсутствия должного взаимодействия органов, осуществляющих ОРД и уголовно-процессуальную деятельность, можно назвать отсутствие должного уровня процессуального закрепления полученных

в ходе ОРМ результатов, что, в свою очередь, способно привести:

— к нарушению порядка задержания лица, причастного к совершению преступления;

— нарушению порядка изъятия и оформления в качестве вещественных доказательств по уголовному делу предметов и вещей, имеющих значение для предварительного расследования;

— иным процессуальным нарушениям, которые приводят к необоснованному исключению ряда доказательств из материалов уголовного дела.

Для предотвращения возникновения случаев совершения ошибок при сборе доказательств по уголовному делу некоторые авторы указывают на потребность составления обязательного для исполнения заинтересованными оперативными подразделениями и органами следствия и дознания плана, куда включаются ОРМ и следственные действия с кратким описанием их содержания, времени исполнения, а также непосредственные исполнители. Такой план должен быть утвержден соответствующими руководителями и принят к исполнению (см.: [7, с. 102]).

Еще одной задачей, которая лежит в плоскости реализации процессуальной деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов, является применение оперативно значимой информации в рамках предварительного расследования. К тому же не весь объем информации такого характера с учетом ее происхождения и тактики проведения ОРМ может быть раскрыт в рамках предварительного расследования (например, в случае когда она получена от лиц, оказывающих негласное содействие; применены технические зашифрованные средства получения и обработки информации и т. д.). При наличии зашифрованной информации ее изъятие и документирование при проведении ОРМ недопустимо, в случае если такая информация может быть добыта и процессуально оформлена уголовно-процессуальными средствами.

По данному вопросу Ю. Л. Бойко пишет, что часть ОРМ, которые проводятся в рамках расследования уголовного дела, но в значительной степени ограничивают права и свободы граждан, не должна применяться по двум причинам, а именно [8, с. 139]:

— при возбуждении уголовного дела действия должны носить процессуальный порядок, а значит, негласность, присущая ОРМ, неприменима в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны защиты;

— характер и объем следственных действий соотносен и достаточен в рамках разрешения

задач, присущих стадии предварительного расследования в рамках уголовного судопроизводства.

В свою очередь представленная выше форма отношений, возникающих в процессе предварительного расследования, не соответствует фактическим потребностям противодействия преступным посягательствам, защите прав и законных интересов граждан, общества и государства, а также не позволяет законным образом обеспечить участие сил и средств, присущих оперативным подразделениям правоохранительных органов.

В качестве иллюстрации к сказанному напомним Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2018 г. № 328-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рачкова Станислава Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьями 6, 7 и 8, пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности”»¹.

В своей жалобе гражданин С. Е. Рачков, осужденный за совершение преступлений, просил признать не соответствующими ст. 19, 46, 49 и 50 Конституции Российской Федерации ст. 6 «Оперативно-розыскные мероприятия», ст. 7 «Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий» и ст. 8 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий», п. 1 ч. 1 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

По мнению заявителя, эти нормы неконституционны, поскольку в силу своей неопределенности позволяют в процессе ОРД устанавливать негласное наблюдение в жилом помещении с использованием аппаратуры видеозаписи по судебному решению без указания в нем фактических оснований для осуществления наблюдения, производить личный досмотр задержанного, проводить под видом оперативно-розыскного обследования жилого помещения фактический обыск, а также использовать результаты вышеуказанных действий в доказывании по уголовному делу.

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рачкова Станислава Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьями 6, 7 и 8, пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2018 г. № 328-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

По итогам изучения представленных материалов Конституционный Суд Российской Федерации признал оспариваемые нормы соответствующими требованиям конституционного законодательства и отказал в удовлетворении иска заявителя¹. В качестве аргументов суд установил, что санкционирование и проведение оспариваемых ОРМ осуществляется специальными субъектами ОРД, а сами результаты не могут быть автоматическим образом приобщены к материалам уголовного дела (в случае осуществления предварительного расследования). С целью легализации материалов в части их уголовно-процессуального значения должны быть соблюдены процедура и требования, которые присущи уголовно-процессуальным доказательствам².

В свою очередь в качестве полномочий, присущих должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование, выступает оценка с точки зрения допустимости приобщения и соблюдения требований, которые предъявляются в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством к доказательствам по уголовным делам [9, с. 89].

Все это позволяет сделать вывод, что судебная практика, с одной стороны, регламентирует законность проведения ОРМ при осуществлении предварительного расследования, которые по своему содержанию в некоторой степени соответствуют аналогичным следственным действиям (например, ОРМ: негласное наблюдение в жилом помещении с использованием аппаратуры видеозаписи, обследование жилого помещения: личный досмотр, обыск и др.), а с другой стороны, указывает на существенные отличительные черты ОРМ и следственных действий, что не позволяет обеспечивать должный уровень уголовно-процессуального статуса оперативных подразделений правоохранительных органов.

¹ См.: определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2008 г. № 312-О-О, от 27 мая 2010 г. № 704-О-О, от 15 июля 2010 г. № 1043-О-О, от 23 сентября 2010 г. № 1210-О-О, от 28 января 2016 г. № 73-О, от 28 марта 2017 г. № 570-О, от 25 мая 2017 г. № 988-О и др.

² См.: определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2010 г. № 1487-О-О, от 25 января 2012 г. № 167-О-О, от 19 июня 2012 г. № 1112-О, от 20 февраля 2014 г. № 286-О, от 29 мая 2014 г. № 1198-О, от 20 ноября 2014 г. № 2557-О, от 29 сентября 2015 г. № 2255-О, от 29 марта 2016 г. № 479-О и др.

Разрешение данного вопроса возможно в случае снятия условно сложившегося и применяемого на практике стереотипа использования данных, полученных в результате осуществления ОРМ, на стадиях уголовного судопроизводства, в особенности в рамках предварительного расследования.

В научных кругах присутствуют мнения, сводящие процессуальную деятельность оперативных подразделений лишь к исполнению поручений следователя или дознавателя, а также установлению личности и розыску лица, причастного к совершению преступления, в рамках которого осуществляется предварительное расследование. Вместе с тем нами на уровне теоретико-прикладного характера были обоснованы потребность и фактическое наличие деятельности оперативных подразделений в рамках уголовно-процессуального значения.

В связи с этим укажем на ряд особенностей процессуальной деятельности оперативных подразделений в рамках осуществления предварительного расследования:

1. Определение на первоначальных стадиях уголовного расследования целесообразности наделения оперативного подразделения правоохранительных органов статусом органа дознания, уполномоченного на проведение неотложных следственных действий и ОРМ, с целью разрешения имеющихся перед следствием и дознанием задач; исполнение поручений органов следствия и дознания с последующим приобщением к материалам уголовных дел; реализацию иных процессуальных действий посредством применения в том числе средств и сил ОРД.

2. Повышение уровня профессиональных навыков оперативных работников правоохранительных органов в сфере уголовно-процессуальной деятельности в вопросах определения соразмерности, достоверности и законности осуществления следственных, неотложных следственных действий, а также ОРМ, результаты которых будут использованы на стадии предварительного расследования; оказание органам следствия и дознания методологической помощи в осуществлении сбора, оценки доказательств и организации процесса дознания по уголовным делам.

1. Бозиев Т. О. Теоретические основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие. 2-е изд., перераб и доп. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та МВД России, 2019. 276 с.

2. Бородулин В. В., Вандышев А. С. Правовые и организационно-тактические вопросы деятельности сотрудников УР горрайорганов внутренних дел: учеб. пособие. Москва: [Б. и.], 2005. 121 с.

3. Василенко В. А. Понятие предварительного расследования и его значение в уголовном процессе России // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 1 (66). С. 62—65.

4. Мазунин Я. М., Гейсман А. Ю. Оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования преступлений // Современные проблемы прикладных наук: сб. науч. тр. по итогам финансируемых науч. исслед. за 2011 г. Омск: Омский экон. ин-т, 2012. С. 60—76.

5. Подкаура Г. А. Оперативно-розыскное обеспечение возмещения материального ущерба на стадии предварительного расследования уголовного дела // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2009. № 2 (16). С. 159—162.

6. Иванов П. И. Роль оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства в механизме доказывания // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Мисхор, 26—27 сент. 2019 г. Мисхор: Ариал, 2019. С. 43—45.

7. Зуев С. В. Теоретические и прикладные проблемы совершенствования уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых организованными преступными группами и преступными сообществами (организациями): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2010. 431 с.

8. Бойко Ю. Л. О проблемах использования оперативно-розыскных данных в ходе предварительного расследования // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сб. ст. Ч. 82. Томск: Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2019. С. 138—139.

9. Александров А. В. Оперативно-розыскное сопровождение уголовного преследования организованных преступных групп: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 178 с.

1. Boziev T. O. Theoretical foundations of operational-search activity. Textbook. 2nd ed., amend. and add. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2019: 276. (In Russ.).

2. Borodulin V. V., Vandyshev A. S. Legal and organizational-tactical issues of the activities of employees of the UR of the city district bodies of internal affairs. Textbook. Moscow; 2005: 121. (In Russ.).

3. Vasilenko V. A. The concept of preliminary investigation and its significance in the criminal process of Russia. Society: politics, economics, law, 62—65, 2019. (In Russ.).

4. Mazunin Ya. M., Geisman A. Yu. Operational-search support for the preliminary investigation of crimes. In: Modern problems of applied sciences. Collection of scientific papers based on the results of funded scientific research in 2011. Omsk: Omsk Economic Institute; 2012: 60—76. (In Russ.).

5. Podkaura G. A. Operative-investigative support of compensation for material damage at the stage of preliminary investigation of a criminal case. Socio-economic management: theory and practice, 159—162, 2009. (In Russ.).

6. Ivanov P. I. The role of operational-search support of the preliminary investigation and trial in the mechanism of proof. In: Problems of obtaining and using evidentiary and forensically significant information. Materials of the international scientific and practical conference (Miskhor, 26—27 September 2019). Miskhor: Arial; 2019: 43—45. (In Russ.).

7. Zuev S. V. Theoretical and applied problems of improving the criminal prosecution in cases of crimes committed by organized criminal groups and criminal communities (organizations). Dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow; 2010: 431. (In Russ.).

8. Boyko Yu. L. On the problems of using operational-search data during the preliminary investigation. In: Legal problems of strengthening the Russian statehood. Collection of articles. Iss. 82. Tomsk: Tomsk State University Publishing House; 2019: 138—139. (In Russ.).

9. Aleksandrov A. V. Operational-investigative support of the criminal prosecution of organized criminal groups. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2006: 178. (In Russ.).

Суховей Андрей Александрович,
адъюнкт Санкт-Петербургского университета
МВД России;
suhovuniver@mail.ru

Sukhovey Andrey Alexandrovich,
adjunct of the Saint Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
suhovuniver@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.04.2022; одобрена после рецензирования 14.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 05.04.2022; approved after reviewing 14.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

УДК 343.131.2

doi: 10.25724/VAMVD.XXXX

**РЕАЛИИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
ПОСРЕДСТВОМ ЗАЯВЛЕНИЯ ХОДАТАЙСТВ**

Татьяна Владимировна Черкунова

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

Cherkunova_tatyana@mail.ru

Аннотация. Законодатель, стремясь уравнять стороны уголовного процесса России в силу правовых знаний и навыков, наделил уголовно преследуемое лицо неотъемлемым конституционным правом на защиту и получение квалифицированной юридической помощи. Реализация обозначенных прав осуществляется через деятельность независимого от органов обвинения и суда субъекта — адвоката, который, в свою очередь, реализует процессуальные полномочия посредством заявления ходатайств (просьб). Вместе с тем судебно-следственная практика образует отрицательную статистику разрешения ходатайств, заявляемых стороной защиты, в некоторых случаях наблюдаются немотивированные отказы в их удовлетворении. Обозначенная проблематика не нова и неоднократно выступала предметом исследования таких российских ученых-процессуалистов, как К. Б. Калиновский, Л. Д. Калинкина, А. А. Давлетов, Ю. П. Гармаев. Однако проблема разрешения ходатайств защиты является актуальной по настоящее время, что и обусловило выбор темы данной статьи. При проведении исследования материальной основой стали материалы судебно-следственной практики, дисциплинарных производств адвокатских профессиональных сообществ, научно-теоретические труды российских ученых-процессуалистов. Методологическую основу исследования составили диалектический метод научного познания, анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, специальные методы, логический, системно-структурный методы, а также частный метод.

Ключевые слова: адвокат, сторона обвинения, суд, квалифицированная юридическая помощь, ходатайства

Для цитирования: Черкунова Т. В. Реалии реализации защитительной деятельности в уголовном процессе посредством заявления ходатайств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 186—191. doi: 10.25724/VAMVD.XXXX

**REAL IMPLEMENTATION OF PROTECTIVE ACTIVITIES
IN CRIMINAL PROCEEDINGS
THROUGH THE APPLICATION OF PETITIONS**

Tatyana Vladimirovna Cherkunova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Nizhny Novgorod, Russia, Cherkunova_tatyana@mail.ru

Abstract. The legislator, in an effort to equalize the parties to the criminal process in Russia by virtue of legal knowledge and skills endowed the criminally prosecuted person with an inalienable constitutional right to protection and receive qualified legal assistance. The implementation of the indicated rights is carried out through the activities of an independent subject from the prosecution authorities and the court — a lawyer, who, in turn, exercises procedural powers through the filing of petitions (requests). At the same time, judicial and investigative practice forms negative statistics on the resolution of petitions filed by the defense in some cases there are unmotivated refusals to satisfy them. The indicated problem is not new and has repeatedly been the subject of research by such Russian scientists as processologists such as K. B. Kalinovsky, L. D. Kalinkina, A. A. Davletov, Yu. P. Garmayev. However, the problem of resolving defense motions is relevant to the present, which led to the choice of the topic of this study. When conducting the study, the material basis was the materials of judicial

and investigative practice, materials of disciplinary proceedings of lawyers' professional communities, scientific and theoretical works of Russian scientists of procedurals. The methodological basis of the study was the dialectical method of scientific knowledge, analysis, synthesis, induction, deduction, description, special methods, logical, system-structural methods, as well as a particular method.

Keywords: lawyer, prosecution, court, qualified legal assistance, petitions

For citation: Cherkunova T. V. Real implementation of protective activities in criminal proceedings through the application of petitions. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 186—191, 2022. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.XXXX

Основные положения о роли адвокатов (юристов) в уголовном процессе закреплены восьмым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступлений¹. Указанные положения провозглашают право людей всего мира на создание условий, при которых законность будет соблюдаться, на адекватное обеспечение прав и основных свобод человека, на которые все люди имеют право, и требуют, чтобы все имели эффективную возможность пользоваться юридической помощью, осуществляемой независимой юридической профессией².

Гарантией обеспечения реализации права на защиту и получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России выступает процессуально-правовой статус адвоката (ч. 2 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)), предполагающий принадлежность к независимому профессиональному адвокатскому сообществу. Право на получение от адвоката квалифицированной юридической помощи выступает конституционной основой деятельности адвокатуры. Как презюмирует закон, именно лицо, обладающее статусом адвоката, отвечает критериям, необходимым для оказания квалифицированной юридической помощи:

- высшее юридическое образование;
- опыт юридической деятельности;

¹ Положения о роли юристов: (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Гаване, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 г.). URL: <https://fparf.ru/documents/international-acts/provisions-on-the-role-of-lawyers/> (дата обращения: 01.04.2022).

² Под независимой юридической профессией принято понимать различные ассоциации адвокатов, которые играют важнейшую роль в поддержании профессиональных стандартов и этических норм и правил, обеспечивают для всех без исключения, кто нуждается, юридическую помощь и кооперируются с Правительством Российской Федерации и другими институтами общества для достижения целей правосудия и общественного интереса.

— высокая квалификация, подтвержденная квалификационным экзаменом;

— членство в профессиональном адвокатском образовании;

— обязанность соблюдения профессиональных стандартов и этических норм при осуществлении адвокатской деятельности, поддерживаемых постоянным профессиональным контролем [1].

Прежде всего отметим, что суть оказания квалифицированной юридической помощи заключена не только в субъекте ее оказания, но и непосредственно в реальности и эффективности юридических услуг, оказываемых защитником. Адвокат-защитник, участвующий в уголовном деле и обеспечивающий реализацию прав своего подзащитного, обязан: дать доверителю исчерпывающую правовую информацию; помочь выбрать правильное решение; оказать правовую помощь в реализации прав, действий и решений, при этом не усугубив его положения; выявить слабые стороны обвинения; оспорить необоснованные и незаконные доводы в отношении своего доверителя; указать на нарушения закона, нашедшие отражение в протоколах следственных и иных процессуальных действий.

Вместе с тем адвокат функционирует не сам по себе, а в системе складывающихся уголовно-процессуальных отношений. Наравне с защитником суд, прокурор, следователь, дознаватель также обязаны, во-первых, разъяснять подозреваемому, обвиняемому их права, обязанности и ответственность в уголовном процессе; во-вторых, реально обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Адвокат не является единственным субъектом, на которого возложена обязанность обеспечения реализации права заинтересованных лиц на защиту и квалифицированную юридическую помощь. Органы предварительного расследования (властные субъекты процесса [2]), выступающие представителями государства, равно обязаны обеспечить возможность реализации прав уголовно преследуемых лиц. В широком смысле интересы стороны защиты и обвинения заключены в обеспечении функционирования правовой сис-

темы путем реализации правовых предписаний [3], и их противоречия недопустимы.

Однако судебно-следственная практика свидетельствует об иных реалиях уголовного судопроизводства. Не в каждом случае адвокат, выступающий в уголовном деле в роли защитника, может эффективно реализовать процессуальные возможности с целью обеспечения квалифицированной (а равно качественной) юридической помощи своему подзащитному. В большинстве случаев реализация процессуальных обязанностей защитника напрямую обусловлена волеизъявлением властных субъектов процесса, несмотря на то что их выполнение не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело¹. Как следствие, предметом данного исследования стало изучение препятствий к реализации эффективной защитительной деятельности адвоката в уголовном процессе, возникающих при разрешении ходатайств, заявляемых стороной защиты.

Следует начать с указания на то, что набор средств для эффективной деятельности стороны защиты в уголовном процессе весьма ограничен. Так, данная сторона процесса в большей степени реализует свои функциональные обязанности именно путем внесения различного рода ходатайств (гл. 15 УПК РФ) и жалоб (ст. 125, 125.1 УПК РФ). Вместе с тем законодатель, закрепив обязательность рассмотрения (соответствующих) ходатайств государственными органами (ст. 159 УПК РФ), внес оговорку, согласно которой ходатайство подлежит удовлетворению в том случае, если обстоятельства, изложенные в нем, «имеют значение для уголовного дела».

Но обязанность определять значимость ходатайства возложена исключительно на должностное лицо, которое непосредственно осуществляет предварительное расследование (сторону обвинения).

Таким образом, функции защиты в уголовном деле большей частью реализуются путем внесения «вынужденной» просьбы, обращенной к органам предварительного расследования, фактически означая призыв к процессуальному сопернику осуществить какие-либо действия в интересах противоположной стороны. Подобная «вынужденная» просьба

создает парадокс, заключающийся в том, что, разрешая то или иное ходатайство защитника², лицо, производящее предварительное расследование, по сути, оценивает результаты собственной процессуальной обвинительной деятельности по делу. В итоге в судебно-следственной практике условие «если обстоятельства имеют значение для дела» видоизменяется следующим образом: «если ходатайство не мешает (не опровергает) обвинительной(-ую) деятельности(-ь)».

В связи с этим еще в 1998 г. А. П. Гуськова отмечала следующее: «изучив статистику разрешения ходатайств при производстве предварительного следствия, установлено, что в 82 % случаев следователи отказывали адвокатам в удовлетворении их ходатайств. Впоследствии суды удовлетворяли данные ходатайства прямо или косвенно в 67 % случаев» [4, с. 47].

Должностное лицо, ведущее предварительное расследование, строго ориентировано на реализацию определяющей функции — обвинения. По окончании предварительного расследования не должно остаться сомнений в итоговых выводах стороны обвинения. Ходатайства защиты есть суть указанных сомнений, что, как правило, вынуждает сторону обвинения отказывать в их удовлетворении. То есть ходатайства стороны защиты — изначально коллизионная просьба, а не действенный механизм реализации права на получение квалифицированной юридической помощи.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П указывает: «...суд как орган правосудия призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного, т. е. законного, обоснованного и справедливого, решения по делу и принимать меры к устранению препятствующих этому обстоятельств. В противном случае обеспечение в должном объеме права на судебную защиту было бы невозможным»³.

В сложившейся ситуации коллизию, по идее, обязан устранить суд — стороны равны перед судом,

² К примеру, о дополнении материалов уголовного дела ввиду недостаточности доказательственной базы.

³ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации в определениях от 22 апреля 2010 г. № 596-О-О, от 22 ноября 2012 г. № 2054-О, от 23 июня 2016 г. № 1432-О. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 01.04.2022).

следовательно, незаконные отказы в удовлетворении ходатайств должны быть минимизированы посредством беспристрастного судебного контроля. Однако практика в этом вопросе складывается неоднозначно.

1. Право стороны защиты на обжалование результата разрешения ходатайств в порядке ст. 125 УПК РФ. Сторона защиты в рамках предварительного расследования ходатайствовала перед следователем о приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста. Следователем отказано в удовлетворении ходатайства. Защитник обратился в суд, обжалуя действия должностного лица как незаконные. Однако суд первой инстанции не принял жалобу к производству, мотивировав это тем, что предмет, обозначенный в жалобе, не относится к предмету контроля в порядке ст. 125 УПК РФ.

Суд второй инстанции, признав законным решение первого суда, добавил: «в соответствии с нормами ст. 38 УПК РФ следователь самостоятельно направляет ход расследования, принимает решение о производстве следственных и иных процессуальных действий. Суд не может вмешиваться в компетенцию органов предварительного расследования, требовать проведения процессуальных действий, уточнять или изменять порядок собирания доказательств»¹.

Как видим, суд «разъяснил», что разрешение ходатайств является исключительной компетенцией органов предварительного расследования, которая не подлежит судебному контролю. Как следствие, ходатайства защиты разрешаются стороной обвинения исключительно по своему усмотрению ввиду полномочий самостоятельного направления хода расследования (п. 3 ч. 2 ст. 38, п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ).

2. Право стороны защиты подать ходатайство в соответствии со ст. 271 УПК РФ непосредственно в ходе судебного разбирательства по уголовному делу. В этом случае судебнo-следственная практика также содержит ряд проблемных алгоритмов:

— во-первых, защитник, чтобы быть «услышанным» судом, вынужден многократно подавать ходатайства с одной и той же просьбой. К примеру, защитником заявлено 411 ходатайств в ходе судеб-

ного разбирательства, из них 213 — об истребовании доказательств. Обвиняемым заявлено 77 ходатайств, из них 63 — об истребовании доказательств². 208 ходатайств были разрешены судом в период двух утренних заседаний. При этом некоторые рассмотрены в течение 5 минут [5];

— во-вторых, и здесь нередки случаи немотивированных отказов в удовлетворении ходатайств. В одном из них судья, не удаляясь в совещательную комнату, без мотивировки отказал в ходатайстве, заявленном защитником, о назначении повторной экспертизы (при этом обоснование ходатайства заявлено на 23 листах формата А4; текст выполнен типографским способом).

Результатом повторного заявления ходатайства и требования мотивировки отказа (ч. 4 ст. 7 УПК РФ) стало занесение в протокол судебного заседания замечания защитнику «за пререкание с председательствующим» и вынесение частного определения с направлением его в адвокатское сообщество «...в связи с нарушением регламента судебного заседания»³.

К. Б. Калиновский выявил, что 62 % защитников указывали на обосновательное отклонение заявленных ими ходатайств о приобщении к материалам дела документов, предметов, проведении иных процессуальных действий. 23 % пояснили, что ходатайство неоднократно отклонялось перед удовлетворением; 10 % резюмировали, что ходатайства были удовлетворены лишь на стадии судебного разбирательства; 19 % констатировали, что ходатайства так и не были удовлетворены, дополнительные материалы стороны защиты фигурировали лишь в кассационном производстве.

Ходатайства, заявленные после ознакомления с материалами уголовного дела, по окончании расследования отклонялись в 89 % случаев.

² Оговоримся, что многократное заявление ходатайств стороной защиты может быть обусловлено как немотивированным отказом в их удовлетворении, так и использованием защитником своего процессуального права «во зло» в целях противодействия; создания помех в работе должностного лица, ведущего расследование, судьи; усложнения уголовного процесса; затягивания сроков производства по делу. Однако в данном исследовании основной предмет исследования — немотивированный отказ в удовлетворении ходатайств.

³ См.: Решение Арзамасского городского суда от 27 сентября 2017 г. по делу № 32А–3201/2017 // Архив Арзамасского городского суда Нижегородской области за 2017 г.

¹ Апелляционное постановление Московского областного суда от 5 сентября 2017 г. по делу № 22к-6168/2017. URL: <http://oblsud.mo.sudrf.ru> (дата обращения: 01.04.2022). См. также: Ковтун Н. Н. Предмет судебного следствия в судебно-контрольных производствах // Уголовный процесс. 2007. № 3. С. 14—19.

Вместе с тем противоположная ситуация обстоит с ходатайствами, заявленными суду стороной обвинения. Так, 56 % опрошенных государственных обвинителей указали, что их ходатайства удовлетворяются полностью, 30 % — ходатайства удовлетворены на 3/4, 10 % — приблизительно наполовину, и лишь 4 % — в пределах 1/3 [6].

Таким образом, вопреки смыслу предписаний Конституции Российской Федерации и правовой позиции, сформированной в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2005 г. № 42-О, закрепляющих право применительно к уголовному судопроизводству не просто подать ходатайство или жалобу, но и получить адекватный ответ¹, практика объективирует явное нарушение прав участников процесса со стороны защиты.

Реализация прав уголовно преследуемого лица зависит только от лица, осуществляющего предварительное расследование, и суда. Добросовестный защитник, выступающий основным субъектом реализации права уголовно преследуемого лица на получение квалифицированной юридической помощи, фактически лишен возможности осуществлять надлежащую (эффективную) профессиональную деятельность.

Несправедливое разрешение ходатайств лишает уголовно преследуемое лицо права отстаивать в процессе свою позицию по делу, представлять в ее обоснование доказательства и приводить имеющиеся аргументы по доводам и доказательствам стороны обвинения.

Вместе с тем гарантия государства относительно обеспечения данного лица квалифицированной юридической помощью не ограничивается исключительно беспрепятственной возможностью ее предо-

ставления, а именно услуг адвоката, номинальной защиты. Данная гарантия должна реализовываться путем реально работающих механизмов защиты в уголовном судопроизводстве.

Юридическая обязанность государства соотносится с обеспечением реализации права на получение квалифицированной юридической помощи (не препятствовать своевременному и свободному выбору и участию защитника в уголовном судопроизводстве; контролировать сам процесс оказания эффективной юридической помощи; предоставлять защитнику возможность полной реализации предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством прав, свобод и обязанностей).

В заключение необходимо сделать следующие выводы.

1. В настоящее время органы предварительного расследования и суд в ряде случаев чинят препятствия, необъективно, немотивированно разрешая ходатайства (просьбы по защите) исключительно через призму обвинительной деятельности.

Тем не менее отказ должностного лица, производящего предварительное расследование, в удовлетворении ходатайства стороны защиты (равно как и решение суда) должен быть максимально мотивирован.

2. Отказ в удовлетворении ходатайства необходимо выносить с приведением конкретных доводов, свидетельствующих о том, что действия и решения, о которых ходатайствует сторона защиты, являются явно избыточными как для процесса доказывания, так и для обеспечения прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе.

¹ См.: По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388

и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2005 г. № 42-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Малько А. В., Афанасьев С. Ф., Ермаков А. Н. Стандарты оказания квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации // Государство и право. 2019. № 10. С. 49—57.

2. Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 446 с.

3. Александров А. С., Александрова И. А., Круглов В. И. Назначение уголовного судопроизводства и наказания. Нижний Новгород: Нижегород. акад. МВД РФ, 2005. 100 с.

4. Гуськова А. П. Взаимодействие следователя и адвоката-защитника в обеспечении прав и законных интересов личности // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия. Нижний Новгород: Нижегород. юрид. ин-т МВД РФ, 1998. С. 47—49.

5. Калинкина Л. Д. Ходатайства, заявления, жалобы как способы противодействия адвоката-защитника произволу судьи в ходе разбирательства в суде первой инстанции // Ученые записи кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Вып. 1 / науч. ред. Л. Д. Калинкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. С. 4—10.

6. Калиновский К. Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / под ред. В. В. Волкова. Москва: Норма, 2015. С. 93—103.

1. Malko A. V., Afanasyev S. F., Ermakov A. N. Standards of rendering qualified legal assistance in the Russian Federation. State and law, 49—57, 2019. (In Russ.).

2. Berova D. M. Fundamentals of the theory of functionalism in criminal proceedings. Dissertation of doctor of juridical sciences. Rostov-on-Don; 2011: 446. (In Russ.).

3. Alexandrov A. S., Alexandrova I. A., Kruglov V. I. Appointment of criminal proceedings and punishment. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2005: 100. (In Russ.).

4. Guskova A. P. Interaction of the investigator and the lawyer-defender in ensuring the rights and legitimate interests of the individual. In: The Russian legal system and international law: modern problems of interaction. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 1998: 47—49. (In Russ.).

5. Kalinkina L. D. Petitions, statements, complaints as ways to counteract the lawyer-defender's arbitrariness of the judge during the proceedings in the court of first instance. In: Scientific records of the department of criminal procedure, justice and prosecutorial supervision of N. P. Ogarev Mordovian State University. Iss 1. Scientific ed. by L. D. Kalinkina. Saransk: Publishing House of Mordovian University; 2010: 4—10. (In Russ.).

6. Kalinovskiy K. B. Accusatory bias in criminal proceedings: normative prerequisites in the current Russian legislation. In: Accusation and justification in post-Soviet criminal justice. Collection of articles. Ed. by V. V. Volkov. Moscow: Norma; 2015: 93—103. (In Russ.).

Черкунова Татьяна Владимировна,
преподаватель кафедры
предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России;
Cherkunova_tatyana@mail.ru

Cherkunova Tatyana Vladimirovna,
lecturer at the department
of preliminary investigations
of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Cherkunova_tatyana@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 18.05.2022.

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.
Подписной индекс на II полугодие 2021 г. в каталоге «Пресса России» – Э22761.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и приставные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.
2. Уголовное право и криминология.
3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.
4. Страницы истории.
5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

---

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
 _____
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов, их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы*³

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.

